

Н. Б. Кошкарёва, Е. С. Кузнецова, Е. Н. Сорокина

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Хрестоматия к семинарским занятиям по курсу
«Современный русский язык. Синтаксис простого предложения»

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет (НГУ)

Гуманитарный факультет
Кафедра общего и русского языкознания

Н. Б. Кошкарева, Е. С. Кузнецова, Е. Н. Сорокина

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

**Хрестоматия к семинарским занятиям по курсу
«Современный русский язык. Синтаксис простого предложения»**

Новосибирск 2013

ББК Ш13 (Рус) – 923.2
УДК 811.161.1 (075)

К 762 Кошкарёва Н. Б., Кузнецова Е. С., Сорокина Е. Н. Синтаксические связи: Хрестоматия к семинарским занятиям по курсу «Современный русский язык. Синтаксис простого предложения». Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2013. 175 с.

Учебно-методическое пособие «Синтаксические связи» содержит материалы к семинарским занятиям, посвященным изучению типов синтаксических связей в современном русском языке: определению их границ, критериям разграничения, выделению разновидностей. В пособии приводятся фрагменты работ отечественных и зарубежных лингвистов, некоторые из которых стали библиографической редкостью. Каждая работа сопровождается контрольными вопросами по наиболее важным аспектам исследований.

Учебно-методическое пособие предназначено для студентов 3-го курса отделения «русский язык и литература», обучающихся по специальности 021700 – «Филология», и 2-го курса факультета журналистики Новосибирского государственного университета. Оно может быть использовано при самостоятельной подготовке к коллоквиуму, для представления докладов на семинарских занятиях, при написании рефератов, курсовых и дипломных работ.

Издание подготовлено в рамках реализации Программы развития государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Новосибирский государственный университет» на 2009–2018 гг.

При оформлении обложки использована иллюстрация из книги
Ю. М. Овсянникова «Картины русского быта» (М., 2000).

© Кошкарёва Н. Б., Кузнецова Е. С., Сорокина Е. Н., 2013
© Новосибирский государственный университет, 2013

Предисловие

В состав данной хрестоматии включены наиболее важные работы, посвященные определению границ разных видов связи в современном русском языке, критериям их разграничения, выделению разновидностей.

В рамках простого предложения выделяется две важнейших разновидностей синтаксических связей – предикативные и непредикативные.

Предикативные связи устанавливаются в предикативном узле – между подлежащим и сказуемым, т. е. носят синтаксический характер, так как выражают отношения между членами предложения. Основным видом предикативной связи в русском языке является координация – двусторонняя связь, при которой форма подлежащего и финитного глагольного сказуемого взаимно обуславливают друг друга. На основе координации в разных типах именных предикативных узлов устанавливаются дополнительные линии связи – тяготение, соотношение (соположение), в которых форма именного компонента формально предопределена или не предопределена свойствами подлежащего.

Основными видами непредикативных связей являются сочинение и подчинение, противопоставленные, прежде всего, по двум критериям: по типу отношений компонентов между собой (наличие / отсутствие детерминации, т. е. зависимость или независимость компонентов друг от друга); а также по способу выражения этих отношений (морфологический / синтаксический). Другие критерии, которые иногда приводятся при необходимости разграничить сочинение и подчинение (обратимость / необратимость, синтаксическая однофункциональность или несовпадение синтаксических функций компонентов), являются неуниверсальными, поэтому носят лишь дополнительный, а не определяющий характер.

Несмотря на то, что термины, описывающие синтаксические связи, появились в теоретических работах одними из первых и количественно преобладают по сравнению со всеми другими терминологическими подсистемами современного синтаксиса, значение многих из них продолжает модифицироваться, поскольку в рамках разных подходов переосмыслиется их содержание, а вместе с тем устанавливаются новые отношения внутри того или иного фрагмента синтаксической системы.

Так, претерпела значительные изменения подсистема терминов, описывающих подчинительные связи: их разновидности – согласование, управление, примыкание, – первоначально определенные в работе Ф. И. Буслаева на основе морфологических характеристик зависимого слова, в «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г. приобретают функциональную интерпретацию (согласование предназначено для выражения определительных собственно характеризующих отношений, управление – объектных, субъектных или комплетивных, примыкание – собственно или обстоятельственно-характеризующих). В ре-

зультате объем традиционных терминов и соотношение между ними существенным образом изменились. Исходно морфологическая трактовка синтаксических терминов начинает уступать место функциональной. Это отражает общий процесс изживания «морфологизма» в синтаксисе, который характерен и для других его подразделов (например, для классификации сказуемых).

Одной из самых проблематичных является проблема разграничения сильного и слабого управления, которая была выдвинута в работах А. М. Пешковского и вызвала бурную дискуссию, которая не утихает и до сих пор. Здесь наблюдается аналогичный процесс переосмысления объема терминов – от их морфологической интерпретации в сторону синтаксической. Сильное управление определялось А. М. Пешковским на основе морфологических характеристик слов, входящих в сочетание друг с другом: важными оказывались такие признаки, как переходность / непереходность глагола, наличие в его составе определенных приставок, требующих конкретной формы зависимого слова, семантические особенности и др. Однако этих критериев оказалось недостаточно, чтобы однозначно разделить все случаи на две группы, между ними обнаруживается множество переходных случаев, для трактовки которых требуются дополнительные критерии. В поиске таких критериев ученые обращались и к падежной семантике зависимых слов (Е. Курилович), и к статистическим методам исчисления силы управления (Ю. Д. Апресян, Ю. В. Солоницын), и к статусу управляемых форм в составе предложения (Н. М. Никитин), и т. д.

В целом направление изменений в данной терминологической подсистеме лежит в плоскости осознания свойств предложений, в состав которых входят управляемые формы: некоторые из них являются строго обязательными для создания номинативного минимума предложения, другие являются факультативными, что находит отражение в таких характеристиках синтаксических связей, как обязательность / необязательность, предсказуемость / непредсказуемость (В. А. Белошапкина, Е. Н. Ширяев), а также в характеристиках «сильная» и «слабая» связь (Н. Ю. Шведова).

И хотя обычно предикативные и непредикативные связи противопоставляются друг другу как «синтаксические» и «морфологические», т. е. связи между членами предложения, с одной стороны, и формами слов, с другой, в последнее время можно наблюдать смещение акцента с морфологических свойств связываемых компонентов на установление их роли в структуре предложения, т. е. на описание синтаксических характеристик непредикативных связей.

Выявляется следующая иерархия синтаксических связей, которая опирается на внутренние и внешние явления в структуре предложения. Внутренние процессы связаны с организацией элементарного простого предложения как единицы языка. Главенствующими являются предикативные связи. Следующий слой в структуре элементарного простого предложения

обслуживает обязательное управление, посредством которого в структуру предложения вводятся актанты и структурно необходимые сирконстанты при глаголах пространственной локализации, сюда же относятся случаи обязательного примыкания, при помощи которого выражаются пространственные отношения как ядерные для данного типа предложения. Эти связи структурируют отношения между предикатом и его обязательным окружением – действующими лицами или предметами. Соответственно, назначением этих видов связи является формирование элементарного простого предложения как основной синтаксической единицы.

Все остальные виды связи, если они появляются в предложении, служат для осложнения его семантики, приводят к формированию полипропозитивных реализаций предложений как речевых единиц, т. е. отвечают внешним по отношению к элементарному простому предложению процессам. Усложнение семантики может происходить по нескольким линиям. Во-первых, согласование задает усложнение семантики по вертикали: компоненты, входящие в предложение посредством согласования, не входят в номинативный минимум элементарного простого предложения, они вводят в его состав свернутые пропозиции, подчиненные ядерной. Аналогичную функцию выполняют также необязательные управление и примыкание. Во-вторых, сочинение как связь между однородными членами предложения усложняет его структуру по горизонтальной линии: в состав предложения вводятся дополнительные элементы, находящиеся на одном ярусе с сочиненными с ними. Как правило, происходит количественное приращение однотипных позиций, между которыми возникают соединительные, разделительные, противительные отношения. Сочинительная связь позволяет расширить любую из позиций элементарного простого предложения, не приводя к изменению их набора и количества. В-третьих, связи, существующие на уровне предложения (апликация, присоединение, соотношение / соположение), выходят на другой уровень: при их посредстве устанавливается отношение между основной пропозициональной структурой предложения и некоторыми внешними по отношению к ней признаками.

Таким образом, по назначению в структуре предложения связи можно разделить на следующие группы: 1) служащие для формирования номинативного минимума (предикативные, обязательное, или сильное, управление); 2) усложняющие структуру предложения по вертикали (согласование, а также необязательные управление и примыкание); 3) усложняющие структуру предложения по горизонтали (сочинение); 4) привносящие в структуру предложения смыслы, непосредственно не обусловленные грамматическими возможностями ни одного из компонентов (связи на уровне предложения).

Мы не обсуждаем в данном пособии проблематику осложнения предложения обособленными оборотами, в которых действуют особые виды

связи, еще не до конца осознанные и описанные. Безусловно, между причастием в составе обособленного оборота и определяемым именем наблюдается согласование, а между деепричастием и глаголом, с которым оно соотносится, никакого формального уподобления нет, что напоминает механизм примыкания. Однако возникает вопрос: видоизменяются ли эти виды связи при обособлении подобно тому, как трансформируется характер сочинения и подчинения в сложном предложении по сравнению с простым, как переосмысливается «согласование» и «управление» в предикативном узле при координации по сравнению с односторонними связями в словосочетании?

Содержание данного пособия призвано продемонстрировать, как развивается научная мысль, как постепенно выкристаллизовываются те или иные существенные признаки, позволяющие структурировать систему синтаксических связей на разных основаниях.

Поскольку лингвистика является наукой интерпретирующей, то в ней равно допустимы и успешно сосуществуют различные, иногда прямо противоположные концепции, каждая из которых высвечивает в одном и том же объекте изучения его различные свойства. В этом и состоит сила лингвистической интерпретации, которая позволяет под разными углами зрения, заданными разными предпосылками, увидеть объект во всем его многообразии. Собранные под одной обложкой работы, выполненные в разных теоретических ключах, на наш взгляд, обеспечивают многомерный взгляд на такую сложную и неоднозначную проблему современного синтаксиса, как типология синтаксических связей.

IV. ПОНЯТИЕ О ФОРМЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ¹

Прежде всего условимся о том, что мы будем понимать под «словосочетанием», так как термин этот отнюдь не равняется простому «сочетанию слов». Есть в языке такие сочетания слов, которые не являются словосочетаниями, и, наоборот, некоторые наши «словосочетания» окажутся фактически не сочетаниями слов, а простыми словами.

Возьмем следующее место из повести «К новой жизни» С. Решетова:

И тут всем существом ему почувствовалось, что наступила, наконец, пора мысль о побеге привести в исполнение.

Такие части его, как *всем существом, ему почувствовалось, наступила наконец, о побеге, мысль о побеге, в исполнение, привести в исполнение* – мы признаем словосочетаниями, а такие, как *тут всем, существом ему, пора мысль, о побеге привести* – не признаем, хотя такие «сочетания слов» в данной речи несомненно имели место. Стало быть, не всякие два слова, прозвучавшие в нашей речи в непосредственном соседстве образуют словосочетание, а только такие, которые соединены в мысли. С другой стороны, такие сочетания слов, как *тут почувствовалось, наступила пора, привести мысль*, мы для данной речи тоже не можем признать словосочетаниями, хотя мысленное единство здесь несомненно: слова эти в данной речи физически отделены друг от друга. Таким образом, для того, чтобы два слова могли составить словосочетание, надо, чтобы они были соединены одновременно и в речи и в мысли. Словосочетание, как и слово, есть единство внешне-внутреннее, физико-психическое. Правда, сочетания последнего рода, когда психическое единство есть, а физическое нарушено вставкой промежуточных слов, принято не отличать от физически цельных словосочетаний, так что в качестве примеров на словосочетания, положим, типа «наречие + глагол» приводятся обычно безо всяких оговорок не только такие примеры, как *хорошо читает*, но и такие, как *хорошо книгу читает, хорошо моя жена читает* и т. д. Но это, конечно, потому, что выпуск промежуточных слов здесь всегда возможен, так что грамматист, приводящий такой пример, опирается, в сущности, не прямо на него, а на известное видоизменение его (с выпуском промежуточных слов), т. е. опять-таки на известное физическое единство.

До сих пор мы говорили о словосочетаниях из двух слов (там, где в наших примерах было три слова, третье было предлогом или союзом, т. е. несамостоятельным словом, см. дальше в этой же главе). Но в словосочетании может быть и несколько и много слов при условии все того же физико-психического единства их. Это осуществляется таким образом, что

¹ Текст печатается по: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М.: УРСС, 2001. С. 62–77.

одно словосочетание создается как часть другого словосочетания, более обширного по объему. Так, из вышеприведенного примера можно выделить как отдельные словосочетания: а) *существом ему почувствовалось*, где одна из частей, в свою очередь, составляет словосочетание *существом + ему почувствовалось*; б) *всем существом ему почувствовалось*, в) *тут всем существом ему почувствовалось*, г) *наступила, наконец, пора*; д) *наступала, наконец, пора мысль о побеге привести*; е) *наступила, наконец, пора мысль о побеге привести в исполнение*. Наконец, весь этот пример, состоящий из двух предложений, может тоже рассматриваться как одно словосочетание, так как являет собой опять-таки известное физико-психическое единство. А, например, сочетание *наступила, наконец пора мысль* или *наступила, наконец, пора мысль о побеге* никак не может явиться словосочетанием, так как здесь нет психического единства, а только физическое. Таким образом, **словосочетание есть два слова или ряд слов, объединенных и в речи и в мысли.**

Что касается тех «случаев, когда к словосочетаниям приравниваются отдельные слова, то случаи эти читатель сможет понять только по прочтении всей этой главы, так как приравнивание это основывается как раз на понятии формы словосочетания. Поэтому мы прежде всего должны выяснить те признаки, которые образуют в словосочетании его форму. К этому мы и переходим.

Возьмем несколько отдельных слов, имеющих форму: *хочу, читаю, сестра, книга*. Несмотря на свои формы, слова эти не дают в таком сочетании никакого определенного смысла. Если кто-нибудь скажет *хочу читаю сестра книга*, мы извлечем из его слов так же мало, как если бы он сказал *хоч-чит-сестр-книг*, т. е. совсем отказался бы от форм, говорил одними корнями. Точно также мы не поймем, если нам скажут «хотим читаю сестры книге», «хотящий читаешь сестру книгой» и т. д. Можно было бы придумать из этих четырех слов несколько сот таких комбинаций, и все они будут совершенно бессмысленны. Напротив, если нам скажут *хочу читать сестре книгу*, или *хочу читать книгу сестры*, или *сестра хочет читать книгу*, все будет понятно. Значит, для того, чтобы какое-нибудь сочетание слов было словосочетанием, т. е. имело определенный смысл, недостаточно, чтобы каждое слово, входящее в него, имело свою форму, а нужно еще, чтобы все оно тоже имело определенный вид, определенное внешнее и внутреннее строение; и вот это-то строение того или иного словосочетания мы будем также называть формой, но уже, конечно, не формой слова, а формой словосочетания. И эту общую, окончательную форму надо отличать от тех отдельных форм, которые ее создают. Про сочетания *хочу читать сестре книгу, хочешь читать книгу сестры, сестра хочет читать книгу* и т. д. можно сказать, что каждое из них имеет свою особую форму. Про сочетания *хочу читать сестре книгу, думаю писать матери письмо, собираюсь платить дворнику жалова-*

ванье, могу объяснить ученику урок, отказываюсь давать нищему милостыню и т. д. можно сказать, что все они имеют одинаковую форму. Наконец, про сочетания «хочу читаю сестрой книге», «хотим читаю сестре книгой» и т. д. можно сказать, что ни одно из них не имеет такой формы, которая была бы свойственна русскому языку (хотя отдельные формы, их составляющие, все свойственны ему). Этим и объясняется их непонятность.

Поясним еще наше новое понятие наглядно. Положим, нам даны разные фигурки ∞ , θ , o и т. д. Каждая из них имеет, как мы видим, определенную форму. Тем не менее из сочетания их мы можем построить бесконечное число новых, более сложных форм:

И если бы кому-нибудь вздумалось изучать эти рисунки, ему пришлось бы, конечно, различать формы маленьких фигурок и формы больших фигур, составленных из маленьких. Подобным же образом в человеческом теле так называемые «ткани» (собрание однородных клеточек) складываются в более крупные части – органы, причем одинаковые ткани встречаются в разных органах, так что органы отличаются друг от друга главным образом различным расположением тканей. И формы тканей изучаются в одной науке (гистологии), а формы органов – в другой (анатомии).

Сравнения наши неудовлетворительны только в одном отношении: в обоих приведенных случаях слово *форма* имеет буквальный смысл, потому что речь идет о чем-то пространственном (фигурки, клеточки, органы), к грамматике же слово форма применимо только в переносном смысле, так как тут приходится иметь дело с элементами, протекающими во времени. Ведь и слово и сочетание слов бестелесны, они живут, текут, произносятся, мыслятся, это явления, а не предметы. Правда, мы можем зафиксировать их на письме, и тут получают некоторые материальные следы этих явлений (буквы); но само собой разумеется, что не формы этих следов изучаются в языковедении, а формы самих явлений, как в теории музыки изучаются не формы нотных знаков и не формы вырезок на грампластинках, а формы самой музыки, формы мелодии и гармонии. Впрочем, и в других областях знания, помимо музыки и лингвистики, переносный смысл слова форма давно получил права гражданства: историки литературы говорят о литературных формах, социологи – о формах развития народов, юристы – о формах правовой жизни, формах политических, формах правления, медики – о формах болезни и т. д.

Тот отдел грамматики, в котором изучаются формы отдельных слов, называется морфологией.

Тот отдел грамматики, в котором изучаются формы словосочетаний, называется синтаксисом.

Сама же грамматика определяется, таким образом, как тот отдел языковедения, в котором изучаются формы языка.

Другими отделами языковедения являются: фонетика – учение о

звуках, семасиология – учение о значениях слов (поскольку они неграмматичны, конечно, так как учение о грамматических значениях входит в грамматику), лексикология – учение о словах (т. е. о словарном составе языка). Впрочем, ввиду невозможности изучать звуки языка отдельно от грамматического состава слов (напр., в чередованиях), а формы – отдельно от звуков, их составляющих, фонетика и грамматика обычно объединяются под общим именем грамматики. Так как языковедение – наука историческая, то понятно, что во всех этих отделах явления языка изучаются исторически, т. е. грамматика есть история форм, фонетика – история звуков, семасиология – история значений, лексикология – история словаря. Но как в истории возможно и необходимо описание того или иного момента в жизни народа как определенным образом сложившегося результата всех предшествующих изменений, так в каждом из отделов языковедения возможны и чисто описательные труды, фиксирующие язык в тот или иной момент его развития (напр., настоящая книга, описывающая преимущественно современные формы русского языка). И как в истории описания такого рода выясняют соотношения между учреждениями, нравами, экономикой, техникой и т. д. той или иной эпохи, так и в языковедении описательные труды не просто перечисляют факты языка, а раскрывают ту систему фактов, которую каждый язык в каждую данную эпоху представляет. Кроме того, как в истории существует общая теория развития человеческих обществ – социология, так и в языковедении существует общая теория языка, или общее языковедение, изучающее законы развития человеческого языка вообще на основании фактов, доставляемых историей отдельных языков.

На первый взгляд можно подумать, что в синтаксисе изучается то же самое, что в морфологии, только в другом порядке; ведь всякое сочетание состоит из отдельных форм, так что то, что изучено уже в морфологии порознь, то самое как будто бы изучается в синтаксисе в связи. На самом деле это не так. Есть вещи, которые совсем не изучаются в синтаксисе, а только в морфологии, и есть вещи, которые, наоборот, совсем не изучаются в морфологии, а только в синтаксисе. Начнем с первых.

Мы видели, что словосочетание *хочу читать сестре книгу* имеет определенное строение, зависящее от тех отдельных форм, из которых оно составлено. Но от всех ли этих форм зависит это строение? Переделаем наше словосочетание так: *хочу читать сестрице книгу, хочу читать сестренке книжку, хочу читать сестрам книги, хочу прочитать сестренкам книжки* и т. д. Изменилось ли строение словосочетания? Конечно, нет. Его по-прежнему можно обозначить формулой «1-е лицо ед. ч. Глагола + инфинитив (научное название школьного «неопределенного наклонения») + дат. пад. существительного + вин. пад. существительного». Совсем другое будет, если мы изменим так: *хочу читать сестры книгу* (обычное *книгу сестры*), *хочет читать сестра книгу* и т. д. Если читатель справит-

ся в предыдущей главе о том, какие формы слов в русском языке принадлежат к несинтаксическим категориям и какие к синтаксическим, то он сейчас же заметит, что в первом случае мы изменили формы первого рода, а во втором – формы второго рода. Значит, формы слов, принадлежащие к несинтаксическим категориям, не влияют на форму словосочетания или, если и влияют, то лишь постольку, поскольку они связаны с формами синтаксических категорий, и форма словосочетания есть, таким образом, определенная комбинация форм слов только синтаксических категорий.

Но, с другой стороны, не только в комбинации отдельных форм здесь дело, а и 1) в роли слов, не имеющих формы, но входящих в то же сочетание, 2) в порядке слов, 3) в интонации и ритме, 4) в характере связей между словами.

Остановимся на каждом из этих пунктов подробнее.

1. Слова, не имеющие формы, не живут в языке отдельной жизнью, а тесно переплетаются со словами, имеющими форму. При этом они вступают в постоянную связь с определенными формальными категориями. Так, напр., слово *очень* соединимо только с прилагательным, глагольным словом, но не с существительным; можно сказать *очень полный, очень полнеет, очень полневший, очень полнея, очень полнет*, но не «очень полнота». Слово *вчера* соединимо только с глагольным словом; можно сказать *вчера умер, вчера умерший*, но не «вчера мертвый» (за исключением обособленного употребления прилагательных, где такое сочетание возможно), «вчера смерть».

Таким образом, слова, не имеющие формы, не внешне только пристегнуты в словосочетаниях к словам, имеющим форму, а срастаются с ними в одно неразрывное целое, почему и влияют на форму этого целого. Особенности значения приобретают при этом так называемые частичные, или служебные слова. Так называются слова, не имеющие самостоятельного значения, а только вносящие какой-либо оттенок в значения других слов и сочетаний. Если мы сравним такие слова, как *белый, красиво, писать, вчера, надежда, вскачь* и т. д., с такими словами, как *для, без, кроме, конечно, весь, чтобы, в, даже, не* и т. д., то заметим между этими рядами слов огромную разницу. Первые имеют свой отдельный, самостоятельный смысл. При каждом из них нам представляется что-нибудь отдельное. Напротив, при каждом из слов второго ряда нам сейчас же представляется, что тут опущены какие-то другие слова, как раз самые главные, без которых наше слово и смысла не имеет. При слове *для* нам сейчас же представится, что недостает какого-то существительного (*для кого? для чего?*); при слове *конечно* нам сейчас же представится целая фраза, которую говорящий подтверждал этим конечно. Таким образом, вся суть значения этих слов состоит в том, что они вносят тот или другой оттенок в значение других слов. Слова первого рода всем кажутся сразу словами, и ребенку

не приводится объяснять, что *белый* или *вскачь* – отдельные слова. Напротив, к различению слов второго рода нас приучает главным образом грамотность и занятия языком в школе. И это потому, что отдельность их, в сущности, очень ограниченная. Они отдельны только потому, что ни с чем не сцеплены, что появляются между отдельными словами, – словом, они отдельны преимущественно физически (хотя и то очень ограниченно, напр., они почти никогда не имеют собственного ударения, а примыкают по ударению к ближайшему слову). Можно сказать, что слова первого рода имеют полный смысл в языке. Поэтому они называются обыкновенно полными, или знаменательными словами. Слова же второго рода имеют частичный смысл и потому называются частичными, или служебными словами. Этого деления слов на полные и частичные отнюдь не следует смешивать с делением на форменные и бесформенные. Такие слова, как *вчера*, *вскачь*, *какаду*, *конечно*, полные слова, хотя и не имеют формы. И, наоборот, существуют частичные слова (правда, в небольшом количестве), имеющие форму (наша связка в сочетаниях *был умен*, *был добр* и т. д., все вспомогательные глаголы в западноевропейских языках, оба члена западноевропейских языков и т. д.). Так вот на частичных-то словах и надо нам остановиться, чтобы выяснить синтаксическое значение слов, не имеющих формы. Дело в том, что огромное большинство частичных слов как раз не имеет формы. По значению же они очень близки к формальным частям слов, имеющих форму. Предлоги, напр., соответствуют в общем по значению флексиям существительных. Предлог *для* обозначает сейчас почти то же, что флексия дат. пад. (ср. *сделай мне это* и *сделай для меня это*), предлог *от* очень близок по значению к род. пад. (ср. *избегнуть чего* и *избавиться от чего*) и т. д. Часто то, что в одних языках выражается падежом, в других языках выражается предлогом с зависящим от него падежом. Мы говорим *Рим был основан Ромулом и Ремом, галлы были побеждены Цезарем*, а римлянин и немец сказали бы *был основан от Ромула и Рема, побеждены от Цезаря*. Мы говорим *это белее снега, темнее ночи*, а поляк, серб, украинец сказали бы *белее от снега, темнее от ночи* (*більший від мене, гірший від перцю*). Или возьмем, напр., союзы. К ним, правда, нельзя подобрать подходящих по значению форм, но зато нематериальность, отвлеченность их значения слишком ясна сама по себе. Сравним сочетания *я был в Ленинграде, в Москве* и *я был в Ленинграде и в Москве*. Сразу видно, что материальная сторона мысли, так называемое содержание ее, одинаково в обоих сочетаниях, а разница так тонка, что только лингвист способен над ней задуматься. Таким образом, частичные слова бесформенны совсем не так, как бесформенны полные слова *вчера*, *какаду* и т. д. Последние бесформенны так, что у них остается одно вещественное значение и нет совсем формального (хотя это и не совсем точно). Первые, напротив, бесформенны так, что у них остается одно формальное значение и нет совсем вещественного. Из тех двух

начал, на которые распадается формальное слово (*стекл-о*), на долю одних бесформенных слов (полных) приходится одно первое начало, а на долю других (частичных) – одно второе. Таким образом, с точки зрения значения мы приходим к тому парадоксальному выводу, что последние потому бесформенны, что представляют собой чистую форму, одну сплошную форму без содержания. Это как бы оторвавшиеся от основ аффиксы, свободно передвигающиеся по поверхности языка (хотя исторически как раз наоборот, сами аффиксы происходят из таких слов, прильнувших к полным словам). Если полные форменные слова уподобить позолоченным предметам, то частичные слова уподобятся золотым предметам, которые никак не могут быть позолоченными именно из-за того, что они сплошь золотые. Само собой разумеется, что значение их для формы всего словосочетания и должно быть совершенно так же велико, как и значение отдельных форм. В русском языке имеется целых восемь видов частичных бесформенных слов, которые мы здесь только перечислим, отнеся анализ их значений в «специальную часть» книги. Это:

1) Предлоги (*ключ от двери, вошел в дом*).

2) Союзы (*хлеба и зрелищ, пошел, чтобы посмотреть* и т. д.).

3) Глаголы-связки (*он был болен, он стал непослушен, надо быть внимательным* и т. д.).

4) Усилительные, или выделительные слова.

Об этом разряде мы должны сказать здесь несколько слов, так как в школьных грамматиках его совсем нет, а в то же время он одинаково свойственен всем формам словосочетаний, так что в дальнейшем нам нигде будет на нем остановиться. Если мы сравним сочетания

даже ты не говорил сегодня с ним

ты даже не говорил сегодня с ним

ты не говорил даже сегодня с ним

ты не говорил сегодня даже с ним,

то заметим, что слово *даже* помещается всегда как раз перед тем членом, на который падает сильнейшее ударение фразы, и как бы помогает выделить этот член, усилить его значение по сравнению с другими членами предложения. Такое же значение имеет частица *то*, ставящаяся позади того слова, которое надо усилить (*он-то это сделает, это-то он сделает*), а также частицы *же, да* (не смешивать с союзом *да*, с повелительной частицей *да* и с утвердительной частицей *да*), *и* (напр., *он и словечка не сказал*; не смешивать с союзом *и*), *ни* (=не + усилительная частица *и*, напр., *он ни словечка не сказал*, не смешивать с союзом *ни – ни*), это (напр., *это вчера он приходил, а не сегодня*; не смешивать с прилагательным *этот, эта, это*), *так и* (только при глаголах, напр., *он так и надрывается, так и чешет, так и чешет!* не смешивать с двумя словами *так + и*, напр., *он так и сделал, как велели, ведь, вот* и т. д. Нередко одно какое-нибудь знаменательное слово окружено несколькими такими словами (*да с ним-то*

ты не говорил, да ведь с ним-то ты не говорил, да ведь и с ним-то..., *да ведь вот и с ним-то...*, *да ведь вот даже и с ним-то...*). Иногда они усиливают не то слово, которое окружают, а более отдаленное в зависимости от ударения и от грамматических условий. Мы, напр., можем сказать *да ведь ты же этого не знаешь*, и здесь усилительные слова тяготеют к глаголу, отстоящему от них дальше, чем слово *ты*. Впрочем, эта способность удаляться от усиливаемого члена не у всех этих слов одинакова. Слово *то*, напр., обычно усиливает только то слово, за которым непосредственно следует (*ты-то этого не знаешь*).

5) Вводные слова (*он, конечно, придет, нет, он не придет, да, я это знаю*; термин «вводные» берется нами условно, и к некоторым словам этого разряда он не подходит).

6) Повелительные слова (пусть он знает, да умирится же с тобой и побежденная стихия!).

7) Отрицательные слова (*не, ни*).

8) Вопросительные слова (*ли, разве, ужели, неужели*).

Один из этих разрядов, глаголы-связки, является до некоторой степени форменным в том смысле, что здесь можно различить основу (хотя и лишённую вещественного значения) и аффикс: *буд-у, би-л*. В том же смысле являются форменными и некоторые другие частичные слова, помогающие (вместе с глаголом быть) образовывать так наз. составные формы в нашем языке. Так называются формы, образуемые двумя форменными словами, из которых одно полное, а другое частичное. Таковы наши «формы будущего времени (*буду писать, буду читать* и т. д., где *буду* – частичное слово), превосходной степени прилагательных *самый чистый, самый умный*, хотя имеется и несоставная форма *чистейший, умнейший*), превосходной степени наречий (*чище всего, умнее всего* и т. д.), 1-го лица мн. ч. повелительного наклонения (*давай играть, давайте заниматься* и т. д.), составная форма возвратного залога (*идет себе, читает себе, пишет себе* и т. д.), составная форма совершенного вида с особым оттенком неудачности, безрезультатности действия (*взял было, купил было, сказал было*), составная форма давно прошедшего времени (*бывало приду, бывало иду, бывало приходил*), зарождающиеся ныне формы будущего времени с глаголом *имею* (*заседание имеет быть, имеющее быть*) и т. д.

2. Порядок слов. Собственно говоря, всякая перестановка создает новый оттенок речи. Между *дай мне книгу* и *дай книгу мне, говоря откровенно* и *откровенно говоря, только один и один только* чувствуется внутренняя разница, как бы ни была она тонка и мало уловима. Но порядок слов может приобретать и более резкое формальное значение. Так, напр., он может обозначать *падеж* существительного. Сравним сочетания *мать любит дочь* и *дочь любит мать, платье задело весло* и *весло задело платье*. Мы здесь различаем имен, и вин. пад. только при помощи порядка

слов. У нас это бывает в очень немногих сочетаниях, по-французски же, напр., где нет совсем форм имен. и вин. пад., это общее правило. Оттенок вопросительности тоже может выражаться либо особым частичным словом (*ли*, папр., *писал ли ты?*), либо перестановкой (*писал ты?*). При счете перестановка дает оттенок приблизительности (ср. *два дня* и *дня два*) и т. д.

3. Интонация и ритм также могут приобретать формальное значение. Сравним два сочетания: 1) *приедешь домой, переоденешься*, сказанное тоном перечисления действий, которые предстоит человеку выполнить, и 2) *приедешь домой – переоденешься*, сказанное условным тоном, в смысле *если приедешь домой...* или *когда приедешь домой...* Здесь важный оттенок придаточности, т. е. подчиненности одного предложения другому, выражен интонацией, тогда как обычно он выражается особыми частичными словами (союзы). В словосочетаниях *поэт-художник*, *женщина-врач*, *механик-самоучка* и т. д. мы выражаем особую грамматическую связь между двумя словами тем, что произносим их в один прием, т. е. при помощи ритма речи (ср. словосочетания *поэт-художник*, и *поэт – художник* в смысле «поэт есть художник»).

Но не только в таких, кажущихся на первый взгляд частными случаях сказывается влияние интонации и ритма на форму словосочетания. Оно имеет место во всякой нашей фразе, во всяком высказывании вообще.

В самом деле, что бы мы ни сказали, мы высказываем это либо повествовательно, либо вопросительно, либо восклицательно. Как ни важна для нас разница между этими тремя видами речи, она все-таки не материальна, а формальна. Скажем ли мы *он здесь*, или *он здесь?*, или *он здесь!* – материал нашей мысли остается один и тот же: представление о «нем» и о месте, где «он» находится. Меняется только отношение наше к данной мысли: в одном случае мы просто желаем поделиться со слушателем найденной нами реальной связью или отсутствием ее (при отрицании) между двумя представлениями, образующими в данном случае мысль, в другом случае мы не решаемся сами признать реальность или нереальность связи и ждем разъяснения в этом отношении от собеседника, в третьем – мы не только полностью убеждены в реальности или нереальности связи, но и выражаем наши чувства, внушенные нам этой связью. Все эти различия – грамматические, и выражаются они в русском языке почти исключительно интонацией. Стало быть, поскольку в каждом словосочетании неизбежно имеется одна из этих трех интонаций или ее части (в случае интонационной неполноты словосочетания), она входит в форму данного словосочетания. Далее возьмем так называемые «неполные» предложения типа *Карету мне, карету!* (Гриб.) *Коня, коня! Престол мой за коня!* (Шексп., перев. Дружинина.) *Ты куда? Я в аптеку. Итак, завтра утром. Ну, пока! Всех благ!* и т. д. Впоследствии мы познакомимся подробно с тем, почему это «предложения» и почему именно «неполные»

предложения. А пока обратим внимание только на то, что эти словосочетания произносятся здесь совсем не так, как они произносились бы, если бы входили в состав какого-нибудь другого предложения. Сравним по интонации и ритму: *Ты куда?* и *Ты куда спешишь? Итак, завтра утром!* (при расставании, об условном свидании) и *Итак, завтра утром мы встретимся у нашего общего знакомого*. В первых предложениях оттенок законченности мысли выражается исключительно ритмом и интонацией, а впоследствии мы увидим, что это один из важнейших грамматических оттенков вообще, что именно по нему мы и отличаем предложения от других словосочетаний. Значит, во всех неполных предложениях интонация прямо создает важнейшую форму словосочетания – предложение. Мало этого, даже и в тех случаях, когда эта форма выражена другими средствами, именно в так называемых полных предложениях, интонация все же помогает выразить этот оттенок, так как ведь и полные предложения произносятся все с той же интонацией законченной мысли. Следовательно, интонация в той или иной мере всегда входит в форму словосочетания.

Теперь, после знакомства с этим пунктом, читатель поймет, почему возможны «словосочетания», состоящие всего из одного слова. Ведь когда мы говорим *Пожар! Воры! Спасите! Куда? Назад! Хорошо. Виноват!* и т. д., мы произносим эти «слова» не как слова только, а как целые фразы с соответствующими оттенками повествования, вопроса и восклицания, с одной стороны, и с оттенком законченности мысли – с другой. Ведь если мы раскроем словарь, найдем там эти слова и прочитаем их, у нас будет совсем не та интонация, которую мы употребляем в жизни. Подробное изучение интонации показывает, что когда мы говорим простое *да* или *нет*, мы как бы стягиваем в этом одном слове интонацию целой фразы, даем существеннейшие черты повествовательного тона, имеющиеся в любом длиннейшем сообщении. Другими словами, слова эти по интонации оказываются равными в таких случаях целым словосочетаниям. А так как интонация образует, как мы уже знаем, формальную сторону словосочетания, то и про слова эти приходится сказать, что они имеют в таком произношении определенную форму словосочетания. Условно и их самих в этих случаях можно называть «словосочетаниями», хотя более точно, конечно, было бы называть их «словами с формой словосочетания».

4. Характер связей между словами. Возьмем словосочетание *вели ему помочь!* Оно может иметь два смысла: 1) вели ему, чтобы он помог, 2) вели (кому-то другому), чтобы ему помогли.

Нетрудно видеть, что разница эта тоже не материальная, а формальная, грамматическая: меняется здесь не то, о чем мы думаем, а то, как мы об этом думаем, в какие отношения ставим мы предметы нашей мысли друг к другу. И так как разницы этой нельзя обнаружить ни в

одной из отдельных форм, слагающих данное словосочетание, то придется приписать ее всему словосочетанию в целом, т. е. признать, что в двух таких пониманиях кроются две разных формы словосочетания. Против этого, правда, можно было бы возразить, что здесь не остается никаких внешних признаков, с помощью которых можно было бы отличить одну форму словосочетания от другой: слова и формы одинаковы, порядок слов одинаков, ритм и интонация одинаковы (или, по крайней мере, могут быть одинаковы). Спрашивается, как же могут разные значения одного и того же словосочетания дойти до слушающего, когда говорящий не позаботился о том, чтобы выразить эти значения какими-нибудь средствами? А если они до слушающего не дойдут и останутся только в уме говорящего, то имеет ли право языковедение, наука социальная, изучающая язык только как разговор, как форму социального общения, изучать их? Вспомним, однако, нулевые формы отдельных слов. Почему слушающий воспринимает такие слова, как *стол, кулак, рос, лез* и т. д., обязательно с добавочными формальными значениями (т. е. то как имен. пад. существительного то как прошедшее время глагола и т. д.)? Потому что он в зависимости от окружающих слов и от обстановки речи обязательно помещает эти слова в определенные грамматические ряды слов, или, как говорят, ассоциирует их с определенными грамматическими рядами слов (*стол, пол, дом, нос* и т. д., *рос, лез, пас, мок, нес* и т. д.). Здесь, значит, социальным моментом, средством социальной передачи, являются, не звуки сами по себе, а обязательность ассоциации с теми или иными звуками. Раз ассоциации эти и у говорящего и у слушающего при известных условиях речи обязательно должны быть одинаковы, мы вправе говорить о языковом общении. Так вот то же самое происходит и при разном понимании таких словосочетаний, как *вели ему помочь*. В одном случае и говорящий и слушающий ассоциируют это словосочетание с такими, как *вели, чтобы он помог; скажи ему, пусть поможет; заставь его помочь* и т. д.; в другом случае они ассоциируют это словосочетание с такими, как *вели чтобы ему помогли; скажи, пусть ему помогут; заставь ему помочь* и т. д. Следовательно, в одном случае говорящий и слушающий объединяются на одной форме словосочетания, в другом – на другой.

Оглянемся теперь на все четыре изученных пункта: бесформенные слова, порядок слов, ритм и мелодия, характер связей между словами. Все они сходны между собой в том, что их совершенно невозможно изучать на отдельном слове, а только в словосочетании. В самом деле, бесформенное слово именно в силу своей бесформенности не обнаруживает, взятое отдельно, своей грамматической природы. Что порядок слов не может изучаться на отдельном слове, этого не приходится доказывать. Далее, ритм и мелодия понимаются здесь нами исключительно в своей живой целостной, фразной стороне, что опять-таки не дает возможности от-

дельному слову в его искусственном произнесении иметь эти признаки; если отдельное слово и имеет их, то только тогда, когда оно заменяет фразу. Наконец, тот или иной характер связей между словами возможен опять-таки только там, где имеются два или несколько слов. Таким образом, все эти четыре признака – исключительно синтаксические, и в морфологии им не может быть места. Присоединяя к ним еще тот признак, с которого мы начали главу и который одной своей стороной входит в морфологию, а другой – в синтаксис, именно ту или иную, комбинацию отдельных форм, имеющих в данном словосочетании синтаксическое значение, получаем окончательно то, что мы в дальнейшем будем называть формой словосочетания и что и является совокупностью этих пяти признаков в отдельных словосочетаниях.

Нетрудно видеть, что все эти признаки также связаны с второстепенными и отвлеченными, иначе говоря, формальными значениями словосочетания, как формальные элементы в отдельном слове с формальными значениями этого слова. Как при всевозможных изменениях слова *стекло* (*стекла, стеклу, стеклянный, стеклушка* и т. д.) у нас остается в значении слова все-таки что-то основное, материальное, что в каждом отдельном изменении по-разному оформляется, так и в словосочетаниях *сделай мне это, сделайте мне это, пусть сделают мне это, сделай для меня это, для меня сделай это* и т. д., и т. д. со всеми возможными их интонационными вариантами остается в значении всего словосочетания какое-то единое ядро, что-то такое, что непрерывно меняясь, остается самим собой и что мы могли бы назвать вещественным значением всего словосочетания. Таким образом, и в словосочетании, как и в отдельном слове, форма ощущается благодаря распадению словосочетания по звуковым приметам и по значению на два разнородных начала, две стороны, две стихии, которые мы и называем материей и формой. Только здесь уже совершенно нельзя говорить о материальных и формальных частях, как мы грубо и приближенно могли говорить в применении к отдельному слову. Ведь ясно, что ни комбинацию форм, образующих данное словосочетание, ни синтаксическую сторону значения бесформенных слов, ни интонацию, ни характер связей между словами мы не можем вынуть из словосочетания и отложить, положим, направо, а весь остаток налево. Дело идет не о частях словосочетания (частями его являются только отдельные слова), а именно о его разных сторонах как в звучании, так и в значении. И если читатель вспомнит то определение формы слова, которое дано нами было в мелком шрифте, как более трудное и более точное, то он поймет, что только это определение, а не приближенное определение популярной части книги может быть распространено на форму словосочетания. И соответственно, форма словосочетания определится как свойство всего словосочетания, взятого в целом, выделять по звукам и по значению в сознании говорящего, и слу-

шающего двоякого рода элементы: вещественные и формальные.

Относительно комбинации форм слов надо заметить, что она часто стоит в тесной связи с вещественными значениями слов, входящих в данное словосочетание. Так, напр., в словосочетаниях типа «глагол + косвенный падеж существительного» (*рубит топором, ест мясо, мстит врагу*) падеж существительного зависит главным образом от вещественного значения глагола: при *ест* невозможен дат. пад., при *мстит* он необходим, при *рубит* возможны и вин., и дат., и твор. (*рубит мне дрова топором*), а при *спит* невозможно ни то, ни другое, ни третье (нельзя «спать кому-нибудь, что-нибудь, чем-нибудь»). Важно также и вещественное значение существительного. Так, словосочетания «глагол + дательный падеж существительного» характеризуются почти исключительно присутствием в них имен одушевленных предметов (*даю кому, льщу кому, помогаю кому* и т. д.). Таким образом, сфера применения каждой из этих форм словосочетания ограничена словарными условиями. С другой стороны, есть в языке немало форм словосочетаний более общего характера, не зависящих в своем применении от словарной стороны. Так, в словосочетаниях типа «именительный падеж существительного + согласуемый с ним глагол» (*стол стоит, рыба плавает* и т. д.) могут быть употреблены любой глагол и любое существительное. Таким образом, мы можем различить общие и частные формы словосочетания, причем степень «общности» и «частности» может быть различна. Так, напр., форма словосочетания «согласуемое прилагательное + существительное» характеризуется тем, что в ней может быть всякое прилагательное и всякое существительное, кроме местоименного (не говорят «добрый *я*», «хороший *он*» и т. д.). Стало быть, эта форма не так абсолютно обща, как форма «именительный падеж + согласуемый глагол», но и далеко не так часта, как, положим, «глагол + дательный падеж существительного». В данной книге, по условиям места, будут рассматриваться преимущественно наиболее общие формы словосочетаний русского языка.

Обратим внимание еще на то, что отдельные формы словосочетаний могут в отдельных своих признаках иметь совершенно то же значение, что и отдельные формы слов. Так, мы уже видели, что словопорядок *мать любит дочь, весло задело платье* может быть связан со значением именительного падежа в словах *мать* и *весло* и винительного в словах *дочь* и *платье*, а словопорядок *дочь любит мать, платье задело весло* – со значением винительного падежа в первых словах и именительного – во вторых. Иначе говоря, то, что обычно выражается формами отдельных слов – падеж существительного, здесь может быть выражено порядком слов, т. е. формой словосочетания. Или возьмем, напр., то «повелительное» значение, которое мы раскрыли в формах *неси, вынь, гуляй,*

несите, выньте, гуляйте. Его мы находим и в повелительных служебных словах в их сочетании с изъявительным наклонением (пусть придет, пускай придут и т. д.) и во всевозможных побудительных интонациях (совета, мольбы, просьбы, приказания, убеждения и т. д.), а эти слова и интонации уже составляют формальный признак целого словосочетания. Это заставляет нас расширить понятие формальной категории. Если мы не смущались звуковыми различиями между формами неси, вынь и т. д. и объединили их в один ряд по единству формального значения, то, очевидно, в тот же ряд могут попасть и те формы словосочетаний, которые имеют то же значение, т. е. в данном случае, напр., все словосочетания с повелительными словами и с повелительной интонацией. Правда, благодаря этому в одной и той же формальной категории могут очутиться факты, со звуковой точки зрения уже совершенно разнородные, и по фактическому объему своему такая категория будет необычайно широка и пестра. Так, напр., категория повеления (отличная, конечно, от категории повелительного наклонения глагола) будет заключать в себе не только все слова с формами повелительного наклонения и не только все словосочетания с повелительными служебными словами, но и все словосочетания без таких слов, но с повелительной интонацией (*Смирно сидеть, рукавов не марать, к горшку не соваться! Карету мне, карету! Хлеба и зрелищ! Долой предателей! Вон отсюда!* и т. д.). Однако, если все дело в единстве формального значения, то нас это не должно смущать. В дальнейшем мы увидим, что чем важнее для языка какое-нибудь формальное значение, тем более разнообразными и тем более многочисленными способами обозначается оно в звуковой стороне речи, как будто бы язык всеми доступными ему средствами стремится к поставленной себе цели – выразить данное значение, и на обязанности исследователя-языковеда лежит не только вскрыть данное значение на каком-нибудь одном факте, но и найти все факты языка, обнаруживающие его, как бы они ни были разнообразны. А это значит исследовать данную формальную категорию. В дальнейшем мы и будем так понимать этот термин, считая формальной категорией уже всякий «ряд форм слов, или форм словосочетаний или и тех и других, объединенный со стороны значения и имеющий свою собственную звуковую или интонационную характеристику». Многие формальные категории (напр., вопроса, восклицания) выражаются как раз исключительно формами словосочетаний.

Но это требует все-таки важной оговорки относительно интонации и порядка слов. Не следует думать, что эти два признака можно ставить по их роли в русском языке на одну доску с формами слов и со служебными словами. Первые остаются при всей их важности все же в огромном большинстве случаев только вспомогательными синтаксическими средствами, а вторые – основными. Отношение между теми и другими чаще

всего сводится к замене одних другими, чем к совокупному действию. Разъясним это сперва на интонации, а затем на порядке слов.

Возьмем категорию, наиболее связанную с интонационными средствами – вопросительную. Значение этой категории может выражаться: 1) специальными словами (*ли, разве, ужели, неужели*), 2) специальными местоименными словами (*кто, что, куда, как* и т. д., так наз. «вопросительные» местоимения), 3) специальной вопросительной интонацией, 4) измененным порядком слов (напр., *читал ты это?* вместо *ты читал это?*). На первый взгляд кажется, что постоянным средством здесь является интонация, так как ни вопросительных частиц, ни местоимений, ни измененного порядка слов может не быть, а вопрос все-таки может быть выражен одной интонацией (*ты читал это?*). Однако точные наблюдения над вопросительной интонацией показывают, что она тем слабее звучит, чем большую роль играют другие средства. Так, фразу *читал ли ты это?* мы обычно произносим с гораздо меньшим повышением голоса на ударном слоге слова *читал*, чем фразу *читал, ты это?* – а эту фразу, в свою очередь, с меньшим повышением, чем фразу *ты читал это?* Повышение растет в ряду фраз:

Читал ли ты это? – Читал ты это? – Ты читал это?

слева направо, т. е. в порядке убывания других вопросительных средств языка. Мало этого: нам приходилось наблюдать, что фразы с частицей *ли* и особенно с вопросительным местоимением произносятся часто совсем без вопросительной интонации, а только как известный эмоциональный подтип повествовательной интонации. Так, в вопросе *который час?* по нашим наблюдениям может быть при условии фразного ударения на первом слове совершенно тот же тон, как в каком-нибудь возбужденном сообщении, положим, *пожарные приехали!* или *дождь пошел!* (с сильным ударением на первом слове и с кратко-решительным нисходящим произношением его ударного гласного). Это указывает на то, что когда вопросительное понимание гарантировано специальными вопросительными словами, интонация вопроса опускается как излишняя. Напротив, когда она одна создает вопрос, она, естественно, применяется в максимальной степени. Следовательно, язык не применяет здесь одновременно всех своих средств, а развивает одни за счет других, т. е. тут действует закон экономии сил, с которыми мы и в будущем еще встретимся. Кроме того мы наблюдаем тут и расхождение интонационных и неинтонационных признаков между собой в том смысле, что на одно и то же содержание наслаиваются противоположные интонационные и неинтонационные формы. Так, когда мы произносим *который час?* с интонацией возбужденного сообщения, мы словами спрашиваем, а голосом как бы сообщаем. Наоборот, когда мы говорим *он там был? собака – животное? земля вращается вокруг солнца?* – мы словами как бы сообщаем, а голосом спрашиваем. Или сравним, напр., с одной стороны, уже упоминавшееся-

ся повелительное произношение фраз, не содержащих в себе повелительного наклонения (*Молчать! Пошел вон! Одна нога здесь, другая там!*), а с другой – опять-таки возбужденно-повествовательную интонацию многих наших приказов и распоряжений (ср. *ну, все готово, велите запрягать, мы едем*, где между всеми тремя фразами может не быть никакой фразно-интонационной разницы). Этот момент расхождения интонационной и собственно-грамматической стороны речи (под второй мы понимаем здесь и будем понимать везде в дальнейшем формы слов и служебные слова) красной нитью проходит по всему языку.

Ясно, что при таких условиях мы не можем устанавливать той или иной категории, не оговорив, на каких именно фактах она основывается: на собственно-грамматических, или на интонационных, или на тех и других, вместе взятых.

Но тут же мы должны отметить и более редкие факты иного рода. Бывает, что определенный вид интонации прочно прикрепляется к определенному собственно-грамматическому средству, и оба фактора вместе, совокупными усилиями создают одно значение, одну категорию. При этом значение это получается не путем простого сложения значений обоих факторов друг с другом, а путем известного синтеза, при котором известные элементы одного значения, складываясь с элементами другого значения, порождают новое значение. Возьмем, напр., наше условное предложение со сказуемым в повелительном наклонении.

Щепотки волосков лиса не пожалеет –
остался б хвост у ней. (Крыл.)

Здесь форма повелительного наклонения сочетается с интонацией придаточного предложения. Из значения повелительного наклонения удерживается только один элемент, свойственный всем так называемым «косвенным» наклонениям – ирреальность, несоответствие действительности. Специально «повелительный» элемент аннулируется «придаточной» интонацией, с которой он по природе его несовместим. С другой стороны, «придаточная» интонация берется только в одном из ее значений, и это обусловлено как раз ирреальностью повелительного значения. В результате получается стойкое комбинативное значение, именно условное. Такой же случай мы можем видеть, собственно говоря, и в упомянутом выше наложении повелительной интонации на форму инфинитива (*Молчать! Смирно сидеть!*). Прямой противоположности между значением повелительного наклонения и значением инфинитива нет, так как инфинитив вопреки школьному названию своему стоит вообще вне всяких наклонений. А с другой стороны, сочетание повелительной интонации (и притом определенного подвида ее, именно резко-повелительной) с этой именно формой не случайно, а типично для языка, оно создает особое значение в языке, которое можно было бы определить как значение строгого приказа. Во всех таких случаях мы вправе обосновывать категорию

на определенной комбинации собственно-грамматических и интонационных признаков на началах равноправия между ними.

Итак, отношение между интонационными и собственно-грамматическими средствами языка в деле выражения грамматических значений сводится к двум типам:

1. Однозначные интонационные и собственно-грамматические средства в той или иной мере заменяют друг друга, вследствие чего один

2. Разнозначные интонационные и собственно-грамматические средства могут создавать совместно новое комбинативное значение, вследствие чего факты такого рода могут образовывать отдельные формальные категории.

Относительно порядка слов мы должны сказать, что нам неизвестно ни одного формального значения в русском языке, которое было бы неразрывно связано с определенным порядком слов. Выше мы указали на возможную связь значения именительного падежа с постановкой существительного перед глаголом и значения винительного падежа с постановкой его после глагола (*мать любит дочь* и *дочь любит мать*). Но даже в этих исключительных случаях, где случайно различие возможно только при помощи порядка слов, русский язык не проводит одного обязательного порядка. Возможен и винительный падеж перед глаголом и именительный после глагола (напр., *в этой семье отца любит сын, а мать любит дочь*). Только отвлекаясь от условий контекста, мы получим большее тяготение имен. пад. к первому месту, а вин. к третьему, и поэтому только в изолированных фразах (в сущности неестественных) словопорядок может получать обязательное значение. Совсем не то, напр., во французском и английском языках, где категория имен. пад. в ее отличии от категории вин. выражается только постановкой слова на первом месте, а категория вин. – только постановкой на третьем месте (ни форм имен, и вин. падежей, ни соответствующих служебных слов там совсем нет) и где поэтому нарушение данного порядка невозможно. Все вариации синтаксического смысла, которые создаются изменениями порядка слов (*я завтра приду к тебе, я к тебе приду завтра, я приду к тебе завтра, завтра я приду к тебе* и т. д., всегда в связи с интонационными переменами), стоят совершенно в стороне от значений, выражаемых формами слов и служебными словами, и в этом отношении наш порядок слов (так наз. «свободный») является еще менее грамматическим средством, чем интонация. У интонации мы нашли ряд случаев слияния интонационных средств с собственно-грамматическими для создания одного цельного значения, но в области порядка слов мы таких случаев не находим. Таким образом, порядок слов мы можем определить не только как вспомогательное средство вообще, но даже и как вспомогательное средство; второго ранга по сравнению с интонацией.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие сочетания слов А. М. Пешковский признает словосочетаниями, а какие нет? Почему?
2. Из скольких слов может состоять словосочетание? Приведите примеры.
3. Дайте определение словосочетания по А. М. Пешковскому.
4. Что понимает А. М. Пешковский под формой словосочетания?
5. Какие факторы влияют на форму словосочетания?
6. Какие слова автор называет частичными? Какова их роль в формировании словосочетания?
7. Перечислите и характеризуйте выделенные А. М. Пешковским группы частичных бесформенных слов.
8. Какова роль порядка слов в построении словосочетаний и предложений?
9. В каких случаях интонация и ритм приобретают формальное значение?
10. Чем отличается интонация словосочетания от интонации предложения?
11. Почему характер связи между словами является не смысловым, а грамматическим средством формирования словосочетания?
12. Что можно назвать вещественным значением словосочетания?
13. От чего зависит комбинация форм слов в словосочетании?
14. Одинакова ли роль интонации и порядка слов, с одной стороны, и форм слов и служебных слов, с другой, в формировании словосочетаний и предложений?
15. Охарактеризуйте типы отношений между интонационными и собственно-грамматическими средствами языка при выражении грамматических значений.

V. СВЯЗЬ СЛОВ В СЛОВСОЧЕТАНИИ²

В главе III мы видели, что есть такие формы в языке, которые связывают отдельные слова в словосочетаниях между собой. Это формы синтаксических категорий (падежи существительных, падежи, числа и роды прилагательных и др., см. выше). Связь, которую они устанавливают между словами, не следует себе представлять, конечно, как внешнюю, звуковую связь, т. е. думать, что при помощи этих форм слова образуют более удобопроизносимые ряды, чем это было бы без них. Если мы скажем *я писать этот записка председатель комитет*, то это будет с точки зрения произношения ничем не хуже, чем *я пишу эту записку председателю комитета*. Не следует также себе представлять, что связь эта объясняется исключительно традицией, что так именно принято связывать слова в русском языке, причем в самую связь не вкладывается никакого смысла. Такое предположение легко опровергается теми случаями, когда одни и те же слова могут по-разному связываться между собой: *ударяю палкой и ударяю палку, обещаю тебе и обещаю тебя, подарок отца и подарок отцу, пойду выброшу и пойду выбросить* и т. д. Разница смысла здесь очевидна, и нам остается, значит, только принять, что формы, принадлежащие к синтаксическим категориям, всегда имеют каждая свое значение (это, впрочем, было выяснено уже при установлении самых понятий формы и категории). А если так, то это значение может заключаться здесь только в установлении связи между теми реальными представлениями, которые обозначаются данными словами, или, как говорят в грамматике, в установлении известных отношений между этими представлениями. Если мы услышим *я писать этот записка председатель комитет*, то в нашем уме протекут шесть представлений, отодвинутых друг от друга, разьединенных, изолированных. Если мы все-таки пойдем это словосочетание (например, в устах иностранца), то только потому, что вопреки внешнему выражению и, главным образом, с помощью словарных значений данных слов приведем в определенную связь эти представления, установим известные отношения между ними, причем эти отношения установятся при помощи мысленного словосочетания *я пишу эту записку председателю комитета*. Другими словами, мы мысленно установим между данными шестью представлениями те именно отношения, которые выражаются привычными в данном случае формами слов, причем туманно будут мелькать перед нами и самые формы. Значит, формы ставят в известные отношения друг к другу не только слова нашей речи, но и те представления, которые этими словами обозначаются. Какого же рода могут быть эти отношения? Здесь могут быть два

² Текст печатается по: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М.: УРСС, 2001. С. 77–84.

основных случаях.

1. Отношения взаимно несовпадающие, или необратимые.

Возьмем словосочетание *ножка стола*. Здесь два представления, о ножке и о столе, поставлены в то отношение между собой, которое принято называть отношением принадлежности: *ножка стола* – это «ножка, принадлежащая столу». Отношения представлений между собой здесь взаимно не совпадают, потому что представление о ножке не так относится к представлению о столе, как представление о столе к представлению о ножке: ножка «принадлежит» столу, но стол «не принадлежит» ножке. С этим связана и необратимость подобных отношений: нельзя сказать «стол ножки». Правда, во многих случаях внешним образом может быть проделано подобное обращение: *учитель брата – брат учителя, долг человека – человек долга, настройщик рояля – рояль настройщика, сестра милосердия – милосердие сестры* и т. д., но именно на этих-то случаях и обнаруживается наиболее резкая внутренняя необратимость такого рода отношений: всякому, говорящему по-русски, ясно, что отношения между учителем и братом в сочетании *учитель брата* не те же, что в сочетании *брат учителя*. Математически это можно было бы формулировать так: $A:B \neq B:A$, где А и В соотносящиеся представления, а \neq знак неравенства.

2. Отношения взаимно совпадающие, или обратимые. Возьмем словосочетания *гражданин Иванов, красавица-зорька, брат-учитель* и т. д. Отношения между двумя представлениями грамматически здесь сводятся только к тому, что оба они обозначают один и тот же реальный предмет, и по этому признаку представления эти, конечно, абсолютно одинаково относятся друг к другу. Логически и словарно они часто бывают в неравных отношениях друг к другу (например, в словосочетании *гражданин Иванов* они относятся друг к другу как видовое понятие к единичному и единичное к видовому, в словосочетании *школа-семилетка* – как родовое понятие к видовому и обратно, в словосочетании *красавица-зорька* – как признак к предмету и обратно и т. д.), и это лежит в основе школьного учения о «приложении». Но что сама форма словосочетания (т. е. то, что мы здесь прежде всего изучаем) тут не при чем, ясно из того, что в таких случаях, как, положим, *брат-учитель* и многих им подобных, такого логического соотношения нет. Сравним еще *работница-швея, немец-инженер, женщина-врач, Николай Васильевич Гоголь, путь-дорога (или путем-дорогою), туча-буря (не ратуешь с мимолетною тучей-бурею в «Лесе» Кольцова)* и т. д. Это все случаи, где школьник мучится в разыскании «приложения» и того, к чему оно приложено. На самом деле отношения здесь всегда взаимно совпадающие, и это яснее всего обнаруживается в том, что все такие словосочетания легко допускают обращение (*Иванов-гражданин, зорька-красавица, учитель-брат* и т. д. только стилистически отличаются от *гражданин Иванов* и т. д.). В словосочетании *брат учителя* мы можем даже и без перестановки слов произвести такие

изменения, из которых ясно будет, что представления здесь не одинаково относятся друг к другу: брат учителя и учителя брат (менее обычный словопорядок) обозначают одно, а *учитель брата* и *брата учитель* (то же замечание) – другое. Напротив, в словосочетании *брат-учитель* мы никакими средствами не можем вызвать ни внешне, ни внутренне подобных перемен, и это потому, что отношения здесь взаимно совпадающие и обратимые, что можно выразить формулой $A:B = B:A$.

Последние эксперименты приводят нас к звуковой стороне этого основного различия между словосочетаниями, нераздельно связанной (как и всё в области формы) с внутренней стороной. Ведь наш эксперимент *брат учителя – учитель брата* возможен только потому, что звук, выражающий отношение (окончание *-а*), сцеплен только с одним из соотносящихся слов, и эксперимент в том и состоит, что мы сцепляем этот звук попеременно то с одним, то с другим из соотносящихся. Ясное дело, что в словосочетаниях *брат-учитель* и *учитель-брат* мы этого сделать не можем потому, что отношение здесь выражено в обоих соотносящихся. На данном примере это, правда, незаметно из-за того, что оба соотносящихся имеют нулевую форму, но стоит только поставить их в косвенном падеже (*у меня нет брата-учителя, я пошел к брату-учителю* и т. д.) или взять слова других склонений (*школа-семилетка, школы-семилетки* и т. д.), чтобы дело было ясно. Итак, открытая нами двойственность отношений в словосочетании восходит к двойственности звукового выражения этих отношений: там, где звуковой показатель отношения имеется лишь в одном из соотносящихся, отношения получаются взаимно несовпадающие и необратимые; там же, где этот показатель имеется в обоих соотносящихся, – взаимно совпадающие и обратимые.

Неизбежным спутником необратимости отношений является еще сознание неравенства соотносящихся величин, преобладания одной из них над другой и подчинения одной из них другой. Именно то слово, в котором имеется показатель отношения (*брат учителя*), сознается как видоизмененное известным образом ради выражения этого самого отношения, приспособившееся известным образом для вступления в связь с другим словом, тогда как то слово, в котором нет показателя отношения (*брат учителя*), естественно представляется самодовлеющим, не пожертвовавшим ничем для вступления в связь с другим словом. Ведь если я хватаюсь за столб, чтобы удержаться от падения, то я завишу от столба, а столб от меня не зависит. Я изменился, чтобы вступить в отношения со столбом, столб же не изменялся, чтобы вступить в отношения со мною. Случай этот надо отличать и от того случая, когда два человека взаимно друг друга поддерживают (отношения обратимые), и от того случая, когда предметы по-разному, но тоже взаимно друг с другом сцепляются (крючок и петля – отношения необратимые, но оба предмета приспособляются к этим отношениям, и оба в своем устройстве зависят друг от друга). В языке как раз

всякая пара слов, сцепленная необратимыми отношениями, напоминает человека, ухватившегося за столб, потому что одно слово ни в чем не изменяется для выражения данного отношения, а другое непременно в чем-то изменяется. Первое и сознается как самостоятельное по отношению ко второму, а второе как несамостоятельное по отношению к первому. И такое соотношение называется обычно подчинением второго слова первому, или зависимостью второго слова от первого. При этом в словосочетаниях, состоящих более чем из двух слов, есть всегда одно слово абсолютно самостоятельное, т. е. такое, которое ни от чего не зависит, одно или несколько слов абсолютно несамостоятельных, т. е. таких, которые сами зависят от других и от которых ничего не зависит, и ряд слов, одновременно и самостоятельных и несамостоятельных: самостоятельных по отношению к одним словам и несамостоятельных по отношению к другим. Так, в словосочетании *сестра нашла мою ручку* отношение между словами *сестра* и *нашла* выражено только во втором из них (*сестра нашла*, ср. *брат нашел*, *дитя нашло*), и поэтому первое представляется самостоятельным, а второе несамостоятельным; отношение между словами *нашла* и *ручку* выражено опять-таки только во втором из них (*нашла ручку*, ср. *писала ручкой*, *искала ручки*), и, следовательно, слово *нашла*, бывшее по отношению к *сестра* несамостоятельным, оказывается по отношению к *ручку* самостоятельным. Далее, отношение между словами *ручка* и *мою* выражено опять-таки только во втором из них (*мою ручку*, ср. *мое перо*, *мой нож*), следовательно, слово *ручку*, бывшее по отношению к слову *нашла* несамостоятельным, оказывается по отношению к слову *мою* самостоятельным. Таким образом, в словосочетании оказывается одно слово абсолютно самостоятельным (*сестра*), одно абсолютно несамостоятельным (*мою*) и два таких, которые самостоятельны по отношению к одному слову и несамостоятельны по отношению к другому. Все это, конечно, вытекает из того основного факта, что необратимые отношения в каждой паре соотносящихся внешне выражаются лишь в одном из них. В двухсловных сочетаниях этот факт создает простое подчинение одного слова другому, а в многословных – последовательное подчинение слов друг другу, или так называемый ход зависимости слов друг от друга. И так как зависимость эта должна с какого-нибудь слова начинаться и на каком-нибудь слове кончаться, то ясно, что сколько бы ни было слов в словосочетании, построенном на необратимых отношениях, в нем всегда будет при последовательном подчинении одно абсолютно самостоятельное слово, одно абсолютно несамостоятельное и все остальные двойственные: самостоятельные по отношению к одним словам и несамостоятельные по отношению к другим.

В интересах точности надо еще добавить, что не всегда ход зависимости складывается так схематически просто, как в вышеприведенном примере. Очень часто одно слово подчиняет себе одновременно несколько слов, некоторые из этих слов, в свою очередь, могут подчинять себе по

несколько слов и т. д. Так, в словосочетании *я быстро пишу тупым карандашом требование прислать немедленно вооруженный отряд милиции* ход зависимости складывается так: 1) *я пишу*, 2) *пишу быстро*, *пишу карандашом*, *пишу требование*, 3) *карандашом тупым*³, 4) *требование прислать*, 5) *прислать немедленно*, *прислать отряд*, 6) *отряд вооруженный, отряд милиции*. Мы видим, что только в трех случаях одно слово подчиняется одному же (1, 3, 4), в двух других два слова подчиняются одному и тому же третьему (5, 6), а в одном случае даже три слова подчиняются одному и тому же четвертому (2). Таким образом, наряду с простой последовательностью подчинения наблюдается и постоянное разветвление его, переплетающееся с последовательностью самым прихотливым узором. В таких словосочетаниях будет уже, конечно, несколько абсолютно самостоятельных слов, так как некоторые из «веточек» не будут продолжать подчинения (в нашем примере – *быстро, немедленно вооруженный и милиции*). Такое «разветвленное» подчинение нескольких слов одному называется соподчинением, а последовательное подчинение слова за словом друг другу – включением.

Само собой разумеется, что при обратимости отношения, когда оно давно выражено в обоих соотносящихся (*женщины-врача, женщине-врачу* и т. д.), нет той основной причины, которая могла бы создавать неравенство отношений, и, таким образом, отношения должны представляться равными. По сравнению с подчинением мы будем называть такое соотношение сочинением.

От словосочетаний, в которых отношение выражено формами слов, перейдем теперь к словосочетаниям, в которых отношение выражено служебными словами (*ключ от замка, иду в город, стол и стул, хлеба и зрелищ* и т. д.). Анализируя те из них, где слова соединены при помощи союза (3-й и 4-й примеры), находим, что здесь нельзя уловить никакого грамматического неравенства соединяемых величин и что соответственно с этим отношения здесь складываются по формуле $A : B = B : A$. Этому соответствует и легкая обратимость всех подобных отношений (*Хлеба и зрелищ! – Зрелищ и хлеба! Живота или смерти? – Смерти или живота? Строг, но справедлив. – Справедлив, но строг*). Только при противительных союзах (последний пример) получается при перестановке какой-то внутренний сдвиг, но этот сдвиг, невидимому, чисто психологический, а не грамматический. При этих союзах второе из противопоставляемых представлений всегда кажется важнее первого (*строг, но справедлив*), и это сохраняется и при обращении (*справедлив, но строг*). Но самого отношения противоположности данных двух представлений это не касается, так как противоположность эта ощущается совершенно одинаково и в том и в другом случа-

³ Для наглядности мы экспериментально ставим везде подчиненное слово после подчиняющего, хотя в живой речи, как ясно из примера, такой порядок слов необязателен.

ях. Таким образом, во всех таких словосочетаниях мы можем видеть взаимное сочинение слов, равно как и в тех, где имеется несколько слов, соединенных союзами (*в лесу ночной порой и дикий зверь, и лютый человек, и леший бродит* – Пушкин.). Интересно отметить, что звуковой показатель отношения (союз) помещается во всех таких случаях либо между соединяемыми словами, не сливаясь по смыслу ни с одним из них более, чем с другим (ср. вышеприведенные перестановки), либо повторяется при каждой из соединяемых величин (*и – и – ..., ни – ни – ни* и т. д.), чем достигается даже внешнее приравнение всех членов друг к другу (в этом же направлении работает и «урavnительная» интонация таких сочетаний, см. гл. XXIV). Сюда же относятся, конечно, и бессоюзные случаи типа *гибли молодость, сила, здоровье...*, поскольку в них могли бы быть союзы и поскольку «перечисляющая» интонация здесь всецело выполняет роль союзов (см. там же). Эту интонацию, повторяющуюся при каждом члене, мы и можем считать здесь показателем равноправных («сочинительных») отношений. Совершенно иной характер носит связь слов в предложных словосочетаниях. Прежде всего наряду с предлогом отношение здесь всегда выражено и аффиксом того существительного, которое следует за предлогом (*ключ от замка*), так что сцепление по крайней мере одного из показателей отношения с одним из соотносящихся слов здесь то же, что и во всех вышерассмотренных случаях неравной связи слов. А затем, что самое главное, отделить здесь значение предлога от значения аффикса существительного почти невозможно, и, в сущности, здесь мы должны говорить об одном сложном звуковом показателе, который частью вошел в состав одного из соединяемых слов (*замка*), частью прильнул к нему в качестве служебного (*от замка*). Сознание такого именно размещения элементов чрезвычайно ярко отражается в малограмотных написаниях таких словосочетаний: пишут «*ключ отзамка*», но почти никогда не пишут «*ключот замка*». Ср. также фонетическое слияние предлога с падежом в таких случаях, как *на год, под голову, без толку, за ногу* и т. д. Следовательно, здесь оба звуковых показателя (вернее, один сложный) целиком отходят к одному из соотносящихся слов. Соответственно и отношения получаются взаимно несовпадающие и необратимые, что ясно: 1) из прямой невозможности в большинстве случаев произвести обращение (нельзя сказать «*замок от ключа*»), 2) из смысловых сдвигов в тех случаях, когда внешним образом можно произвести обращение (*хлеб с маслом – масло с хлебом, человек без зуба – зуб без человека, письмо на столе – стол на письме, нет хлопущки для мух – нет мух для хлопущки* и т. д.). Таким образом, здесь имеется типичное подчинение.

Примечание. Из союзных сочетаний только сочетание с союзом *как* дает не сочинение, а подчинение, если не рассматривать слово, присоединяемое союзом как, как неполное предложение (прыгает как ребенок, темно как ночью и т. д.; подробнее см. в гл. XIII, тип словосочетаний 9-й).

Оглядываясь на все проделанные наблюдения, мы замечаем, что подчинение и сочинение распределены в рассмотренных сочетаниях далеко не равномерно. Сочинительными являются только: 1) сочетания, состоящие из того, что в школе называется «приложением», и того, к чему оно «приложено», и 2) сочетания, состоящие из однородных членов слитного предложения. Все остальные сочетания, поскольку здесь не наблюдалось соединения предложений, – подчинительные. К тому же сочинение всегда тесно переплетается с подчинением, потому что ряд сочиненных слов обязательно или соподчиняет себе какое-нибудь слово (именно, когда он состоит из подлежащих: *Иван, Петр и Марья пришли, инженер-немец пришел*), или сам соподчиняется какому-нибудь слову (во всех остальных случаях: *видел отца, дядю, брата, видел инженера-немца*). Таким образом, тот тип последовательного и отчасти разветвленного подчинения, который мы наблюдали, не нарушается случаями сочинения, а только слегка видоизменяется ими. Именно, при нескольких подлежащих или при двойном подлежащем (подлежащее + «приложение» к нему) мы имеем как бы многоголовый тип, в котором вместо одного – несколько абсолютно самостоятельных членов и зависимость начинается со всех их сразу. Во всех остальных случаях мы имеем, собственно, известное уже нам явление соподчинения с той только разницей, что соподчиненные элементы здесь, кроме того, еще сочинены между собой. Следовательно, сочинение внутри предложения – лишь эпизод на фоне подчинения. Только при соединении отдельных предложений в сложные целые сочинение становится на равную ногу с подчинением.

<...>

Подчинение слов, в свою очередь, распадается на три крупные рубрики: управление, согласование и примыкание. Понятия эти могут вполне раскрыться читателю только на протяжении всей книги, а первые два из них (управление и согласование) так тесно связаны с категориями частей речи, что, только поняв эти последние, он поймет до конца и сущность разницы между этими видами подчинения. Поэтому здесь мы можем только в совершенно предварительном порядке указать, что:

1) «управление» есть подчинение существительного какому бы то ни было другому слову,

2) «согласование» есть подчинение прилагательного тому существительному, к которому оно относится, и подчинение глагола тому имени существительного, к которому он относится,

3) «примыкание» есть такое подчинение, которое не является ни управлением, ни согласованием. При этом в одних случаях подчинение и здесь выражается так, что звуковой показатель отношения сцеплен лишь с одним из соотносящихся (*шел медленно, шел спотыкаясь, шел искать*), в других случаях – только интонацией, порядком слов и лексикой (*шел здесь, шел вчера*). Таким образом, можно различать «форменное» и «бес-

форменное» примыкание, или, лучше, морфологическое и синтаксическое (потому что в отношении формы словосочетания в языке нет ничего бесформенного). Отдельные виды примыкания будут рассмотрены при изучении соответствующих форм словосочетаний.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какого рода отношения могут устанавливаться между словами в речи и представлениями?
2. Охарактеризуйте обратимые и необратимые отношения.
3. Какое отношение между словами А. М. Пешковский называет подчинением? Сочинением? Приведите примеры.
4. Какими средствами могут выражаться отношения в словосочетаниях?
5. Чем отличается интонация в сочинительных и подчинительных словосочетаниях?
6. Какие разновидности подчинения выделяет А. М. Пешковский? Охарактеризуйте их, приведите примеры.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ РУССКИХ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ⁴

5. Семантическая классификация русских сочинительных союзов. Мы не склонны преувеличивать роль классификации сочинительных союзов в их описании (основной упор следует, видимо, делать на толковании союзов). Тем не менее, необходимо было принять некую классификацию русских союзов и дать краткое обоснование этой классификации. Это и делается в данном разделе.

В русистике обычно ставится знак равенства между классификацией сочинительных союзов и классификацией сочинительных конструкций. В. А. Белошапкина показала, что столь прямое распространение семантической классификации союзов на классификацию конструкций неправомерно, поскольку при этом игнорируются важные структурные различия, существующие между предложениями, в частности, различие между открытыми и закрытыми структурами. По мнению В. А. Белошапкиной, необходимо «разграничивать предложения открытой и закрытой структуры как разные структурные типы (разрядка автора. – В. С.) сложносочиненного предложения. Деление по семантическому принципу должно проводиться уже внутри двух основных структурных типов сложносочиненного предложения» [Белошапкина 1977, 208].

Что же касается самой классификации по семантическому принципу, то, по мнению одних исследователей, она «в русских синтаксических трудах существенно не менялась» [Белошапкина 1977, 206], в то время как другие исследователи подчеркивают, что «единой типологии сочинительных отношений в русской грамматике нет», поскольку «весьма разноречива» классификация союзов – основного средства выражения сочинительных отношений [Перетрухин 1979, 102].

Какая из приведенных оценок состояния разработки типологии союзов правильна? Видимо, обе: классификаций русских сочинительных союзов много, но, бесспорно, есть неизменное общее ядро, признаваемое всеми русистами. Это ядро составляют соединительные, разделительные и противительные союзы.

Кроме трех указанных семантических классов выделяются иногда и некоторые другие, например, класс градационных союзов, класс присоединительных союзов. Однако выделение этих классов базируется уже на других основаниях, не на тех, которые положены в основу «трехчастного» разделения сочинительных союзов (эти основания обсуждаются ниже). Неудивительно, что выделение градационных, присоединительных и др.

⁴ Текст печатается по: Санников В.З. Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., Наука, 1989. С. 92–97.

«дополнительных» классов союзов вступает в противоречие с общепринятой трехчастной классификацией. В самом деле, градационность может связываться и с соединительными отношениями (*Попадались не только щуки, но и судаки*), и с разделительными (*Попадались щуки, а то и судаки*)⁵; присоединительность может сочетаться с любым видом сочинительных (и не только сочинительных!) отношений – с соединительными (*Он уехал, и надолго*), «противительными» (*Он уехал, но ненадолго*), разделительными (*Он придет поздно (или вообще не придет)*).

В основу нашей классификации положено общепринятое трехчастное деление русских сочинительных союзов на соединительные, разделительные и противительные, но с двумя существенными уточнениями, которые вводятся ниже.

1) Основной семантический признак, положенный в основу существующих классификаций сочинительных союзов, это отношение к реальной действительности, как его понимает говорящий, т. е. реальность / нереальность / возможность описываемых событий. Рассмотрим 5 следующих примеров:

(7) Плачет и поет.

(8) Плачет или поет.

(9) Плачет, но поет.

(10) Плачет, а поет.

(11) Не плачет, а поет.

Соединительный союз в (7) указывает на то, что оба описываемых события (и X и Y) имеют место; разделительный в (8) – на то, что каждое из описываемых событий X и Y возможно.

Остальные союзы – *но; а; не...а* в (9) – (11) – выделяются в русистике в особый третий класс – класс противительных союзов. Легко, однако, заметить, что в отношении рассматриваемого классифицирующего признака (реальность / нереальность / возможность событий) «противительные» союзы *а, но* не отличаются от соединительного союза *и*: в (9) – (10), как и в (7), оба события (и X и Y) действительно имеют место. Выделяя союзы *а, но* в особый класс, мы должны отдавать себе отчет в том, что это выделение базируется уже на иных основаниях (на признаке противопоставленность / непровотипоставленность компонентов) и что это уже более дробное деление, проводимое уже внутри соединительных союзов.

2) Еще сложнее обстоит дело с конструкциями типа (11). Их обычно также относят к противительным. Однако они принципиально отличаются по значению от противительных союзов и от всех прочих русских сочинительных союзов. В (11), включающем союз *не...а*, второе событие (*поет*)

⁵ Ср. работу [Колосова, 1980], где союз *а то и* классифицируется как «градационно-разделительный».

имеет место, а первое событие (*плачет*) – нет, между тем как соединительные и противительные союзы указывают на то, что оба события имеют место.

Здесь, однако, необходимо пояснение. Разумеется, отрицание возможно не только в конструкциях типа (11), но и в конструкции с любым сочинительным союзом, ср.:

(12) Коля *не* спит, *а* читает книгу.

(13) Коля *не* спит *и* читает книгу.

Почему мы считаем, что в (12) мы имеем дело с одной единицей – двуместным сочинительным союзом *не...а*, а в (13) – с двумя единицами – частицей *не* и союзом *и*? Семантическое различие, обусловившее различие в понимании фраз (12) – (13) и в понимании единиц, их составляющих, заключается в следующем:

– в (13) говорящий делает два утверждения и отрицание входит в состав одного из них (первого): (13) = ‘Коля совершает следующие действия: 1) не спит; 2) читает книгу’;

– в (12) говорящий делает одно утверждение: (12) = ‘Коля совершает некое действие; неверно, что это действие – сон; это действие – чтение’.

В противопоставительном контексте *не* – это не отрицательная частица, а первая часть двуместного сочинительного союза *не...а*. В пользу данного подхода свидетельствует тот факт, что значение *не...а* не равно сумме значений отрицания *не* и союза *и*.

С одной стороны, «у *а* в составе *а не*, как правило, есть устойчивый перевод на другие языки, иной, чем для союза *а* вне этого контекста, например, *а* не переводится на английский как *but not*, а не как *and not*, хотя отдельно *а* переводится чаще как *and*».

С другой стороны, *не* в контексте противопоставления резко отличается по своим свойствам от «обычного» *не*, *не* в «нейтральном контексте».

И. М. Богуславский, в работе которого [Богуславский 1985] содержится тщательный и глубокий анализ конструкций с *не*, указывает 17 различий между отрицанием противопоставительным (*не...а*) и отрицанием нейтральным. Среди них есть различия коммуникативные, семантические, синтаксические, сочетаемостные [Там же, 62-73].

Вот несколько примеров автора. В рубрике (а) – конструкции с нейтральным отрицанием, в рубрике (б) – конструкции с «противопоставительным отрицанием», т. е. конструкции *не...а*, причем допустимое в случае противопоставления недопустимо или сомнительно в случае нейтрального отрицания, или наоборот:

(14) а. ?Когда он вошел, я *не* обедал.

б. Когда он вошел, я *не* обедал, *а* читал газету.

(15) а. ?Иван не умеет *не* говорить по-турецки.

б. Иван умеет *не* говорить по-турецки, *а* читать.

(10) а. В этих условиях кристаллов *не* образуется.

б. *В этих условиях кристаллов *не* обрадуется, *а* распадается [нужно: кристаллы не образуются].

(17) а. *Он *не* читает какие-то газеты.

б. Он *не* читает какие-то газеты, *а* работает.

(18) а. Я его совершенно *не* люблю.

б. *Я его совершенно *не* люблю, *а* ненавижу. Наше понимание конструкций с *не...а* и их значения близко к тому, которое встречается в работе И. М. Богуславского [1985], и основано в значительной степени на наблюдениях, содержащихся в этой работе. Однако наша интерпретация описываемых явлений существенно отличается от интерпретации И. М. Богуславского, который выдвигает два основных возражения против интерпретации *не...а* как особой единицы – двухместного союза:

а) «*Не...а*» – единица «с весьма необычными свойствами: один ее компонент допускает неограниченное повторение, а другой может вообще отсутствовать» [Богуславский 1985, 75], ср.:

(19) Мы *не* пашем, *не* сеем, *не* строим – Мы гордимся общественным строем (Э. Рязанов).

(20) *Не* колесо громовое – Взглядами перекинулись двое. *Не* Вавилон обрушен – Силою переведались души (М. Цветаева).

Это свое возражение отводит, собственно говоря, сам автор, доказывая что в русском языке имеется составной союз *если...то* (бесспорно, одна лексема!), где, как и в случае *не...а*, не только повторим первый компонент, но и опустим второй: Если он не будет занят и если вы его очень попросите, (*то*) он согласится [Богуславский 1985, 75].

б) Второй довод касается значения союза *не...а*: «У сочетания *не...а* единой синтаксической функции нет: оно состоит из двух отдельных единиц – частицы и союза – имеющих отчетливо разные функции» [Богуславский 1985, 75]. Этот довод И. М. Богуславского также вызывает сомнения. Вряд ли можно отрицать, например, что предлог *вместо* имеет определенную синтаксическую функцию. Почему же единице *не...а*, близкой по значению этому предлогу (ср.: *Вместо* Коли придет Петя – Придет *не* Коля, *а* Петя), мы отказываем в возможности иметь единую синтаксическую функцию? Ведь «многоместность», «разобщенность» единицы (и с этим И. М. Богуславский, по-видимому, согласен) не является препятствием для того, чтобы считать ее одной лексемой с единым значением.

Итак, мы принимаем разделение русских сочинительных союзов на три класса. В их число мы, в соответствии с традицией, включаем класс соединительных и класс разделительных союзов. Что же касается третьего традиционно выделяемого класса – класса противительных союзов, то большую часть союзов этого класса (союзы *а*, *но* и их «аналоги» – *же*, *однако*, *только* и др.) мы включаем в класс соединительных, а остальные «противительные» союзы – *не...а* (*а не*); *добро бы...а то*; *если бы...а то* и т. д. – выделяем в особый класс, который мы предлагаем называть

классом заместительных союзов, поскольку по значению они близки конструкциям с предлогом *вместо*, указывающим на «замещение» одного события, признака или участника ситуации другим.

Принимаемая в работе семантическая классификация русских сочинительных союзов не претендует на окончательность. Еще меньше она может претендовать на новизну: многие соображения, положенные в ее основу, высказывались (правда, без достаточных обоснований) неоднократно. Так, Ю. И. Левин [1970] считает, видимо, само собой разумеющимся включение союзов *а, но, хотя, зато* и число конъюнктивных (соединительных). А. А. Шахматов [1941] и, вслед за ним, Н. М. Киселева [1967], А. Ф. Прияткина [1970], Ф. В. Попов [1975], В. Н. Перетрухин [1979], Грамматика 1980, т. I, 719 и другие исследователи выделяли отдельную целостную лексику *не...а (а не)*.

Хотелось бы отметить еще одно важное обстоятельство. Деление русских сочинительных союзов на соединительные, разделительные и заместительные хорошо согласуется с их синтаксическими свойствами и с их прагматикой.

Как уже отмечалось, сочиненные подлежащие с соединительными союзами обычно индуцируют форму мн. числа сказуемого (Миша *и* Коля *пришли*), подлежащие с заместительными союзами – форму ед. числа (*Не* Миша, *а* Коля *пришел*) и, наконец, подлежащие с разделительными союзами допускают, в разных условиях, то единственное, то множественное число сказуемого (*Пришел* Миша *или* Коля; *Приходили* *то* Миша, *то* Коля).

Что касается прагматики соединительных, разделительных и заместительных союзов, то она, как будет ясно из дальнейшего изложения, резко различна этих трех классов союзов:

– в случае соединительных союзов говорящий знает правду о ситуации и сообщает ее слушающему, который ее не знает;

– в случае разделительных союзов говорящий признается, что он не знает полной правды, но считает, что и эта неопределенная информация полезна для слушающего;

– в случае заместительных союзов говорящий, зная правду, заменяет ошибочные представления, которые есть или могут быть у слушающего, другими, правильными представлениями.

В завершение данного (чрезвычайно краткого) описания семантической классификации русских сочинительных союзов сделаем одну существенную оговорку.

В естественном языке, в отличие от классической логики, нет резкого разграничения конъюнктивных (соединительных) и дизъюнктивных (разделительных) отношений. Имеются конструкции, занимающие по смыслу промежуточное положение между соединительными и разделительными.

Сюда следует отнести, в первую очередь, конструкции с союзом

то...то, ср.:

(21) Во время болезни меня навещали *то Миша, то Коля*.

В каждый отдельно взятый момент говорящего навещал кто-то один – либо Миша, либо Коля (дизъюнкция), однако в целом за весь описываемый период говорящего навестили оба – и Миша, и Коля (конъюнкция). Тем самым, конструкция с *то...то* могла бы быть определена как «соединительно-разделительная» (или «конъюнктивно – дизъюнктивная»).

Другой интересный «гибрид» соединительных и разделительных конструкций – конструкции с союзами *а то и; а может (быть) и*. Ср.:

(22) Они прогуляются до реки, *а то и* выкупаются.

Здесь первый компонент (*прогулка*) действительно будет иметь место (как компоненты соединительных конструкций), а второй (*купание*) возможен (как компоненты разделительных конструкций).

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каковы основания традиционной классификации сочинительных союзов? Каковы истоки этой классификации?

2. Почему градационные и пояснительные союзы не включаются в традиционную классификацию?

3. Охарактеризуйте основания классификация сочинительных союзов В. З. Санникова.

4. Является ли комплекс *не...а* самостоятельный союзом?

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СИНТАКСИСА⁶

К грамматическим средствам синтаксиса относятся все те средства, с помощью которых одно слово или совокупность слов могут быть оформлены по законам данного языка как отдельная единица связной речи – самостоятельная (простое предложение, сложное предложение, сверхфразовое единство) или несамостоятельная (член предложения, словосочетание). В русском языке такими средствами являются: грамматические формы знаменательных слов; служебные слова; в отдельных случаях – сами знаменательные слова, в первую очередь – местоименные; определенный порядок размещения слов и других синтаксических компонентов предложения и текста; ритмомелодические (интонационные) средства.

§ 2. Грамматические формы слова. Только при употреблении изменяемых слов в строго определенных грамматических формах можно передать нужное смысловое содержание и построить предложение грамматически правильно – в соответствии с нормами русского литературного языка. Ср., например: *Незнакомая старушка держала за руку худенького мальчика – Старушка держала за худенькую ручку незнакомого мальчика; Записку передали сестре – Записку передала сестра.*

Выбор нужной формы слова осуществляется обычно в соответствии с правилами согласования и управления (они будут рассмотрены ниже).

§ 3. Служебные слова. Роль различных разрядов служебных слов неодинакова.

Предлоги. Предлоги, как и формы изменяемых знаменательных слов, используются для объединения слов и выражения определенных смысловых отношений только в рамках простого предложения или отдельной части сложного предложения. Употребляются они лишь с существительным или местоимением-существительным и выражают соотношения данного предмета с другими предметами и явлениями. Ср., например: *Тетрадь лежит в книге – на книге – под книгой – между книгами...*; *Зашли за товарищем – с товарищем – из-за товарища* и т. д. Эту функцию предлоги в русском языке выполняют в неразрывной связи с формами определенных падежей. Общее назначение у падежной формы с предлогом и без предлога совпадает, только одни разновидности смысловых отношений передаются падежными формами без предлогов, другие – с предлогами (ср., например: *Записку передали сестре – через сестру – для сестры* и т. д.). Поэтому сочетание существительного с предлогом постоянно оценивается как своеобразная «синтаксическая форма» существительного – «предложно-падежная форма».

⁶ Текст печатается по: *Современный русский язык. Синтаксис простого предложения.* М.: Просвещение, 1979. С. 6–9.

Союзы. Союзы используются для выражения смысловых связей между словами внутри отдельного простого предложения, между частями сложного предложения, между самостоятельными предложениями, входящими в сверхфразовое единство. В простом предложении они используются ограниченно, чаще всего – в группах однородных членов (сочинительные союзы). В отличие от предлогов союзы могут объединять слова любых частей речи, выражая различные отношения однородных членов между собой и к тому слову, с которым они связаны (*Купи → ручку и карандаш – ручку **или** карандаш – ручку, а не карандаш*).

Частицы. По сравнению с функциями предлогов и союзов синтаксические функции частиц характеризуются значительно большей сложностью, многообразием, неоднородностью.

В одних случаях роль частиц замыкается рамками отдельного предложения: наряду с предлогами и союзами они участвуют в выражении связей между явлениями. Такова, например, роль частицы *не*, с помощью которой отрицаются все или одна из фиксируемых в предложении связей. Ср.: *Приемные экзамены еще **не** начались...* (Тендряков); *...нам отвели **не** комнату – временное жилье, а полдома...* (Тендряков) и т. д.

В других случаях с помощью частиц выражаются смысловые связи между отдельными предложениями текста, логическая последовательность в ходе рассуждений. Например, частицы *вот и*, *и вот*, *что же*, *так*, каждая по-своему, служат сигналом итогового характера предложения в сверхфразовом единстве или итога размышлений, внутренней речи: *Да мало ли что может случиться в тайге с человеком, которому перевалило за восемьдесят. **Вот** и болит сердце за старика* (Федосеев); *...**Так**, говорите, ни одной хаты и ни одного человека?* (Закруткин); – ***Что же**, теперь можно встречать зиму, – сказала она себе* (Закруткин).

Часто с помощью частиц выражается эмоциональная и модальная оценка содержания предложения. Так, с помощью вопросительных частиц *неужели*, *разве* выражается удивление от почти очевидного, но неожиданного для говорящего факта: *«А и верно. Улукиткан!.. **Неужели** с Утукского поднялся так рано?» – «До, да, с перевала»* (Федосеев). При использовании частиц *как будто*, *будто*, *вроде* и подобных говорящий может выражать неуверенность в достоверности передаваемого содержания: *...поглядывают на нее просительно, **вроде** сказать что-то хотят* (Закруткин). ***Вряд ли*** указывает на сомнения в осуществимости события: ***Вряд ли** когда-нибудь судьба занесет меня в этот суровый край* (Федосеев). И т. д.

§ 4. Знаменательные слова. Непосредственно в качестве грамматического средства синтаксиса выступают немногие местоименные слова. Так, относительные и указательные местоимения служат средством связи в сложноподчиненных предложениях: *Хорошо может видеть людей и землю только **тот, кто** их любит* (Паустовский). С помощью указательных

местоимений и близких к ним личных местоимений 3-го лица осуществляется связь самостоятельных предложений в тексте, связь частей сложно-сочиненного предложения, а иногда и частей простого предложения: *Луначарский попросил слово и начал превосходно построенную, блестящую речь о Шекспире и современности. Эта речь могла показаться давно обдуманной, подготовленной, но на самом деле это был экспромт ...Таковую речь можно было бы напечатать без поправок, если бы сохранили ее стенограмму* (Никулин).

Другие (неместоименные) знаменательные слова не играют обычно роли собственно грамматического средства. Но тем не менее они постоянно так или иначе участвуют в грамматической организации предложения, ориентируя нас в потенциально возможных отношениях между соответствующими предметами и явлениями. Лексические значения знаменательных слов несут «черновую» информацию о возможных смысловых и грамматических связях всех слов предложения; о возможных семантических функциях отдельного слова; о возможностях его сочетаемости с другими словами – его синтаксической «валентности». Называя такое явление, которое предполагает устойчивую связь с другими предметами и явлениями объективного мира, знаменательное слово нередко становится организующим центром для определенных разновидностей синтаксических конструкций, выражающих эту связь, – словосочетаний, предложений. В предложении роль такого центра может играть глагол, предсказывающий своим лексическим значением выражение тех или иных связей с субъектом, объектами действия, а иногда и обстоятельствами.

Употребление различных знаменательных слов может вызывать неодинаковое грамматическое оформление одного и того же члена предложения. Ср.: *Он приехал с завода – Он приехал из колхоза; Меня отчитали за опоздание. – Мне выговорили за опоздание*. Поэтому изучение многих синтаксических конструкций невозможно без учета их лексического состава.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие средства относятся к грамматическим средствам синтаксиса?
2. Охарактеризуйте синтаксические свойства союзов, предлогов и частиц.
3. Какие знаменательные слова выступают в качестве грамматических средств синтаксиса? Охарактеризуйте их роль в организации предложения.

СОГЛАСОВАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ⁷

§ 129. По сравнению с управлением согласование является гораздо более простым и гораздо более «формализованным» способом установления связи между словами. Соответственно гораздо проще и прозрачнее те основания, исходя из которых избирается та или другая форма согласуемого слова. В обычных случаях подчиненное слово при согласовании воспроизводит грамматические категории, присущие господствующему слову. Естественно, что более или менее механически могут воспроизводиться только категории, общие для подчиненного и господствующего слова.

Соответственно с этим при характеристике согласования внимание обычно сосредоточивается на том, что «уподобление» господствующему слову зависит от того, какие из грамматических категорий присущи господствующему слову, имеются у слова подчиненного. Так, указывается, что полное прилагательное, способное выражать род, число и падеж, уподобляется господствующему существительному во всех этих трех категориях; краткое прилагательное, не имея категории падежа, – только в роде и числе и т. д. Эти факты отмечаются всеми общими пособиями по синтаксису и являются общеизвестными

В то же время далеко не до конца раскрыто, какую роль играет в согласовании семантико-грамматическая природа господствующего слова. А между тем различные принципы оформления согласуемого слова зависят именно от особенностей господствующего компонента⁸.

От того, какое именно количество грамматических категорий, присущих господствующему слову, способно воспроизводить зависимое слово, характер факторов, определяющих форму подчиненного слова, не меняется. Например, в предикативных сочетаниях *ночь тихая*, *ночь тиха*, *день тихий*, *день тих* становление формы согласуемого прилагательного принципиальных различий не имеет: эта форма дублирует те грамматические категории существительного, которые могут быть выражены флексиями согласуемого слова. Отсутствие категории падежа у краткого прилагательного не меняет сущности этого чисто грамматического приема установления связи.

В отличие от этого, когда та или иная грамматическая категория, выражаемая подчиненным словом, отсутствует у господствующего, форма подчиненного слова устанавливается на основаниях принципиально

⁷ Текст печатается по: Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. М., 1971. С. 174–206.

⁸ Ср. аналогичное замечание А. И. Смирницкого: «...В объяснении здесь нуждается не форма согласуемого слова, а форма ведущего, ибо... именно основные черты слова имеют известные присущие им специфические черты...» – А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., Изд-во иностр. лит., 1957, стр. 77.

иных. Например, форма рода при местоимениях *я* и *ты*, не имеющих грамматической категории рода, определяется у согласуемого слова реальным полом соответствующего лица: *я пришла, я пришел*. Согласование в роде имеет и этот случай смысловой, а не грамматический характер⁹.

При отсутствии категорий рода и числа у господствующего слова возникает и третий способ оформления подчиненного слова – способ, который можно назвать условно-грамматическим согласованием. Своеобразно приспособляясь к слову, не выражающему рода и числа, зависимый компонент часто приобретает в русском языке наиболее «нейтральную» форму – единственного числа среднего рода. Ср.: *А, помноженное на В, равняется С; произошло что-то страшное; получилось круглое пятно; громкое «ура»* и т. д. В отличие от смыслового согласования условно-грамматическое не отражает никаких реальных предметных значений, передаваемых господствующим словом; в отличие от собственно грамматического согласования в нем не наблюдается буквального повторения грамматических категорий господствующего слова.

Факты смыслового и условно-грамматического согласования¹⁰ не всегда одинаково трактуются в современной русской лингвистике. Их называют «особыми случаями согласования», нарушениями согласования, некоторые лингвисты склонны вообще не усматривать в них «согласования». Например, судя по отдельным замечаниям, А. Б. Шапиро и Д. Н. Шмелев сужают понятие согласования до случаев, когда зависимое слово дублирует имеющиеся у господствующего слова грамматические категории. Так, оба исследователя отрицают согласование в роде в тех случаях, когда господствующее слово рода не выражает (*я пришел – я пришла, ты болен – ты больна, наш Шмидт, новое шасси* и т. д.)¹¹. Мы считаем, что прилагательные и все адъективные формы, а также родовые личные формы глагола по своей морфологической природе не способны ни к какому иному типу связи, кроме согласования. Флексии прилагательных (в широком понимании) и личных форм глаголов прошедшего времени и сослагательного наклонения обязательно выражают род и число. Между тем лексическое

⁹ Наша трактовка исключает из сферы смыслового согласования ряд явлений, рассматриваемых Д. Э. Розенталем. См.: Д. Э. Розенталь. Согласование по смыслу сказуемого с подлежащим. Материалы к курсу «Практическая стилистика современного русского языка». Московский заочн. полиграф. Институт, 1960.

¹⁰ Аналогичные разновидности, но с другим терминологическим обозначением намечает Н. А. Кока. «Собственно-грамматическому согласованию» соответствует в его терминологии «формальное согласование», «смысловому» – «формально-смысловое» или «формально-мотивированное», «условно-грамматическому» – «формально-немотивированное». См.: Н. А. Кока. Согласование как тип синтаксической связи слов в современном русском языке (АКД). Алма-Ата, 1955, стр. 11–13.

¹¹ См.: А. Б. Шапиро. Словосочетание в русском языке. В сб.: «Славянское языкознание». М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 200; Д. Н. Шмелев. Некоторые особенности согласования в русском языке. «РЯНШ», 1962, № 4, стр. 48.

значение признака или действия ни в какой мере не подсказывает употребление прилагательного или глагола в определенном роде или числе. Поэтому род и число в формах указанных частей речи неизбежно устанавливаются в зависимости если не от грамматической формы, то от предметного значения господствующего слова – обязательно тем или иным путем «приспосабливаются» к господствующему слову. По меткой характеристике М. А. Шапиро, вообще «значение флексии при согласовании относится всецело не к зависимому, оформляемому этой флексией, слову, а к другому члену сочетания, к подчиняющему слову»¹². Не без основания эту особенность М. А. Шапиро считает основной особенностью согласования. Несамостоятельность форм рода и числа у грамматически подчиненных прилагательных и глаголов не только позволяет, но и заставляет говорить всегда о согласовании их, независимо от того, определяют ли форму подчиненного слова факторы собственно грамматического, условно-грамматического или смыслового порядка¹³.

§ 130. Рассмотрение принципов согласования мы будем проводить отдельно по каждой из категорий, которые может иметь согласуемая подчиненная форма.

Несмотря на то, что между членами предикативного объединения слов в целом наблюдаются отношения взаимного подчинения, вполне правомерно рассматривать согласование сказуемого с подлежащим отдельно, как одну из линий в этих двусторонних отношениях. При этом общие принципы согласования в роде и числе в непредикативных и предикативных объединениях слов совершенно одинаковы, хотя в некоторых случаях тот или иной из этих принципов получает в предикативных сочетаниях более широкое распространение, чем в непредикативных, и наоборот. Поэтому раскрывать такие общие принципы мы будем, рассматривая одновременно и непредикативные и предикативные¹⁴ сочетания слов.

Наиболее широко захватываются согласованием категории рода и числа. К тому же в этих категориях особенно отчетливо обнаруживается различие возможных принципов согласования, так как именно категории рода и числа могут быть связаны с особенностями конкретно-предметного значения господствующего слова. Поэтому из-за ограниченности объема кни-

¹²Шапиро М. А. О типах подчинительной связи внутри словосочетания. «РЯШ», 1950, № 2, стр. 24 и др.

¹³Ср. аналогичные выводы Б. А. Лапидус. Проблема согласования сказуемого с подлежащим в современном английском языке (АКД). М., 1959, стр. 3.

¹⁴Ср. замечание Р. Мразека по поводу проспекта «Основы построения описательной грамматики русского литературного языка» («Наука», 1966): «Жаль, что тезис о принципиальном исключении предикативных словосочетаний повлечет за собой некоторое сужение диапозона... межсловесной комбинаторики». – Р. Мразек. К проекту построения синтаксического раздела, 1967, стр. 89.

ги среди категорий, участвующих в согласовании, мы рассматриваем в основном эти категории, затрагивая, кроме того, лишь спорный вопрос о согласовании в лице и характеристику явлений параллелизма форм существительных в приложении и именном сказуемом.

Выбор формы рода при согласовании

§ 131. Согласование оказывается как бы зеркалом, в котором отражаются грамматические и семантические особенности, связанные с родом господствующего слова.

Собственно грамматическое согласование, при котором род подчиненного слова повторяет род господствующего, наблюдается в том случае, если господствующим словом является субстантивное слово, имеющее грамматическую категорию рода: существительное мужского, среднего или женского рода; субстантивированное прилагательное или причастие (*прачечная, рабочий, учащийся, прошлое* и т. д.); местоимение-существительное типа *всякий, каждый, любой, другой, тот, всё, это, то*.

Однако о чисто грамматическом принципе согласования уверенно можно говорить лишь по отношению к тем случаям, когда, с одной стороны, род господствующего слова, не отражая различий пола, является категорией семантически не мотивированной, а с другой – когда он получает вполне определенное морфологическое выражение, т. е. когда флексии именительного падежа единственного числа или всей парадигмы склонения соответствуют грамматическому роду господствующего слова. Таково, например, согласование с неодушевленными существительными типа *диван, тахта, окно, форточка, бешенство, ярость, береза, дуб*; с местоимениями-существительными типа *это, все, то*, с одушевленными существительными и местоимениями-существительными, не выражающими различий пола: *окунь, щука, стрекоза, синица, животное, человек, персона, ребенок, всякий, каждый* и т. д. Родовая форма подчиненного слова устанавливается в сочетании с такими словами без участия каких бы то ни было смысловых факторов – путем автоматического дублирования грамматического рода господствующего слова: *на мягком диване – на мягкой тахте, большая щука – большой окунь, страшное бешенство – страшная ярость, росла березка – рос дуб, все прошло, каждый ушел бы* и т. д.

Труднее утверждать чисто формальный характер согласования в тех случаях, когда грамматический род господствующего слова семантически мотивирован, отражая пол лица или животного. Повторяя грамматические категории господствующего слова, подчиненное слово становится в таких случаях и дополнительным выразителем реального пола (ср.: *приехал один учитель – приехала одна учительница*). Собственно грамматические и смысловые основы согласования выступают здесь в неразрывном единстве и взаимодействии.

§ 132. О чисто смысловом согласовании можно говорить в тех случаях, когда род согласуемого слова устанавливается исходя непосредственно из пола лица (реже – животного), обозначаемого господствующим словом, – без участия морфологических показателей рода у господствующего слова или даже минуя такие показатели. Смысловое согласование в роде имеет место: 1) при одушевленных (преимущественно личных) существительных, а) когда существительное – несклоняемое – вообще не имеет морфологических показателей рода (*Захаренко, Краузе, конференсье* и под.); б) когда окончания существительного (или шире – форма его именительного падежа) не соответствуют его грамматическому роду и полу (*мальчишка, Ваня, дядя, Лука, Батиста, Элен. Жаклин, Мамлакат* и т. д.); в) когда одна и та же форма существительного приобретает определенный грамматический род в зависимости от пола (*Саша, Женя, Валя, плакса, неряха, сирота* и др.) и, наконец, г) когда грамматический род существительного, получающий выражение в его окончании, не соответствует реальному полу; 2) при местоимениях *я, ты* и вежливом *вы*, не имеющих грамматической категории рода. Например:

1) а) *Теперь Венхвадзе взялся за разрешение другой многолетней математической загадки («Неделя», 1965, № 52); О Лейле узнала Т. Лашкарашвили министр просвещения Грузии («Неделя», 1966, № 6).*

б) *Открыл, как об этом и мечтал Коля, сам Юра (Кассиль, Ранний восход); Читал ли Тургенев модную в те годы Брэддон? (Шагинян, Английские письма).*

в) *Женя вздохнула и оглянулась (Гайдар. Тимур и его команда); Наташа все еще отряхивалась, когда подошел Женька (Нагибин, Туман). В детстве я был большой рева (Вересаев, Воспоминания); Она [Любочка] была страшная плакса (Л. Толстой, Детство);*

г) *Но как раз в этот момент в зал вернулась секретарь, что-то забывшая на столе (Г. Бакланов, Карпухин); Появилась Великий Могол и, глядя в зеркало, сказала, что ужин подан (А. Н. Толстой, Хождение по мукам); В заповедник. Ломаное Копыто наверняка пришел вместе со стадом и, наверно, был вожжаком (Песков, Шаги по росе); Пока Солнышко жадно глотала воду. Любаша почистила стойло, корму задала (Матушкин, Любаша).*

2) *Я все поняла сейчас. ...Я не дождусь тебя, сколько бы ни ждала. Ты никогда не выходил и никогда не выйдешь из лагеря, Георг! Ты «бес-срочный» Бухенвальда (Нагибин, Веймар и его окрестности); А вы жестокая, Мария Владиславовна... (Л. Никулин, Мертвая зыбь).*

§ 133. В одних случаях закономерности смыслового согласования проводятся вполне последовательно; в других они конкурируют с другими приемами.

Так, при отнесенности слов «общего рода» (*неряха, плакса, сирота* и под.) к лицам мужского пола согласуемые с ними определения могут употребляться в формах женского рода:

– *Вот совещаемся, – сказала та же соседка. – Главное: мальчишку-то куда деть? Ведь круглая сирота!* (Остапенко, Вещи); «*О, это Брюм!*» – «*Тоже ...аристократический волдырь какой-нибудь или хапуга биржевая?*» (Леонов, Русский лес); *Он убежден, что красив. Честное слово, такая образина* (М. Молочко, А. Молова, Тебе, моя жизнь) и т. д.

Большинство лингвистов связывает такое согласование с формальным влиянием окончания *-а* у существительного¹⁵.

Не является последовательным и смысловое согласование при существительных мужского рода типа *директор, секретарь, врач*, когда они обозначают женщин, хотя конструкции типа *Директор пришла*, которые еще сравнительно недавно оценивались как неприемлемые для строго нормированной речи¹⁶, получили в настоящее время широкое распространение и свободно употребляются без какой-либо сниженной стилистической окраски в авторской речи художественных произведений и в газетных текстах различных стилевых разновидностей¹⁷, в том числе даже в чисто официальных информационных сообщениях, например: *...Наш корреспондент связалась с Далласом* («Лит. газета», 1967, № 10). Грамматическое, а не смысловое согласование сказуемого сохраняется сейчас преимущественно в строго официальном стиле (*Диссертант обнаружил большую эрудированность*). Практически при обозначении конкретного лица без фамилии свободно употребляются в официальных стилях сравни-

¹⁵ См.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис, стр. 189; В. В. Виноградов. Русский язык. М.-Л., Учпедгиз, 1947, стр. 476–477; Д. Э. Розенталь. Практическая стилистика русского языка. М., «Высшая школа», 1965, стр. 242; П. И. Мучник. Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке. В сб.: «Развитие современного русского языка». М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 71–72.

¹⁶ Ср., например, К. И. Былинский. Особые случаи согласования сказуемого с подлежащим в современном литературном языке. «РЯШ», 1939, № 2. даже авторы академической «Граматики русского языка» говорят о возможностях смыслового согласования в конструкциях этого типа еще очень осторожно: «Такое употребление распространяется в разговорной речи. Однако поскольку оно резко нарушает правила грамматического согласования, здесь обычно называется имя собственное того лица, о котором идет речь, напр. *...Мастер т. Стаканова организовала помощь отстающим...*» – «Грамматика русского языка», т. II, ч. I. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 512–513. То же, изд. 2. м., 1960, стр. 510.

¹⁷ О причинах распространения и закономерностях использования этих конструкций см., например: И. Ф. Протченко. Формы глагола и прилагательного в сочетании с названиями лиц женского пола. В сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 3. М., Изд-во АН СССР, 1961; П. И. Мучник. Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке. В сб.: «Развитие современного русского языка». М., Изд-во АН СССР, 1963; В. Г. Костомаров. Культура языка и речи в свете языковой политики. В сб.: «Язык и стиль». М., «Мысль», 1965 и особенно: «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка». М., «Наука», 1968, гл. вторая.

тельно немногие нарицательные существительные (как раз типа автор, рецензент, диссертант).

В отличие от сказуемых, определения согласуются с рассматриваемыми словами чаще всего формально, а не по смыслу. Ср., различное согласование определений и сказуемых: *После уроков ко мне зашла классный руководитель 9 класса и не без тревоги сообщила...* («Комс. правда», 30/1 1960 г); *Рыжеволосый астронавигатор неслышно заняла свое место...* (Ефремов, Туманность Андромеды) и т. д. Вместе с тем формы женского рода постепенно распространяются и в непредикативных словосочетаниях: *А одна наша врач купила путевку; Один раз наша почтальон заболела; Эта продавец медленно отпускает* (Из записей живой речи); *Присутствовавшая на уроке завуч сказала громко в учительской...* («Волж. комсомолец», 24/12 1965 г.); *Смущенная завуч пояснила, что мальчишка утром поскандалил и сбежал* («Комс. правда», 11/11 1969 г.).

Однако даже в разговорной речи не поддаются обычно приемам смыслового согласования такие сочетания, которые представляют собой единое наименование профессии или должности: *зубной врач, главный врач, старший технолог, старший мастер* и под. Устойчивость грамматических приемов согласования, несомненно, объясняясь здесь терминологической цельностью этих словосочетаний.

Прилагательные с качественным значением обнаруживают несколько большую свободу оформления. В наших записях разговорной речи зафиксирован пример с разным оформлением определений разных типов: *У нас была очень хорошая зубной врач.*

Грамматические нормы согласования всегда выдерживаются в тех случаях, когда прилагательные, даже с чисто качественным нетерминологическим значением, вместе с определяемым существительным входят в состав сказуемого. Ср.: *Врач у нас очень хорошая*, но: *Иванова у нас – самый хороший врач.*

Таким образом, вытеснение грамматических приемов согласования смысловыми неодинаково протекает в разных условиях. Закреплению смыслового согласования препятствует, по-видимому, сила лексического сцепления компонентов (*главный врач*) или их тесная синтаксическая спаянность (*Иванова – самый хороший врач*)¹⁸. Играет роль, очевидно, и сте-

¹⁸ Неудивительно, что когда определение стоит при сочетании нарицательного и собственного имени, имеет значение и степень семантической самостоятельности и весомости нарицательного имени, и то, к нарицательному или собственному имени относится определение по смыслу. Например, совершенно естественны различные возможности согласования в сочетаниях *уважаемая* (реже *уважаемый*) *товарищ Иванова* и *верный товарищ Иванова*, по поводу которых А. К. Панфилов несколько неоправданно, как нам кажется, полемизирует с Д. Э. Розенталем и Н. Г. Листвиновым, очевидно, просто не предусмотревшими в кратких

пень необходимости той информации, которую несет смысловое согласование. В предложениях типа *Она – хороший инженер; Иванова – зубной врач*, когда пол передан родом подлежащего, необходимость его повторного выражения отсутствует. Иное положение в случаях типа *Врач у нас внимательная*, где форма женского рода является по меньшей мере желательной, так как только она может выразить реальный пол характеризуемого лица.

§ 134. Условно-грамматическое согласование при обозначениях лиц наблюдается в сочетаниях с местоимением *кто* и его производными (*кто-то, кто-нибудь, никто* и др.). Использование этих местоимений всегда связано с известной неопределенностью представления о лице (животном), с обобщенным, а не конкретным его обозначением. Очевидно, поэтому согласуемое слово и приобретает при них условно-грамматическую форму мужского рода (ср. смысловое согласование с местоимениями *я, ты*, тоже не имеющими грамматического рода, но обозначающими конкретных лиц). Например: *Кто был на московском фестивале, никогда не забудет радушия, с каким москвичи встречали посланцев мира* (Песков, Шаги по росе); *Никто не слышал, как трое кричали...* (там же) и т. д. Смысловое согласование в роде наблюдается только в вопросительных разговорных сочетаниях *кто такой – кто такая*.

Выбор при местоимении *кто* и производных согласуемой формы мужского рода объясняется, очевидно, тем, что именно мужской род устойчиво связан в русском языке с обобщенным обозначением лица, устанавливаемым независимо от реального пола. Ср. такие общие наименования лиц, как *студент, ученик, преподаватель, инженер*; местоименные обобщающие обозначения лица типа *всякий, каждый, любой, тот, кто...*; употребление субстантивированных прилагательных типа «Сытый голодного не разумеет» и т. д. В отличие от этого неодушевленные предметы и явления обобщенно обозначаются формами среднего рода единственного числа: *это, всё, «то, что...», всякое (бывает)*; ср. *Но он был слишком джентльменом, чтобы вносить личное в принципиальное* (К. Зелинский, Легенды о Маяковском)¹⁹.

рекомендациях случаев типа *верный товарищ Иванова*. См.: А. К. Панфилов. *Уважаемый товарищ или уважаемая товарищ?* «Вопросы культуры речи», вып. 6. М., «Наука», 1965.

¹⁹ Непосредственно о противопоставлении местоимений *кто – что* В. В. Виноградов пишет: «Здесь значения родов мужского и среднего сливаются с различиями категорий лица или живого существа и предмета-вещи, которые как бы противопоставляются одна другой», – В. В. Виноградов. *Русский язык*, стр. 328. Специально ставя вопрос о словах «общего рода», О. Есперсен замечает: «Особенно нужна, очевидно, форма общего пола вопросительных местоимений, потому что, когда задается вопрос «Кто это сделал?», говорящий не знает наперед, к какому полу принадлежит это лицо... Поэтому большинство языков имеет в данном случае лишь одну форму (нередко с окончанием мужского рода)...» – О. Есперсен. *Философия грамматики*. М., Изд-во иностр. лит., 1958, стр. 271–272.

Характерно, что если местоимение *ты* употребляется не для обозначения конкретного собеседника, а в обобщенно-личном значении, в сочетании с ним употребляется та же условно-грамматическая форма мужского рода, которая используется при местоимении *кто*; например: *В десятый, в двадцатый раз читаешь... «Войну и мир» или «Анну Каренину» и всякий раз тебе открывается в них какое-нибудь новое качество, которого ты не видел в них прежде...* (К. Чуковский, Толстой).

Условно-грамматическая форма мужского рода используется также при несклоняемых названиях животных, птиц: *серый кенгуру, ловкий шимпанзе, забавный пони, пестрый какаду*²⁰. Ср.: *Группа психологов... в США... пытается научить говорить шимпанзе Маэ, которому 14 дней от роду* («Неделя», 1966, № 4).

§ 135. За пределами сочетаний с обозначениями лица или животного смысловое согласование (в роде), которое связано только с выражением пола, естественно, не употребляется. При словах, обозначающих неодушевленные предметы, кроме собственно грамматических могут использоваться лишь приемы условно-грамматического согласования и согласования, которое мы называем ассоциативно-грамматическим (см. § 136).

Условно-грамматическое согласование имеет место, когда господствующим компонентом являются: а) местоимение *что* и его производные (*ничто, что-то, что-нибудь* и под.); б) количественные числительные; в) количественно-именные сочетания с числительными, в том числе и с неопределенно-количественными (*пять человек, много людей*); г) окказионально-субстантивировавшиеся или употребляемые в качестве собственных наименований части речи, не обладающие категорией рода, целые предложения и словосочетания (если последние не включают в качестве главного слова именительный падеж существительного); д) несклоняемые неодушевленные нарицательные существительные. При этом если при обозначениях лица и порядке условно-грамматического выражения связи употребляется форма мужского рода, то в прочих случаях – форма среднего рода, форма «обезличенной предметности», по выражению В. В. Виноградова. Например: а) *Ничто не останавливало взбесившуюся воду*. (Песков, Шаги по росе); ср.: *что-то останавливало, что останавливало* и т. п.; б) *Отнял пять – получилось двадцать*; в) *В Милан будет отправлено 15 вагонов с декорациями...* («Известия», 12/4 1964 г.); г) *Он [Степан Писахов] верил в это Завтра...* (Лидин, Люди и встречи); *Но осталось кое у кого, это вот «так надо»...* («Комс. правда», 23/2 1967 г.); *«На дне» же, повторяю, имело большой успех...* (Шебуев, Актерское счастье); д) *Ушли в облака истребители. Выпущено шасси* (Песков, Шаги по росе).

²⁰ См.: Д. Э. Розенталь. Практическая стилистика русского языка. М., «Высшая школа», 1965, стр. 74.

§ 136. При ассоциативно-грамматическом согласовании согласуемая форма повторяет грамматический род того слова, с которым, как с более общим, родовым наименованием, ассоциируется данное слово (обычно не имеющее грамматических показателей рода). Наиболее последовательно этот прием согласования проводится при неличных собственных несклоняемых существительных, ассоциирующихся с соответствующими родовыми нарицательными наименованиями. Например [река]: ...*Я наблюдал за вздувшейся от дождя Мбиа.* («Комс. правда», 23/9 1967 г.); [остров]: ...*12 лет Тобаго был латвийским владением...* («Неделя», 1965, № 12); [газета]: *По мнению американской «Нью-Йорк геральд трибюн», надежды на успех работы комитета 18-ти невелики* («Известия», 28/1 1966 г.); [партия]: *В 1951 году, когда Джан Сангх появилась на политической арене, мало кто принимал ее всерьез* («Неделя», 1966, №51); [город]: *Тарту возник, в утреннем тумане, зимний, жемчужно серый, красивый строгой северной красой* («Известия», 27/2 1968 г.).

Две разновидности ассоциативно-грамматического согласования встречаются при сочетании с буквенными и звуковыми аббревиатурами, когда воспроизводится: 1) род главного слова в полном наименовании; б) род ассоциирующегося с данным названием нарицательного имени:

а) [станция]: *Походная ГЭС* («Известия», 30/6 1964 г.); [комиссия]: ...*Милу Юрьевну арестовала ЧК в 1918 году* (Никулин, Мертвая зыбь); [институт]: ...*Подал заявление директору нашего НИИ* («Неделя», 1965, № 50);

б) [самолет]: *Наш «ЛП – 2», стартовавший в Печоре, долго кружил в полярной вьюге...* («Лит. газ.», 1/2 1969 г.)²¹.

Иногда ассоциативно-грамматическое согласование встречается и в сочетании с несклоняемыми существительными других лексических групп. Так, в единичных случаях по роду соответствующего русского существительного проводится согласование с нарицательными неодушевленными существительными: *Главная авеню [улица] города также украшена советскими и французскими флагами* («Известия», 12/12 1966 г.); ...*Знакомый американский журналист «по секрету» шепнул пикантную «ньюс» [новость]* («Известия», 14/9 1967 г.) – в последнем случае имеет место окказиональное употребление иноязычного слова, не вошедшего в русский язык. При названиях птиц встречаются согласуемые формы женского рода, по родовому наименованию *птица: В лесной чаще буянят до неприличия ярко оперенные и крикливые птицы: золотисто-*

²¹ См. у Д. И. Алексеева о роде аббревиатур типа САМ – [завод] *счетно-аналитических машин*, ДИП – марка станка «Догнать и перегнать» и под.: Д. И. Алексеев. Склонение буквенных аббревиатур. В сб.: «Вопросы теории и методики изучения русского языка». «Труды 2-й научной конференции кафедр русского языка пединститутов Поволжья». Куйбышев, 1961, стр. 74.

зеленая «мот-мот», или «королева лесов», красная «гогриго», избранная в качестве символа нации, ярко-голубая «тэнэджер» и еще десятки других невиданных красавиц («Неделя», 1965, № 52).

Ассоциативно-грамматический принцип согласования конкурирует с условно-грамматическим при названиях произведений, не имеющих в своей основе именительного падежа:

Одним, словом, если поставить здесь горьковскую «На дне», то декораций не понадобится [пьесе] (С. Вишневецкий, Разноликий Чикаго, «Правда», 11/6 1964 г.); ср. выше: «На дне» же, повторяю, имело большой успех... где проведено условно-грамматическое согласование.

Колебания в согласовании наблюдаются и в рамках действия одного ассоциативно-грамматического принципа, поскольку одно и то же собственное имя иногда может ассоциироваться с разными нарицательными. Например, Мали – «страна», «республика», «государство» Ср. пример Д. Э. Розенталя: «Мали должна, рассчитывать преимущественно на две основные отрасли экономики...» и заголовок очерка – «Мали, древнее и молодое» («Известия», 22/9 1966 г.).

Как и в случаях чисто грамматического согласования, при условно-грамматическом и ассоциативно-грамматическом согласовании роль подчиненной формы ограничивается самой общей семантической функцией согласования: эта форма указывает только на принадлежность данного признака или действия определенному предмету. При использовании смыслового согласования ее роль осложняется дополнительной смысловой функцией – указанием на реальный пол носителя признака или производителя действия²².

§ 137. Связь разных типов согласования в роде с особенностями господствующих слов можно показать (с известными упрощениями) в следующей схеме:

²² Ср. замечание М. В. Панова о функциях согласуемых форм в одном из случаев смыслового согласования (в сочетаниях типа *врач пришла*): «Флексии перестали быть только средством связи подлежащего и сказуемого; эта связь достаточно обеспечена и тогда, когда при существительном в именительном падеже стоит глагольная форма со свободно избранными глагольными аффиксами *-л-а* или *-л*. В сочетаниях типа *врач пришла* флексия дополнительно (разрядка наша. – Е. С.) обозначает ситуативный род существительного» – проспект «Русский язык и советское общество». Алма-Ата, 1962, стр. 61.

Типы господствующих компонентов	Разновидности согласования, используемые при разных типах господствующих компонентов			
	Грамматическое согласование	Ассоциативно-грамматическое согласование	Условно-грамматическое согласование	Смысловое согласование
1. Слова с морфологическими показателями, соответствующими грамматическому роду:	<i>наш стол, наша усадьба, наше окно, наши ученик, наша ученица, каждый знал, все было</i>			<i>врач пришла</i>
2. Слова с морфологическими показателями, не соответствующими роду: а) <i>дядя, Коля</i> б) <i>домишко, -ище</i>		<i>наш домишко [дом]</i>		<i>наш дядя приехал</i>
3. Слова без морфологических показателей рода: а) нескл., неодуш., нарицательные ИС б) нескл. наименования лиц в) нескл. собственные (неличные) наименования г) нескл. названия животных		<i>главная авеню [улица]</i> <i>скалистый Капри [остров]; лондонская «Таймс» [газета]</i> <i>вспорхнула колибри [птица]</i>	<i>грузовое такси</i> <i>каждый конференсье</i> <i>серый пони</i>	<i>вышел конференсье, вышла конференсье наш Захаренко, наша Захаренко</i> <i>шимпанзе кормила детеньша</i>

<p>4. Неоднословные господствующие компоненты:</p> <p>а) <i>пять столов</i></p> <p>б) <i>часть столов</i></p> <p>в) однородные существительные</p>	<p><i>часть столов стояла</i></p> <p><i>стоял стол и кровать</i></p>		<p><i>стояло пять столов</i></p>	
--	--	--	----------------------------------	--

Выбор формы числа при согласовании

§ 138. Как и форма определенного рода, форма числа у согласуемого слова зависит от грамматических и семантических особенностей господствующего компонента.

Когда однословный господствующий компонент имеет морфологические показатели числа, то форма подчиненного слова избирается в порядке грамматического согласования: она воспроизводит то число, которое получает выражение в форме господствующего слова.

Если форма господствующего слова не связана с отражением реальной единичности или множественности предметов, основания для выбора согласуемой формы оказываются чисто грамматическими, ср.: *сумерки сгущались – темнота сгущалась, свежая сметана – свежие сливки, грустные проводы – грустное расставание, стояла телега – стояли сани, крестьянство радовалось*. В тех случаях, когда сама форма господствующего слова избирается в зависимое от реальной единичности или множественности, грамматические основания выбора согласуемой формы не противоречат и смысловым: согласуемая форма оказывается дополнительным показателем единичности или множественности предметов, обозначаемых господствующим компонентом; ср.: *способный ученик – способные ученики, растет дерево – растут деревья; он придет – они придут – все придут* и т. д.

§ 139. Способность согласуемой формы служить показателем реальной единичности или множественности предметов проявляется при несклоняемом конкретном, существительном, когда морфологически категория числа господствующим словом не передается и форма согласуемого слова становится единственным грамматическим выразителем числового значения господствующего существительного. Ср.: *Они [жандармы] подскочили к нашему купе, размахивая оружием. Тут начали открываться двери всех купе...* (К. Зелинский, Легенды о Маяковском); *Французским летчикам предложили... советские «ЯК-1»*. («Известия», 30/4 1965г.); *Мой «ИЖ» бежит по красивым приморским зарослям*. (Песков, Шаги по росе) и т. д.

Согласование имеет в таких случаях чисто смысловой характер.

В то же время способность к грамматическому выражению реальной единичности или множественности оказывается у согласуемых форм ограниченной. Так, если единичный конкретный предмет обозначается существительным *pluralia tantum*, то согласуемая форма, следуя морфологическим приметам числа у господствующего слова, ставится во множественном числе: *щипцы упали, широкие сани, острые ножницы* и т. д. В результате значения единичности и множественности оказываются грамматиче-

ски не дифференцированными; ср.: омонимичность высказываний типа *Гости приехали на беговых дорожках* (одних или нескольких?)²³.

Аналогичны случаи, когда согласуемая форма воспроизводит единственное число существительного, хотя последнее употребляется о собирательном значении и потому выражает реальную множественность предметов типа *С берез, неслышен, невесом, слетает желтый лист* (Исаковский, В прифронтовом лесу) Таким образом, согласуемая форма может самостоятельно передавать реальную единичность или множественность только при существительных, лишенных морф» логических показателей грамматического числа.

§ 140. Смысловое согласование, вопреки морфологическим приметам числа у господствующего слова, возможно в одном случае – при вежливом *вы*²⁴, но и то не всегда. Формы личных глаголов, кратких прилагательных и кратких причастий употребляются при этом местоимении во множественном числе – в порядке собственно грамматического согласования: *вы повзрослели, вы должны поехать, вы исключены* и т. д. Такие сочетания омонимичны сочетаниям, в которых *вы* обозначает нескольких лиц. Согласуемые формы полных прилагательных, порядковых числительных и местоимений-прилагательных избираются на смысловой основе в зависимости от единичности или множественности лиц, а в единственном числе и в зависимости от пола лица; ср. при вежливом употреблении *вы: вы смелый – вы смелая, вы десятый – вы десятая, вы не такой – вы не такая*; при значении 2-го лица множественного числа: *вы смелые, вы не такие*.

§ 141. Если у господствующего слова отсутствуют не только морфологические показатели числа (как, например, в случаях *это кафе – эти кафе*), но и сама грамматическая категория числа, то подчиненное слово обычно употребляется в единственном числе, в порядке условно-грамматического согласования.

Как и при согласовании в роде, только условно-грамматическое согласование в числе используется: а) при местоимении *что* и его производных (*что-нибудь случилось, что-то незаурядное* и т. д.); б) при количественных, числительных (*осталось три*); в) при субстантивации «бесформенных» частей речи, целых предложений и словосочетаний (*громовое ура, наше завтра, твое «не хочу* и т. д.).

При местоимении *кто* и его производных обычной согласуемой формой является форма единственного числа (*Кто придет? Кое-кто приехал*) – форма условно-грамматического согласования. Но изредка используется

²³ Слова *pluralia tantum* А. А. Зализняк трактует как «существительные, у которых в каждом падеже словоформы разных чисел омонимичны». – А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., «Наука, 1967, стр. 59 и т. д.

²⁴ В просторечии и диалектах сохраняется древняя тенденция к смысловому согласованию в числе глагольного сказуемого при собирательных существительных: *Наша бригада хорошо работают; Молодежь-то допоздна гуляют* и т. д.

и смысловое согласование в числе, когда согласуемая форма множественного числа отражает реальную множественность лиц. Такое согласование в литературном языке допускается обыкновенно только в особых синтаксических условиях.

Оно встречается в сложноподчиненных предложениях при наличии коррелятов *те – кто, все – кто*, т. е. при несомненном влиянии множественного числа соотносительных местоимений главного предложения; например: *Трудно читать без волнения его [Крымова] настойчивые просьбы... прислать письма тем из его товарищей, кто растеряли семьи и завидуют получающим вести из тыла* (Павленко, Писатель и жизнь); *Те, кто живут плохо, более жадны на новое и более отзывчивы к новому, чем те, кто живут хорошо* (там же).

Реже форма множественного числа встречается, когда господствующим словом является выделительный оборот с предлогом *из*: «*кто-то из...*», «*кое-кто из...*»: *А кое-кто из молоденьких работниц, возвращаясь со смены, не прочь были даже пококотничать с чужеземными парнями...* (Б. Полевой, Глубокий тыл), *Кое-кто из публики встали со стульев и ушли, другие только пересели с одних мест на другие...* (Достоевский, Идиот).

Однако в этих двух случаях решительно преобладает употребление обычных форм единственного числа – форм условно-грамматического согласования.

Более или менее последовательно во множественном числе употребляется только существительное в именном сказуемом. Ср.: *...Казалось, что здесь, на очередной «Среде», присутствует те, кто были спутниками жизни Телешова* (Лидин, Люди и встречи); *В этот момент все те, кто считают себя защитниками мира и содружества между народами, не могут молчать...* (Павленко, Писатель и жизнь).

§ 142. Обычные приемы грамматического согласования невозможны в случаях, когда господствующий компонент включает в себя два или больше слов: количественно-именное сочетание (*два стола; 50 учащихся; много людей; большинство депутатов* и под.) или однородные члены (*брат и сестра; стол, тумбочка и кровать; стук и грохот*).

Возможности тех или иных приемов согласования и здесь определяются грамматической природой тех слов, которые составляют господствующий компонент. При количественно-именном сочетании эти возможности зависят от того, каким словом выражается количество. Если оно обозначено количественным числительным, не имеющим категорий рода и числа, то согласуемая форма может употребляться или в единственном числе (при родоизменяемости – среднего рода) – в порядке условно-грамматического согласования с числительным; или во множественном числе – в порядке смыслового согласования со всем сочетанием, выражающим реальную множественность предметов: *Построено пять но-*

вых зданий или *Построены пять новых зданий*. При этом определение может употребляться только во множественном числе, грамматически согласуясь лишь с существительным (*пять новых зданий*) или семантически – со всем количественно-именным сочетанием (*эти пять зданий*).

Если в количественно-именное сочетание входит существительное (*большинство, часть, ряд, множество* и под), то в сказуемом используется или собственно грамматическое согласование – только с ведущим существительным количественно-именного сочетания (*За проект проголосовало большинство депутатов; проголосовала только часть депутатов; проголосовал ряд депутатов* и т. д.), или смысловое согласование со всем количественно-именным сочетанием (*Большинство депутатов проголосовали за проект*). Определения относятся всегда лишь к одному из компонентов такого количественно-именного сочетания, а не ко всему сочетанию, и форма их устанавливается в порядке обычного грамматического согласования с одним из слов; ср.: *подавляющее большинство избранных депутатов; большая часть избранных депутатов* и т. д.

Аналогичны приемы согласования, которые используются при господствующих компонентах, представляющих собой ряд однородных членов – сочинительное словосочетание. Возможность собственно грамматического согласования со всеми однородными членами, естественно, исключается: согласуемая форма способна воспроизводить грамматические категории только одного слова, а не ряда слов. Поэтому согласуемое слово или дублирует грамматические категории ближайшего слова, и тогда наблюдается собственно грамматическое согласование с одним из однородных членов, или употребляется во множественном числе – в порядке смыслового согласования со всеми однородными членами. Ср., например: *На свободном месте стола... стоял медный чайник и два стакана на блюдечках...* (Гиляровский, Москва и москвичи); *Вот лежанка, на которой стоят утюг, картонная кукла с разбитым носом, лоханка, рукомойник; вот окно, на котором в беспорядке валяются кусочек черного воска, моток шелку, откушенный зеленый огурец и конфетная коробочка...* (Л. Толстой, Отрочество).

§ 143. Связь между грамматическими особенностями господствующих компонентов и возможными при них разновидностями согласования в числе обобщенно показывается в нижеприведенной схеме:

Грамматические типы господствующих компонентов	Разновидности согласования, используемые при разных типах господствующих компонентов		
	Грамматическое согласование	Условно-грамматическое согласование	Смысловое согласование
<p>I. Слова с морфологическими показателями числа:</p> <p>1) слоняемые существительные и имеющие категорию числа местоимения: <i>я, ты, он, она, мы, вы, они, те, все, всякий, каждый, любой, тот, другой</i></p> <p>2) вежливое <i>вы</i></p>	<p><i>деревянный стол, одни ножницы, каждый знает, я знаю, мы знаем и т. д.</i></p> <p><i>вы читали, вы больны</i></p>		<p><i>вы крепкий, вы наш</i></p>
<p>II. Слова без морфологических показателей числа:</p> <p>1) имеющие грамматическую категорию числа несклоняемые существительные</p> <p>2) слова, не имеющие грамматической категории числа: а) <i>что, что-то, десять</i> и т. д.</p> <p>б) <i>кто</i></p>		<p><i>что случилось, круглое десять кто стучит</i></p>	<p><i>широкое пальто – широкие пальто</i></p> <p><i>те, кто оставались</i></p>
<p>III. Неоднословные господствующие компоненты:</p> <p>а) <i>пять столов</i></p> <p>б) <i>часть столов</i></p> <p>в) <i>стол и кровать</i></p>	<p><i>часть столов была вынесена стоял стол и кровать</i></p>	<p><i>стояло пять столов</i></p>	<p><i>стояли пять столов часть столов были вынесены стояли стол и кровать</i></p>

§ 144. Согласование в роде и числе особенно отчетливо выявляет специфические особенности согласования вообще, поскольку среди всех грамматических категорий, участвующих в согласовании, именно категории рода и числа могут быть связаны с особенностями конкретно-предметной семантики. Поэтому некоторые выводы об общих особенностях согласования уместно сделать после рассмотрения согласования именно в этих грамматических категориях.

Как установлено, возможность тех или иных приемов согласования в роде и числе всецело определяется грамматическими и семантическими свойствами господствующего компонента.

Объем работы не позволяет развернуто рассмотреть, чем обусловливается согласуемая форма рода и числа в тех случаях, когда особенности господствующего компонента позволяют использовать разные приемы согласования (чаще всего это наблюдается при согласовании с неоднословными господствующими компонентами). Совершенно ясно, однако, что выбор одного из грамматически возможных приемов чаще всего связан в таких случаях с условиями, выходящими за рамки особенностей сочетающихся слов. Как правило, этот выбор зависит от коммуникативной направленности и структуры всего предложения, в частности от порядка слов в предложении, от того, насколько необходимы для конкретизации, и т. д.

При всем видимом разнообразии тех факторов, которые могут влиять на согласуемые формы числа и рода, все эти факторы имеют единую основу – приспособление к господствующему слову, отражение его грамматических свойств или предметной семантики. По этой линии управление резко отличается от согласования. Факторы, влияющие на выбор управляемой формы, гораздо более «разноплановы».

Флексии подчиненного слова постоянно являются дополнительным или единственным средством грамматической и семантической характеристики господствующего компонента с предметным значением. «В большинстве случаев, – пишет А. Н. Гвоздев, – согласование создает характерную для русского языка повторность и многократность в выражении одних и тех же категорий (*Ценная книга была утеряна*), что свойственно далеко не всем языкам»²⁵. То, что обычно флексия согласуемого слова лишь повторяет ту грамматическую характеристику, которую дает господствующему слову его собственная флексия, получает специальное терминологическое выражение у ряда представителей структурной лингвистики. У А. Мартине флексии господствующего и согласуемого с ним слова оцени-

²⁵ А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, ч. II. Синтаксис, изд. 2. м., 1961, стр. 30.

ваются как единый грамматический показатель – «прерывное означающее»²⁶; у З. С. Хэрриса – как «разрывные формы морфем»²⁷.

Эта сторона интересна в том отношении, что она выявляет двойную роль согласования – его значение и для синтаксиса, и для морфологии одновременно. Согласование оказывается не только способом синтаксической организации, но и дополнительным средством морфологической характеристики господствующего слова.

В большинстве случаев согласования наблюдается формальное воспроизведение категорий господствующего слова – собственно грамматическое согласование. Условно-грамматические, ассоциативно-грамматические и смысловые приемы согласования выступают как приемы неосновные. При этом даже использование этих неосновных приемов почти всегда вызывается какими-либо формальными особенностями господствующего компонента и потому в конечном счете имеет грамматическую обусловленность и достаточно регулярный характер.

В отличие от управления в конструкциях, организуемых с помощью согласования, обычно не наблюдается лексической связанности.

Согласование в лице

§ 145. Далеко не все современные лингвисты считают, что выбор формы лица у глагола-сказуемого осуществляется на основе его согласования с подлежащим. Начиная с Д. Н. Овсяннико-Куликовского отношения между сказуемым и подлежащим вообще нередко оцениваются как отношения соответствия, координации²⁸, параллелизма²⁹, а не обычного согласования. Чаще всего эту оценку распространяют на случаи употребления глаголов в 1-м и во 2-м лице. Дело в том, что формы 1-го и 2-го лица могут использоваться без подлежащего, при этом ни ч его не теряя в обозначении субъекта действия, поскольку значения «я», «ты», «мы», «вы» выражены их собственными личными окончаниями. Ср.: *Я выезжаю завтра – Выезжаю завтрак Ты выезжаешь завтра? – Выезжаешь завтра? Выезжаем мы завтра – Выезжаем завтра; Вы вы-*

²⁶ А. Мартине. Основы общей лингвистики. В кн.: «Новое в лингвистике», вып. 3. М., Изд-во иностр. лит., 1963, стр. 455–456.

²⁷ З. С. Хэррис. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре. В кн.: «Новое в лингвистике», вып. 2. М., Изд-во иностр. лит., 1962, стр. 550.

²⁸ Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Синтаксис русского языка, изд. 2. СПб., 1912, стр. 31. Как явление «координации» соотношение в лице между подлежащим и сказуемым оценивается так же в таких работах, как: И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1945, стр. 167, сноска 2; Е. В. Кротевич. О связях слов. Изд-во Львовского ун-та. 1959, стр. 29; «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1. М., Изд-во АН СССР. 1954, стр. 23; «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка», М., «Наука», 1966, стр. 135.

²⁹ Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Руководство к изучению синтаксиса русского языка, изд. 3. М., 1912, стр. 28. Ср.: «Современный русский язык», ч. II, Изд-во МГУ, 1964, стр. 269.

езжаете завтра? – Выезжаете завтра? и т. д. Формы повелительного наклонения постоянно используются без подлежащего – личного местоимения: *Вставай! А теперь идите, пойдёмте*³⁰ и под.

Поэтому, действительно, есть основания подвергать сомнению то, что лицо глагола находится в грамматической зависимости от местоимения-подлежащего, тем более использование глагольных форм 1-го и 2-го лица без подлежащего – в односоставных, а не двусоставных предложениях – исторически представляет собой очень древнее явление. Многие исследователи отмечают, что при глаголах местоимения часто превращаются лишь в дополнительный формальный показатель лица глагола³¹.

В то же время употребление местоимения в определенном лице нельзя рассматривать как следствие подчинения лицу глагола: местоимение постоянно употребляется как единственный показатель лица (*я пришел, мы учителя* и т. д.). Все это и позволяет утверждать, что соответствие в лице между сказуемым и подлежащим – результат того, что каждое из них самостоятельно выражает отношение субъекта действия к говорящему.

§ 146. Однако даже среди тех исследователей, которые подробно рассматривают соотношение в лице подлежащего и сказуемого, не все приходят к категорическому отрицанию согласования. «...Характеристика отношений между личными окончаниями глагола и личными местоимениями-префиксами как «синтаксического параллелизма» была бы неверна. Внешние признаки согласования с местоимениями при изменяемости глагольной формы всегда присутствуют»¹³², – пишет В. В. Виноградов. Констатируя большое своеобразие рассматриваемых отношений, в рамках согласования оставляют их А. М. Пешковский и А. А. Шахматов³³.

В пользу согласования (несомненно своеобразного!) свидетельствуют здесь не только «внешние признаки».

Прежде всего, формам лица, как и другим согласуемым формам, свойственна та «отраженная» семантика, которая является одной из самых ярких примет согласования. Лицо глагола характеризует не столько само действие, сколько производителя действия – деятеля, правда, – не собственно предметные его свойства, а его место в диалоге – отношение к говорящему³⁴.

³⁰ См. об употреблении местоимений при личных формах глагола: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7. М., Учпедгиз, 1956, стр. 184-187.

³¹ См., например: А. А. Потемкина. Из записок по русской грамматике. Т. I-II. М., Учпедгиз, 1958, стр. 100; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М-Л., Учпедгиз, 1941, стр. 163. В. В. Виноградов. Русский язык. М-Л., Учпедгиз, 1947, стр. 472.

³² В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 473.

³³ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7. М., Учпедгиз, 1956, стр. 187; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М-Л., Учпедгиз, 1941, стр. 163-164, 177.

³⁴ Шапиро М. А. О типах подчинительной связи внутри словосочетания. «РЯШ», 1950, № 2, стр. 26-27.

В сущности, выражение категории лица не отличается от выражения других категорий. Например, подобно тому как флексия глагола в *перечитаю – перечитаешь – перечитаем* способна без подлежащего выражать участие субъекта действия в диалоге плюс единичность или множественность субъектов, так глагольные формы типа *перечитала – перечитал* и в неполных предложениях, без подлежащего, указывают на пол действующего лица и его единичность.

Поэтому своеобразие здесь в том, что глагольная флексия оказывается способной давать нечто относящееся к характеристике действующего лица, а в том, что личное местоимение-подлежащее 1-го и 2-го лица обозначает лицо, тоже не выражая никаких его признаков, кроме отношения к участию в диалоге, поэтому «основное значение этих слов (*я, ты, мы, вы*) совпадает с формальным значением глаголов в формах лица»³⁵.

§ 147. Отрицая «согласуемость» личных форм глагола, указывают обычно, что употребление того или иного лица непосредственно определяется ситуацией речи, а не особенностями подлежащего: если действие совершается говорящим (пишущим), употребляется 1-е лицо; если его собеседником – 2-е лицо; 3-е лицо является выражением того, что субъектом действия не является ни говорящий, ни слушающий³⁶.

Обращение к фактам опровергает этот взгляд.

«Даже в односоставных предложениях... – пишет Б. А. Липидус, – между сказуемым и субъектом, как бы стоит словесный образ последнего»³⁷ (разрядка наша – Е. С.) Свою мысль Б. А. Липидус подтверждает примером *Прощайте, прекрасные Афины!* Сказуемое в этом односоставном предложении оформлено не просто исходя из реальной ситуации, а с учетом «словесного образа» «вы» (Афины); ср.: *Прощай, Милан* – «ты».

Это не единственный факт, свидетельствующий о том, что в выборе глагола играет роль не ситуация как таковая, а словесное обозначение субъекта, пусть иногда только его «словесный образ».

Особенно показательны в этом отношении случаи, когда говорящий и его собеседник, являющиеся субъектами действия, обозначаются не обычными *я* и *ты*, а какими-либо другими словами.

Ср., например, высказывания, в которых говорящий обозначает себя но местоимением *я*, а существительным: *Пишет вам ваш бывший ученик Николай Логинов. В этом году я кончаю педагогический институт...; [по телефону]: Здравствуйте! Это Алексей Иванович говорит; А твой покорный слуга по-прежнему пока сидит без дела.*

³⁵ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7. М., Учпедгиз, 1956, стр. 186.

³⁶ См., например: «Современный русский язык», ч. II. Изд-во МГУ, 1964, стр. 269.

³⁷ Б. А. Липидус. Проблема согласования сказуемого с подлежащим в современном английском языке (АКД). М., 1959, стр. 84.

Если бы лицо глагола непосредственно отражало ситуацию речи и никак не было бы связано со способом выражения субъекта, во всех этих случаях следовало бы ожидать глагольной формы 1-го лица единственного числа: *пишу, говорю, сижу без дела* и т. д.

Безотносительно к вопросу о признании-непризнании согласования в лице ту же закономерность отмечает Н. Н. Дурново: «Форма 3-го лица глагола в сочетании с именительным падежом неличного существительного ставится даже в том случае, если речь идет о 1-м или 2-м лице речи. Таковы, например, выражения о себе автора: *автор полагает...*, *пишущий эти строки думает...* или о 2-м лице: *слушатели, вероятно, воображают...*, *читатель знает...* (но: *вы, читатель, знаете*)»³⁸.

Приспособление лица глагола к словесному обозначению субъекта действия, а не непосредственно к ситуации речи наглядно обнаруживается и при других необычных способах обозначения говорящего и собеседника. Например: *Мы хотим сообщить о результатах наших личных наблюдений* (авторское *мы*; ср.: *Я хочу...*); *В голосе Розалии Борисовны никакого недовольства. «Так-ак! Значит, Валя Ракитина... Как же мы чувствуем себя?»* (Поступальская, За окнами свет); ср.: *Как ты себя чувствуешь? Если Ваше благородие позволит...*, но *Если вы позволите; Ну хоть подними же, что уронил, а он еще стоит да любитесь!* (Гончаров, Обломов) вместо *...А ты еще стоишь да любишься!*; *Наш брат бьется как рыба об лед* вместо *Мы бьемся* и т. д.

Зависимость от «словесного образа» субъекта обнаруживается даже в таких обычных односоставных конструкциях, как, например, *Петя, приходи завтра* и *Петя, приходите завтра*. Отношение субъекта действия к участию в диалоге здесь одно и то же, одна и та же реальная ситуация. Выбор той или другой формы глагола диктуется тем, какое слово используем мы при обращении к данному лицу, – *ты* или *вы*. Ср. также: *Как чувствуешь себя, Валя?*, *Как чувствуем себя, Валя?* (мы). *Как чувствуете себя, Валя?*

Следовательно, в пользу согласования личных глагольных форм свидетельствует и «отраженное» значение этих форм – характеристика с их помощью действующего лица или предмета, а не самого действия, и зависимость личной формы глагола от определенного словесного выражения субъекта.

§ 148. Категория лица, т. е. обозначение лица или предмета по его отношению к говорящему, у слова с предметным значением имеет своеобразное выражение – не во флексиях, а в основе слов. Это иногда дает повод говорить об отсутствии категории лица не только у существительных, но даже у личных местоимений, несмотря на то что в языкознании

³⁸ Н. Н. Дурново. Повторительный курс грамматики русского языка, вып. II. Синтаксис, ч. 1. М.-Л., ГИЗ, 1929, стр. 29.

давно признана грамматичность самого «лексического» значения личных местоимений.

В действительности очень определенное место занимают в системе обозначения лица и существительные, в обычном употреблении существительные не обозначают участников диалога. Все существительные: в обычном употреблении существительные не обозначают участников диалога. Все существительные допускают регулярную трансформацию только в местоимения 3-го лица и (обычно!) не трансформируются в местоимения 1-го и 2-го лица. Это, несомненно, является грамматическим подтверждением определенности их личного значения. В целом обычная система обозначения лиц по отношению к говорящему имеет такой вид:

Значения	Способы выражения
1. Говорящий – 1-е л., ед. ч.	<i>я</i>
2. Говорящий + тот (те), кого он с собою объединяет, – 1-е л., мн. ч.	<i>мы</i>
3. Собеседник – 2-е л., ед. ч.	<i>ты</i>
4. Собеседник (собеседники) + тот (те), кого говорящий с ним объединяет, – 2-е л., мн. ч.	<i>вы</i>
5. Лицо, не участвующее в диалоге, и любой предмет – 3-е л., ед. ч.	<i>он, она, оно</i> ; любое существительное в ед. ч.
6. Лица, не участвующее в диалоге, и любые предметы – 3-е л., мн. ч.	<i>они</i> ; любое существительное во мн. ч.

§ 149. В согласуемых глагольных формах получает выражение именно это основное грамматическое распределение. В тех случаях, когда в принятом обозначении лиц происходят какие-либо сдвиги, эти сдвиги не отражаются на форме сказуемого.

Поэтому есть основания утверждать, что при согласовании в лице получает преобладание собственно грамматический, формальный, принцип согласования.

Смысловое согласование в лице наблюдается лишь при однородных подлежащих, среди которых одним является *ты* или *я*. Сказуемое оформляется в таких случаях в соответствии с тем значением, которое в совокупности выражает группа однородных подлежащих. Например: ...*Я и вы жить под одной крышей не можем* (Чехов, От нечего делать) – я + вы = мы; *Я и Надя ждем тебя в Петербурге...* (А. Н. Толстой, Мечтатель) – я + она = мы; *Ты и твоя бабка мучаете меня* (Чехов, Невеста) – ты + она = вы.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие виды согласования выделяет Е. С. Скобликова?
2. Охарактеризуйте собственно-грамматическое согласование.
3. Влияет ли количество грамматических категорий, присущих господствующему слову, на характер факторов, определяющих форму подчиненного слова при согласовании?
4. Что такое смысловое согласование? Условно-грамматическое? Все ли лингвисты однозначно трактуют явления, которые Е. С. Скобликова обозначает этими терминами?
5. Почему автор называет связь между подлежащим и сказуемым согласованием, но рассматривает ее отдельно от остальных его разновидностей?
6. Как выбирается форма рода при согласовании? В каких случаях имеет место смысловое согласование в роде? Всегда ли смысловое согласование является последовательным? Приведите примеры.
7. В каких случаях согласование в роде является условно-грамматическим? Приведите примеры.
8. Какие случаи согласования возможны при словах, обозначающих неодушевленные предметы?
9. Охарактеризуйте особенности ассоциативно-грамматического согласования.
10. От чего зависит форма числа согласуемого существительного?
11. Какие особенности наблюдаются в случае смыслового и условно-грамматического согласования в числе?
12. Какую основу имеют факторы, влияющие на согласуемые формы числа и рода?
13. Что является дополнительным или единственным средством грамматической и семантической характеристики господствующего компонента с предметным значением?
14. Какова значимость согласования для морфологии?
15. Все ли лингвисты считают, что выбор формы лица у глагола-сказуемого осуществляется на основе его согласования с подлежащим? Как иначе оцениваются эти отношения?
16. Какие факты, по мнению Е. С. Скобликовой, позволяют утверждать, что соответствие в лице между сказуемым и подлежащим – результат того, что каждое из них самостоятельно выражает отношение субъекта действия к говорящему? В чем своеобразие связи между подлежащим и сказуемым?
17. Что понимает Е. С. Скобликова под «грамматическим распределением»? Какой принцип является ведущим при согласовании сказуемого с подлежащим?

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ТРАКТОВКИ УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НАУКЕ³⁹

§ 1. Разногласия в понимании управления отчасти связаны с объективной сложностью самого этого способа. Управление организует синтаксические конструкции, едва ли не бесконечные по многообразию выражаемых отношений. В выборе управляемой формы скрещивается влияние различных смысловых и грамматических факторов, обнаруживается зависимость от особенностей конкретного лексического состава синтаксической конструкции.

Ближайшая причина неудовлетворенности традиционным учением об управлении – очевидное противоречие между традиционным определением управления и объемом относимых к нему фактов.

Дело в том, что, с одной стороны, с управлением традиционно связываются все случаи употребления субстантивных косвенных падежей с предлогом и без предлогов. С другой стороны, обычное определение управления противоречит такому широкому пониманию. Это определение, идущее от грамматик XIX в., сосредоточивает внимание на том, что при управлении господствующее слово в силу своего лексического или грамматического значения требует от подчиненного слова определенно-го падежа.

См., например, определение в «Грамматике русского языка», изданной АН СССР: «Управлением называется такой вид синтаксической связи, когда употребление определенной формы косвенного падежа существительного, предметно-личного местоимения или субстантивированного прилагательного (без предлога или с предлогом) обусловлено грамматическим или лексико-грамматическим значением другого, господствующего слова»⁴⁰.

Между тем далеко не во всех случаях использования субстантивных падежей можно говорить, что их формы обусловлены «требованиями» со стороны господствующего слова.

Если коротко суммировать наблюдения, сделанные в данной области разными лингвистами, то можно выделить по меньшей мере три основных категории «управляемых» падежных форм, которые не соответствуют рассматриваемому определению управления.

Во-первых, это касается случаев, когда значение господствующего слова обуславливает необходимость уточнителей, «требует» их, но эта необходимость может реализоваться в различных формах (в зависимости от

³⁹ Текст печатается по: Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. М., 1971. С. 7–30.

⁴⁰ «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1954. С. 22.

реального содержания предложения), а не в одной «определенной форме». Так, например, глаголы типа *находился, располагался, помещался* «требуют» пространственного уточнителя, но, поскольку для выражения местонахождения используются разные формы, при подобных глаголах в принципе может быть употреблена любая из них (*находился в лесу, за лесом, около леса...*; ср. также – *слева, справа, где-то впереди* и т. д.).

Во-вторых, подчиненные падежные и предложно-падежные формы часто употребляются и тогда, когда значение стержневого слова совершенно не предопределяет необходимого использования уточнителей с данным значением, не «требует» их (ср., например: *читал в лесу, около леса* и под.).

В-третьих, не всегда предложно-падежная или падежная форма вообще зависит от какого-либо одного слова в предложении; она может относиться ко всему предложению или группе его членов. Ср.: *С полчаса Клим греб против течения...* (Горький), где выразитель меры времени относится к сочетанию *греб против течения* («греб», вероятно, не «с полчаса», а больше); *В гильяком языке действие не воспринимается отвлеченно от его направленности на объект* (Мещанинов) и т. д.

§ 2. Система описания падежных и предложно-падежных конструкций в старых русских грамматиках показывает, что неодинаковая степень зависимости этих конструкций от свойств господствующего слова стихийно улавливалась давно. Так, в академической «Российской грамматике», вышедшей первым изданием в 1802 г., в разных разделах описываются, с одной стороны, обстоятельственные конструкции с пространственным и временным значением, с другой, – объектные формы, употребление которых часто определяется зависимостью от того, а не другого слова. Первые рассматриваются в главе I «О сочинении имен существительных»⁴¹, вторые – в главе V «Об употреблении глаголов»⁴².

В грамматике А. Х. Востокова дается общий раздел, посвященный употреблению предложно-падежных форм, и отдельно раздел, в котором рассматривается, какие слова «управляют падежами с помощью предлогов». В последнем собраны в основном те факты, которые впоследствии стали рассматриваться как факты «сильного» управления.

Специальные высказывания о различной «силе управления» есть у Н. И. Греча, Ф. И. Буслаева⁴³.

Однако прямые попытки преодолеть противоречие, наблюдающееся между традиционным определением управления и объемом относимых к управлению фактов, начинаются только с А. А. Потебни.

⁴¹ «Российская грамматика, сочиненная императорскою Российскою академией», изд. 3. СПб., 1819, § 292 и след.

⁴² Там же, § 357 и след.

⁴³ См. об этом: Н. Н. Прокопович. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., «Просвещение», 1966. С. 158.

При многочисленности частных расхождений в этих попытках явно обнаруживаются два основных направления.

Первое связано с желанием сузить понятие управления, не относить к нему те факты, которые не соответствуют обычному его определению. Эта линия впервые была отчетливо выражена в высказываниях А. А. Потебни и Д. Н. Овсяннико-Куликовского.

Вторая тенденция – сохранить прежнее, широкое понимание управления, но изменить его определение так, чтобы оно соответствовало этому широкому пониманию. У одних синтаксистов такое решение сочетается с внутренней дифференциацией «сильного» и «слабого» управления (А. М. Пешковский). У других это внутреннее разграничение не подчеркивается (М. А. Шапиро, Е. В. Кротевич и др.).

Скорее со вторым, чем с первым, направлением смыкаются А. А. Шахматов и Н. Н. Дурново, которые не пользуются термином «управление», но явно признают специфику падежного и предложно-падежного способа синтаксической организации как единого способа.

Дифференциация явлений, связанных с управлением. Узкое понимание управления

§ 3. Настаивая на ограничении понятия управления, А. А. Потебня выдвигает, как ему кажется, чисто формальный критерий: «Чтобы понятие управления не расплзлось в туман, следует понимать под ним только такие случаи, когда падеж дополнения определяется формальным значением дополняемого (например, винительный прямого объекта при действительном глаголе, падеж с предлогом при предложном глаголе, как «надеяться на бога»)»⁴⁴. Надо сказать, что в дальнейшем один «формальный» критерий был принят только А. Б. Шапиро, который, однако, существенно расходился с А. А. Потебней в оценке и перечне самих фактов, относящихся к управлению⁴⁵.

Д. Н. Овсяннико-Куликовский тоже стремился сузить объем понятия управления. Однако он относил к числу управляемых более широкий круг форм, чем А. А. Потебня: такие формы, которые зависят и от «характера целого оборота», и от лексического значения господствующего слова, а не только от «формального» его значения⁴⁶.

§ 4. Считается обычно, что в оценке управления А. М. Пешковский был продолжателем идей А. А. Потебни. Однако преемственность здесь можно усматривать только в одном. Впервые вводя понятия «сильного» и «слабого» управления, А. М. Пешковский обращался к тому же кругу фактов – к

⁴⁴ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I-II. Учпедгиз, 1958. С. 20.

⁴⁵ См.: А. Б. Шапиро. Словосочетание в русском языке. Сб. статей «Славянское языкознание». Изд-во АН СССР, 1959. С. 200–203.

⁴⁶ См.: Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Синтаксис русского языка, изд. 2. СПб., 1912. С. 39–240.

фактам, которые стремились дифференцировать А. А. Потебня и Д. Н. Овсяннико-Куликовский. В общей трактовке управления взгляды А. М. Пешковского принципиально отличны от взглядов А. А. Потебни и Д. Н. Овсяннико-Куликовского. А. М. Пешковский сохранил широкое понимание управления и отказался от традиционной формулы, ставящей в центр внимания «требования» со стороны господствующего слова. Он дал следующее определение управления (подчеркивая «предварительный» его характер): «Управление есть подчинение существительного какому бы то ни было другому слову»⁴⁷.

В рамках этого широкого понимания А. М. Пешковский говорил о различиях сильного и слабого управления: «Под «сильным» управлением мы понимаем такую зависимость существительного или предлога с существительным от глагола, при которой между данным падежом или данным предлогом с данным падежом, с одной стороны, и словарной или грамматической стороной глагола, с другой стороны, есть необходимая связь» (стр. 285). Слабое управление А. М. Пешковский видел в случаях, когда такая необходимая связь отсутствует. В целом его рассмотрение фактов сильного и слабого управления (стр. 282–284) обнаруживает семантическую, а не чисто грамматическую природу их различия. И хотя А. М. Пешковский отмечал ряд особенностей в грамматическом функционировании слабоуправляемых форм (стр. 286–287), он далек от того, чтобы рекомендовать использовать эти особенности в качестве критерия для разграничения сильноуправляемых и слабоуправляемых форм. Более того, А. М. Пешковский вполне осознавал невозможность последовательной дифференциации сильного и слабого управления: «В одном случае перед нами минимум необходимой связи, в другом – максимум. И между полным отсутствием ее (слабое управление) и максимальным присутствием столько же промежуточных пунктов, сколько точек в линии. Язык и тут «не делает скачков» (стр. 288).

Подчеркнем, что сильное управление А. М. Пешковский видел везде, где есть внутренняя связь между значением господствующего слова и значением, которое выражает своей формой подчиненное слово. Так, несмотря на оговорки относительно «минимума необходимой связи», случаи типа *лежать на чем, в чем, при чем, под чем, за чем*, где «глагол по своему значению (определенное положение в пространстве) связан с целым рядом предлогов и падежей с пространственным значением», он относил к сильному управлению (стр. 287–288). Слабое управление усматривалось им только при отсутствии необходимой смысловой связи (*человек в шляпе, пирог с грибами, стою с кем* и т. д.).

⁴⁷ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7, Учпедгиз, 1956. С. 61. Все остальные ссылки по этому изданию.

§ 5. Многие современные синтаксисты, заимствовавшие у А. М. Пешковского понятия сильного и слабого управления, отходят от А. М. Пешковского как в трактовке содержания этих понятий, так и в общем понимании управления. Идея необходимой смысловой связи между господствующим и подчиненным компонентами преломляется у них в плане традиционной формулы: чего «требует» господствующее слово.

Получила распространение трактовка, отчетливее всего выраженная в статье М. Д. Лесник «К вопросу о приглагольном управлении в современном русском языке». Это – идущее от Д. Н. Овсяннико-Куликовского суженное понимание управления. По мнению М. Д. Лесник, управление есть только там, где «употребление косвенного падежа имени существительного (или любого субстантивного слова) вызывается лексическим значением или грамматическими особенностями господствующего слова»⁴⁸. Если это употребление не вытекает из свойств господствующего слова, то управления нет, а есть «падежное примыкание». По объему охватываемых фактов понятие управления в этой трактовке совпадает с сильным управлением у А. М. Пешковского, а вновь вводимое понятие «падежного примыкания» – с слабым управлением в понимании А. М. Пешковского. Сильное и слабое управление М. Д. Лесник разграничивает, исходя из того, «требует» ли господствующее слово употребления: а) совершенно определенной падежной или предложно-падежной формы или б) любой из нескольких форм с тем или иным общим значением.

Согласно этому пониманию в конструкциях типа *въехал в деревню*, *ехал в деревню* нужно видеть управление, так как уточнителей направления требует само лексическое значение глаголов движения; но в сочетании *въехал в деревню* – сильное управление, поскольку форма «в + винительный падеж» является при данном глаголе единственно возможным уточнителем направления, а в сочетании *ехал в деревню* – слабое управление, так как при этом глаголе направление движения может быть выражено различными формами (ср.: *из деревни*, *к деревне* и т. д.). В сочетании *плаваю с братом* – «падежное примыкание», так как употребление формы *с братом* не «предсказывается» лексическим значением глагола, а в сочетании *ссорюсь с братом* – управление, поскольку глагол *ссориться* предполагает совместное действие и потому требует указания на второго производителя действия.

Изложенное понимание вопросов управления (правда, в неразвернутом виде) было несколько раньше намечено Г. А. Золотовой⁴⁹. Почти повторяется оно и в кандидатской диссертации В. П. Малащенко «О связи слов в

⁴⁸ М. Д. Лесник. К вопросу о приглагольном управлении в современном русском языке. В сб. статей «К вопросу управления (приглагольного и приименного)», Рига, 1957, стр. 15.

⁴⁹ См.: Г. А. Золотова. Глагольные словосочетания и их типы в современном русском литературном языке (на материале сочинений А. М. Горького). Автореферат канд. дисс. М., 1954, стр. 6.

словосочетании и в предложении (на материале предложных конструкций с творительным падежом в современном русском языке)» (М., 1960), Отличие состоит только в том, что В. П. Малащенко подвергает дальнейшей дифференциации явления, которые М. Д. Лесник связывает с «падежным примыканием». Он усматривает здесь две категории связей: «свободное присоединение», когда предложно-падежная форма относится ко всему содержанию предложения⁵⁰, и «примыкание», когда она связана с одним словом: «употребляется для пояснения существительного, прилагательного и наречия, находясь в постпозиции», например: *море перед рассветом, бледное перед рассветом, место за столом, незадолго перед тем (?)* и т. д. Кстати, в схеме В. П. Малащенко почему-то не находят место случаи, когда предложно-падежная форма зависит непосредственно от глагола, хотя и не предопределяется его значением; ср.: *Учиться в Москве было моей заветной мечтой; Играть за рекой нам запрещалось.*

Аналогично Г. А. Золотовой, М. Д. Лесник и В. П. Малащенко, разграничивая сильное и слабое управление, Е. П. Кржижкова «примыкающими» называет формы, относящиеся ко всему предложению⁵¹.

Тенденция сузить понятие управления проступает во «Введении» к академической «Грамматике русского языка» у акад. В. В. Виноградова⁵².

§ 6. Буквально следует традиционному определению управления Н. М. Александров. Исходя из требований со стороны господствующего слова, он выделяет в основном те же группы явлений, что и М. Д. Лесник, правда, с другими наименованиями. Но управлением он считает только сильное управление в понимании М. Д. Лесник, т. е. случаи, «когда слово...«требует» другого слова в определенной форме»⁵³. Такую зависимость, когда господствующее слово требует распространения, допуская при этом разные формы (*отправляться в деревню, к знакомым*), Н. М. Александров называет «сцеплением», причем включает сюда и словосочетания с подчиненными наречиями: *отправляться домой, туда и под.* (стр. 312, 315). «Падежное примыкание» Н. М. Александров катего-

⁵⁰ Находящиеся в отношениях «свободного присоединения» второстепенные члены предложения Н. Ю. Шведова, оговаривая условность этих терминов, называет «детерминирующим обстоятельством» и «детерминирующим объектом» и специально рассматривает в статье «Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельный распространитель предложения», «ВЯ», 1964, № 6. Ср. понятие «функционально обусловленной» формы в одной из последних работ Г. А. Золотовой: Г. А. Золотова. Проблемы сочетаемости слов. В сб.: «Материалы V международн. методического семинара преподавателей русского языка стран социализма». Изд-во МГУ, 1965.

⁵¹ См.: Е. Кржижкова Проблемы простого предложения, 1967, № 2 (неразвернутое замечание на стр. 78).

⁵² См.: «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, М., Изд-во АН СССР, 1954. стр. 30.

⁵³ Н. М. Александров. Проблема второстепенных членов предложения в русском языке. Одноименный сборник («Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 236, 1963, стр. 313).

рически включает в «примыкание» (стр. 329)⁵⁴. Так же определяются границы управления по отношению к немецкому языку, например, у П. И. Поллера⁵⁵.

§ 7. Несмотря на иные принципиальные основы, аналогично намечаются общие границы управления у известного польского лингвиста Е. Куриловича и его последователей.

Сам Е. Курилович понятие управления затрагивает лишь косвенно. Но его популярная сейчас классификация падежей непосредственно касается многих вопросов, связанных с теорией управления. В частности, важную роль в этой классификации играет разграничение по степени необходимой связи падежа с господствующим словом. Это разграничение Е. Курилович⁵⁶ проводит в связи с констатацией двух различных функций падежей – «синтаксической» и «наречной», иначе «семантической»⁵⁷. «Синтаксическую» функцию он усматривает в тех случаях, когда выбор падежа непосредственно обуславливается связью с определенным господствующим словом и падеж «является чисто синтаксическим показателем подчиненности имени глаголу» (стр. 183); «наречную», или «семантическую», функцию – в таком употреблении падежа, когда выбор последнего не зависит непосредственно от господствующего слова (см., например, характеристику использования локатива и аблатива на стр. 184 и 185). В связи с тем же различием Е. Курилович дифференцирует «центральную позицию» падежа, употребленного в «синтаксической функции», и «периферийную позицию» падежа, используемого в «наречной», или «семантической», функции. С центральной позиций он связывает понятие «сильноуправляемого», с «периферийной» – «слабоуправляемого» падежа (стр. 201). Остается нераскрытым, в каком соотношении находятся у автора термины «управление» (см., например, стр. 185) и «сильноуправляемый» – «слабоуправляемый» падежи. Судя по контекстам, в которых они употребляются, понятия «управление» и «сильное управление» используются Е. Куриловичем как равнозначные (ср. те же стр. 185 и 201). Отсюда косвенно вытекает вывод об ограничении понятия управления рамками «сильного» управления. Использование термина «слабоуправляемый» (стр. 210) может не противоречить такому непрямому выводу, поскольку противопоставление «сильноуправляемый» – «слабоуправляемый» падеж

⁵⁴ Логически непоследовательными являются у Н. М. Александрова критерии для выделения, кроме того, так называемого «косвенного управления».

⁵⁵ П. И. Поллер. Употребление и значение падежей в современном немецком языке. В сб. «Некоторые вопросы усвоения грамматики иностранного языка». М, 1955. В отличие от Н. М. Александрова, П. И. Поллер относит к «примыканию» и «сцеплению».

⁵⁶ Курилович Е.А. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. – М., 1962.

⁵⁷ На основании того, какая из этих функций является «первичной», какая – «вторичной» для определенного падежа, Е. Курилович различает падежи «грамматические», иначе «синтаксические», и «конкретные», или «семантические» (см. стр. 186, 199-200).

Е. Курилович употребляет, когда комментирует терминологию Р. Якобсона, а не тогда, когда знакомит со своей трактовкой явлений.

§ 8. У развивающего идеи Е. Куриловича чешского синтаксиста Р. Мразека узкое понимание управления выражено вполне определенно. Конкретизируя схему Е. Куриловича, Р. Мразек связывает «синтаксическую функцию» зависимого падежа с выражением объектных, субъектных и предикативных отношений; «семантическую функцию» падежа – с выражением обстоятельственных отношений⁵⁸. По той же линии он проводит границу между управлением и примыканием. Падеж, выражающий объектные или предикативные отношения, Р. Мразек оценивает как управляемый падеж; падеж, передающий обстоятельственные отношения, – как падеж примыкающий⁵⁹.

§ 9. Почти совпадает с точкой зрения Р. Мразека трактовка управления у Н. Ю. Шведовой в проспекте «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка»⁶⁰: «Под управлением понимается такая связь слов, при которой имя, зависящее от глагола, другого имени или наречия, стоит в форме косвенного падежа с объектным или комплетивным значением» (разрядка наша – Е. С.). В присоединении косвенных падежей с «наречной» функцией Н. Ю. Шведова видит «именное примыкание»⁶¹. «Этой связью охватываются все случаи присоединения к глаголам, именам и наречиям падежных форм и предложно-падежных групп с наречными («обстоятельственными») значениями»⁶² (разрядка наша. – Е. С.). Однако в отличие от Р. Мразека Н. Ю. Шведова оценивает как управляемые те формы с обстоятельственными значениями, которые при данном глаголе употребляются как единственно возможные (хотя это видно только из примеров и не соответствует даваемому Н. Ю. Шведовой определению управления и «именного примыкания»): *войти в гавань, выбраться из леса* и др. (стр. 140). Р. Мразек последовательно считает формы с обстоятельственными значениями примыкающими: в сочетаниях типа *вошел в комнату* он усматривает «сильное примыкание»⁶³.

Возникают расхождения в связи с оценкой характера самих значений, которые выражаются падежной формой. Так, например, в творительном

⁵⁸ См.: Р. Мразек. Синтаксис русского творительного (структурно-сравнительное исследование). Praha, 1964, стр. 8–9.

⁵⁹ См.: Р. Мразек Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы. «ВЯ». 1964, стр. 54–55, 57.

⁶⁰ Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка» М., «Наука», 1966.

⁶¹ Там же, с. 139.

⁶² В статье «Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство» («ВЯ», 1964, № 6) Н. Ю. Шведова в пределах словосочетания оценивает такую связь как «нерегулярное управление» (стр. 78–79).

⁶³ См.: Р. Мразек. Синтаксическая дистрибуция глаголов..., стр. 55.

орудийном (копать лопатой) Н. Ю. Шведова видит «косвенно-объектный» определитель и соответственно управление («слабое»)⁶⁴, Р. Мразек – обстоятельственный определитель и, следовательно, примыкание⁶⁵.

§ 10. Соотношение классификационных рубрик у разных авторов, ограничивающих или дифференцирующих понятие управления, показано ниже в сводной таблице.

Таким образом, пересмотр границ управления проводится обычно с учетом степени необходимой зависимости от господствующего слова.

⁶⁴ «Основы построения описательной грамматики...», стр. 141.

⁶⁵ «Синтаксическая дистрибуция глаголов...», стр. 55.

АВТОРЫ	ПРИМЕРЫ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИХ ФАКТОВ			
	<i>перевез дрова; наблюдал за ростом; управлял машиной</i>	<i>расположился в лесу, за лесом; ехал в лес, из леса</i>	<i>домик в лесу, за лесом...привлекал наше внимание</i>	<i>в лесу, за лесом...росла густая трава</i>
<i>А. М. Пешковский</i>	сильное управление		слабое управление	
<i>М. Д. Лесник</i>	сильное управление	слабое управление	падежное примыкание	
<i>В. П. Малащенко</i>	сильное управление	слабое управление	примыкание	свободное присоединение
<i>Е. П. Кржижкова</i>	сильное управление	слабое управление		примыкание
<i>Г. А. Золотова</i>	сильное управление	слабое управление	≈ примыкание	
<i>Н. М. Александров</i>	управление	сцепление	примыкание	
<i>Р. Мразек</i>	управление	примыкание		
<i>Н. Ю. Шведова</i>	сильное управление	именное примыкание		

Проблема необходимой связи между элементами словосочетания представляет несомненный научный интерес, и изучение такой связи по существу уже стало предметом самостоятельной области научного исследования.

Синтаксическая «валентность» слова, т. е. устойчивое употребление его в речи в сочетании с более или менее стабильными необходимыми уточнителями, все более и более привлекает внимание исследователей. Соответствующие факторы интенсивно изучаются и накапливаются в наше время как синтаксистами, так и лексикологами, в частности (в последние годы) представителями прикладной и структурной лингвистики.

Для синтаксиса здесь интересно то, в какой мере употребление в речи того или другого слова сигнализирует появление при нем определенных зависимых форм. Практически это особенно важно для ученых, занимающихся «автоматическим» синтаксическим анализом. В теоретическом плане с синтаксической валентностью связана проблема взаимодействия лексических значений и значений форм слов в составе словосочетания, а также проблема более тесных и более свободных группировок слов в составе предложения.

§ II. Однако как раз из развертывающихся исследований становится все более и более ясным, что необходимое употребление подчиненного слова отнюдь не ограничивается рамками словосочетаний с управляемой формой, а следовательно, не составляет специфической проблемы управления.

В целом ряде работ устанавливается, что в роли необходимых уточнителей используются при том или ином слове не только падежные и предложно-падежные формы. В этой роли могут употребляться:

а) инфинитив: *следует, надлежит, подобает, пытаюсь, намереваюсь, могу, перестал, велел, должен читать*; б) предикативные единицы – придаточные предложения и «прямая речь» при глаголах речи, мысли, восприятия, чувства: *сказал, что брат вернулся; подумал, что...; увидел, что...; приказал, чтобы...; приказал: «Не двигаться!»* и т. д.; в) реже – наречия: *выглядит хорошо, поступил правильно, плохо ведет себя, чувствует себя неважно, действует заодно, одевается скромно, пришлось нелегко, живется хорошо*.

Факты этого рода применительно к русскому языку подробно описаны, например, Н. З. Котеловой, Р. Мразеком, Н. Н. Прокоповичем, Е. А. Иванчиковой, Л. А. Холодовичем и др.

Принципиально новым является то, что многие современные лингвисты признают необходимым предметным определителем личного глагола не только зависимые формы косвенных падежей, но и именительный падеж субъекта. Так, Р. Мразек пишет: «Если исходить из самого глагола в форме 3-го лица, то субъектный номинатив выполняет при ней собственно аналогичную функцию, как и прочие обязательные определители... Субъ-

ект выступает одним из «дополнителей» глагольной идеи.... Это общепризнано в современной лингвистике».

Необходимым определителем существительного может быть и согласуемый член. Например, субъектные и объектные уточнители при отглагольных существительных могут быть выражены не только субстантивной падежной формой, но и согласуемыми формами притяжательных местоимений и прилагательных. Ср.: *выступление директора – твое выступление – отцово выступление, арест брата – мой арест.*

Таким образом, вновь введенные в научное обращение факты свидетельствуют, что необходимое употребление зависимых членов наблюдается не только при управлении, но также и при согласовании и примыкании. Следовательно, необходимость зависимого слова, обусловленная коммуникативной неполнотой господствующего, не может служить классификационным признаком управления ни с отличием от примыкания, ни даже от согласования

Как пишет Н. Н. Прокопович, деление по признаку обязательности или факультативности зависимого слова, пересекающееся с разграничением согласования, управления и примыкания, «присуще всем трем перечисленным типам синтаксических связей в словосочетании»⁶⁶.

§ 12. Суженное понимание управления лишает всю рассматриваемую группировку единого классификационного принципа. Согласование продолжает оцениваться традиционно – как особый формальный способ синтаксической организации, выделяемый исходя из того, как реагирует форма подчиненного слова на связь с определенным господствующим компонентом. Управление утрачивает специфику такого способа. Оно перемещается в сферу оценки семантических особенностей господствующего слова с его конструктивными возможностями, – в сферу оценки активной синтаксической валентности господствующего слова или пассивной – подчиненного. Понятие примыкания не только расширяется за счет всего того, что не укладывается в понятие управления в его новой трактовке, но и вообще лишается какого бы то ни было классификационного признака. Примыкание в традиционном понимании связано с присоединением к господствующему слову слов неизменяемых, не обладающих системой грамматических форм и потому выражающих те или иные соотношения с другими словами только лексически. Не отвергая этого признака примыкания, сторонники суженного понимания управления относят к примыканию и употребление изменяемых субстантивных слов, которые способны выражать различные смысловые отношения с другими словами не только лексически, но и своей формой. Выдвигая новый признак примыкания – отсутствие необходимой связи с господствующим словом, –

⁶⁶ Н. Н. Прокопович. Словосочетание в современном русском языке. М., «Просвещение», 1965. С. 163.

они не выводят за пределы примыкания случаев типа *поступил правильно, вошел туда* и т. д. В результате в рубрике «примыкание» оказываются совершенно неоднородные явления: ни отсутствие необходимой связи, ни «бесформенность» и грамматическая индифферентность зависимого слова не охватывают явлений «примыкания» в его расширенном составе⁶⁷.

Широкое понимание управления

§ 13. Недостатками в оценке различных аспектов научного анализа можно объяснить тот факт, что вместо теоретического обоснования и уточнения традиционного учения о согласовании, управлении и примыкании как способах «словосочинений» при новой трактовке управления и примыкания основы этого противопоставления оказались разрушенными.

Разграничение согласования, управления и примыкания в прежних, традиционных (точнее, почти традиционных) рамках отнюдь не является изжившим себя, ненужным, неактуальным. Но оно нуждается в уточнении научной интерпретации с учетом современного уровня синтаксической теории и уровня фактических исследований.

Большая роль форм слов в синтаксической организации связной речи никем не оспаривается. А вопрос о традиционных согласовании, управлении и примыкании – это вопрос о том, как именно участвуют эти формы в организации связной речи; с какими особенностями словоизменения и формообразования связано включение знаменательных слов в словосочетание и предложение.

«В практике речевого общения, – пишет С. Д. Кацнельсон, – переход от формы слова к форме словосочетания необходимо совершается каждый раз при помощи давно известных в науке приемов согласования, управления и примыкания»⁶⁸. Изучение «перехода от флективных форм к формам словосочетания» С. Д. Кацнельсон считает предметом особого раздела грамматики – «синтаксической морфологии»⁶⁹.

Естественно, что способ включения знаменательного слова в синтаксические конструкции связной речи зависит от грамматических особенностей каждого отдельного языка. В русском языке все изменяемые формы прилагательных и слова, аналогичные прилагательным по характеру словоизменения, а также личные глаголы воспроизводят в своих формах кате-

⁶⁷ Отметим, что и третий приписываемый примыканию признак – свобода употребления в качестве зависимого компонента в очень разных синтаксических конструкциях, и в частности, с различными частями речи (свобода пассивной синтаксической валентности примыкающего компонента) – тоже не находится в гармоническом соответствии на с одним из двух указанных признаков. В частности, многие качественные (определятельные) наречия сочетаются только с глаголами.

⁶⁸С. Д. Кацнельсон. О грамматической категории. «Вестник ЛГУ», 1948, № 2, стр. 124.

⁶⁹ Там же, стр. 133.

гории господствующего слова. Этот грамматический прием называется согласованием.

Все существительные и любые слова с субстантивным значением могут быть сведены в словосочетание и предложение только посредством постановки их в определенном падеже с предлогом и без предлога. Этот способ формального включения слов в синтаксические построения и получил в традиционной лингвистике название управления. (Ср. выше, § 4, определение А. М. Пешковского.)

Есть основания говорить о неудачности этого термина, о неправильности традиционного определения управления, о различной совокупности факторов, которые определяют выбор падежной или предложно-падежной формы в разных конструкциях, но существование и специфичность этого способа синтаксической организации являются объективным фактом. При включении в любое синтаксическое построение морфологически неизменяемых наречий вопрос о выборе для них определенной формы не стоит: они входят в синтаксическую конструкцию в своей «готовой», единственно возможной форме. Здесь осуществляется лишь лексический выбор, Это принципиально иной способ синтаксического использования слова, способ, не связанный с грамматическим приспособлением знаменательного слова к потребностям связной речи.

Таким образом, выделение согласования, управления и примыкания отражает объективные различия тех способов синтаксической организации слов, которые связаны с характером их словоизменения и формообразования: «Каждое слово входит в предложение как определенная часть речи, и как определенная часть речи оно ограничено в своих формах словоизменения и связях»⁷⁰, – пишет С. И. Груздева.

Поэтому традиционная схема не требует коренной перестройки, зато ее теоретическая трактовка и обоснование нуждаются в существенных уточнениях.

§ 14. Считаая, что понятие управления может сохраниться в традиционном, широком объеме, мы идем за теми исследованиями, которые, устраняя основное противоречие в учении об управлении, не приспособляют понятие управления к его традиционному определению, а изменяют определение управления. В этих случаях в определении подчеркивается то

⁷⁰ С. И. Груздева. О связях слов в предложении. В сб.: «Вопросы грамматического строя и словарного состава языка», вып. 2. «Ученые записки ЛГУ», № 161. серия филологических наук, вып. 18, 1952, стр. 40. Ср. аналогичную трактовку: Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 199; В. В. Белый. К вопросу о словосочетании. «НДВШ. Филологические науки», 1960, № 4, стр. 114-116. А. Ф. Прияткина. К вопросу о видах синтаксической связи. В сб.: «Материалы VII научной конференции ДВГУ». Владивосток, 1962, стр. 159; С. Г. Ильенко. О структурном соотношении главного и придаточного в системе сложноподчиненного предложения. В кн.: «Проблема второстепенных членов предложения». «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 236, 1963. С. 398.

общее, что характеризует синтаксическое использование всех подчиненных падежных и предложно-падежных форм, – выражение ими определенных смысловых отношений между господствующим и зависимым словами. Так, С. И. Абакумов указывал: «Управление является почти всегда средством передачи в акте общения определенных значений. Например, в выражениях *писать письмо*, *писать карандашом* и *писать брату* различные падежи служат не просто средством «подчинения» одного слова другому, а создают различные значения... Поэтому управление нужно определить как употребление подчиненного слова в косвенном падеже для передачи определенных значений»⁷¹. Аналогично общее понимание управления у К. И. Былинского, М. А. Шапиро, И. Я. Неймана, Е. И. Убрятовой, Л. А. Булаховского, А. И. Смирницкого, А. Н. Гвоздева, Е. В. Кротевича, Н. В. Ведерникова, И. А. Киссена, З. Д. Поповой, А. С. Попова и др.

Наиболее точно специфика управления определяется лингвистами, подчеркивающими предметный характер устанавливаемых управлением смысловых отношений. «Психологически управление выражает всегда – либо в прямом, либо в переносном значении – положение одного предмета по отношению к другому...»⁷² – пишет Шарль Балли. «Управление – это тип подчинения одного слова другому, при котором подчиненным словом служит название предмета (имя существительное) или указание на предмет (местоимение), а падежная форма или предлог при нем выражает реальное отношение этого предмета к значению подчиняющего слова»⁷³, – указывает М. А. Шапиро (разрядка наша. – Е. С.). Следует только отметить, что определение М. А. Шапиро не охватывает случаев использования падежных и предложно-падежных форм за пределами двусловного словосочетания – при соотносительности их с содержанием всего предложения или целой группы его членов.

§ 15. В настоящей работе центральное место занимает рассмотрение вопросов управления. Однако, как было прослежено выше, проблема управления не может решаться изолированно, вне теоретического анализа классификационного разграничения согласования, управления и примыкания в целом. Поэтому специфические особенности управления будут анализироваться в сопоставлении с особенностями согласования, а отчасти и примыкания.

Раскроем несколько подробнее, проблематику основных направлений нашего анализа.

⁷¹ С. И. Абакумов. Современный русский литературный язык. М., «Советская наука», 1942. С. 122.

⁷² Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 122.

⁷³ Шапиро М. А. О типах подчинительной связи внутри словосочетания. «РЯШ», 1950, № 2. С. 30.

Первое из этих направлений – анализ грамматических функций согласуемых, управляемых и примыкающих компонентов.

Обычно в лингвистической литературе им приписывается одна общая функция – осуществлять связь слов в словосочетании. В чем заключается различие их синтаксической роли, в сущности, не раскрывается, так же как не раскрывается функциональная специфика согласования и управления по сравнению с другими способами синтаксической организации.

Несколько предваряя выводы из последующего изложения, важно сразу указать на три аспекта классификационной оценки согласования, управления и примыкания.

а) В одном классификационном ряду согласование, управление и примыкание могут стоять только как такие способы включения слова в синтаксические построения, которые различаются исходя из того, реагирует и как реагирует форма слова на введение в словосочетание или в предложение, иначе говоря, на синтаксическую связь с другими словами.

б) Лишь в указанном смысле справедлива трактовка согласования и примыкания как «типов подчинительной связи». Что касается грамматических средств обозначения связи с определенным словом, то на такую часть с полной четкостью указывает только согласование.

в) Самостоятельными способами синтаксической организации, опирающимися на способность слов выражать синтаксические отношения своими формами, могут быть признаны только согласование и управление. Примыкающее слово не располагает грамматическими возможностями передачи синтаксических отношений.

§ 16. Второе направление нашего исследования – рассмотрение факторов, которые обуславливают выбор определенной формы согласуемого и управляемого слова. Имеющиеся в данной области многочисленные интересные и ценные наблюдения не приобрели характера цельной, законченной теории. Прежде всего, далеко не полностью раскрывается роль отдельных факторов. В частности, несмотря на то что постоянно подчеркивается связь управления с лексикой, остается нераскрытой семантическая природа этой связи: «Было бы интересно проследить, – пишет Ю. Д. Апресян, – каким образом связаны семантические признаки глагола с семантическими признаками управляемых форм»⁷⁴.

Нередки случаи, когда влияние тех или иных факторов на выбор управляемой формы интерпретируется исследователями неправильно. Это связано с недостаточной изученностью взаимодействия разных факторов, их иерархических, системных отношений в этом взаимодействии. Анализ таких отношений составляет одну из основных задач настоящей работы.

⁷⁴ Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., «Наука», 1967. С. 169.

§ 17. Третье направление исследования – рассмотрение в плане «активного синтаксиса» (терминология Л. В. Щербы) некоторых типов падежных и предложно-падежных конструкций. В отличие от наиболее обычных приемов исследования, когда берутся конструкции одинакового грамматического оформления, но с разными значениями, мы рассматриваем инструкции с различным грамматическим оформлением, но однотипные по характеру выражаемых отношений. В качестве непосредственного предмета изучения нами берутся обстоятельственные падежные и предложно-падежные конструкции выражающие момент времени, и объектные словосочетания, в которых при глаголах речи обозначается второй участник речи.

Использование метода «активного синтаксиса» соответствует нашему пониманию управления как (субстантивно-) падежного и предложно-падежного способа выражения различных соотношений с предметом.

Изучение того, какие надежные и предложно-падежные формы употребляются для осуществления определенных коммуникативных задач, с одной стороны, эффективно вскрывает «механизм» управления – взаимодействие разных факторов при выборе «управляемой» формы. С другой стороны, на наш взгляд, метод «активного синтаксиса» в наибольшей степени позволяет достигнуть цели системного описания падежных и предложно-падежных конструкций и поэтому имеет большую практическую значимость.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. С чем связаны разногласия в трактовке управления как вида подчинительной связи? Какие два направления понимания этого термина можно выделить?

2. Кто из ученых придерживается узкой трактовки управления? Какие факторы его определяют?

3. Что понимает под управлением М. Д. Лесник? Приведите примеры.

4. Дайте определение управления Н. Ю. Шведовой.

5. Какие формы с обстоятельственным значением Н. Ю. Шведова оценивает как управляемые? Почему?

6. Какой фактор учитывается при пересмотре границ управления разными авторами?

7. Ограничивается ли необходимое употребление подчиненного слова только рамками словосочетаний с управляемой формой? Приведите примеры.

8. Почему сужение понятия управления, по мнению Е. С. Скобликовой, лишает всю рассматриваемую группировку единого классификационного принципа?

9. Опишите традиционную схему разграничения связей согласования, управления и примыкания.
10. Как понимает управление С. И. Абакумов?
11. При каком условии согласование, управление и примыкание могут стоять в одном классификационном ряду?
12. Какой вид связи может быть выделен при учете грамматических средств обозначения связи с определенным словом?
13. Какие виды связи могут быть выделены с опорой на способность слов выражать синтаксические отношения своими формами?
14. Охарактеризуйте метод «активного синтаксиса» и его роль в определении понятия управления.

Шведова Н. Ю.

СОГЛАСОВАНИЕ И КООРДИНАЦИЯ: ИХ СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ⁷⁵

Сопоставим два соединения (две «бинармы», или «синтагмы», или «конструкции», два «сочетания слов»), причем сопоставление это проведем не в произвольно избранной форме, а в некоторой совокупности форм каждого из этих двух соединений: *тихая ночь, тихой ночи, тихую ночь, тихой ночью, о тихой ночи, тихие ночи...* – *Ночь тихая, Ночь была тихая/тихой, Ночь будет тихая/тихой, Ночь была бы тихая/тихой...*; *играющий ребенок, играющего ребенка, играющему ребенку...* – *Ребенок играет, Ребенок играл, Ребенок будет играть, Ребенок играл бы...* В формах, открывающих эти ряды (*тихая ночь, играющий ребенок* и *Ночь тихая, Ребенок играет*), имеет место формальное уподобление соединившихся словоформ. Дальнейшее сопоставление показывает, однако, что, во-первых, самый характер изменений у членов разных рядов совершенно различен; во-вторых, что в первом ряду общий тип уподобления сохраняется, а во втором он может изменяться: у соединения *Ночь тихая* им. пад. прилагательного вступает в регулярную оппозицию с тв. пад.; глагольное сказуемое при определенных условиях в принципе также может вступать в оппозиции с «неуподобляющимися» словоформами (ср. *Ребенок прыгнул* – *Ребенок прыг*).

Сходство в формальном уподоблении собственно соединений *тихая ночь* и *Ночь тихая, играющий ребенок* и *Ребенок играет* давало и дает основание видеть здесь одну и ту же грамматическую связь – подчинительную связь согласования. Из самых последних утверждений этого тождества можно привести высказывание Н. Д. Арутюновой по поводу связей *Дети играют* и *играющие дети* в ее интересной статье «Вариации на тему предложения»: «Элементы обеих конструкций синтагматически между собою связаны. Их сцепление достигается способом согласования. Главным элементом и в том и в другом случае является существительное. В обеих конструкциях выражается отношение признака к его носителю. Наличие морфологического согласования (или иного типа связи), выражающего значение определительности, делает правомерным анализ отношений между подлежащим и сказуемым в рамках синтагматического синтаксиса»⁷⁶. Такое понимание полностью отвечает и западноевропейской традиции.

⁷⁵ Текст печатается по: Шведова Н. Ю. Русское согласование и координация // Проблемы истории и диалектологии славянских языков: Сб. статей к 70-летию В. И. Борковского. М.: Наука, 1971. С. 312–319.

⁷⁶ «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения (доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса)». Под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 1969. С. 40.

Однако в работах русских языковедов уже не раз высказывалась мысль о том, что связи в сочетаниях типа *тихая ночь, играющий ребенок*, с одной стороны, и *Ночь тихая, Ребенок играет*, с другой, не могут отождествляться, что они внутренне различны. Уже Д. Н. Овсяннико-Куликовский писал о том, что «при наличии подлежащего, сказуемое, согласуясь с ним, образует, однако, момент, равноправный подлежащему, к которому оно стоит в отношении не зависимости в собственном смысле, а *параллелизма* особого рода»⁷⁷. В. В. Виноградов видел в связи подлежащего и сказуемого не согласование, а «уподобление». В «Грамматике русского языка» (1954, т. II, ч. 1, стр. 89) он писал: «Форма сказуемого (там, где это морфологически возможно) уподобляется форме подлежащего или координируется с ней». Он отмечал «глубокое отличие в самом характере соответствия» форм в случаях типа *Я думаю, Ты помнишь* и, с другой стороны, *красивая шуба, новое пальто* (Там же, стр. 24). В уподоблении форм подлежащего и сказуемого в двусоставном предложении В. В. Виноградов видел выражение «синтаксических отношений координации», «далеко выходящих за рамки словосочетаний» (Там же). А. И. Смирницкий выделял предикативную связь между подлежащим и сказуемым в особый вид связи: это «наиболее свободная связь», «организующая предложение как внутренне законченную единицу» и сама «устанавливаемая в предложении»⁷⁸.

Термином «координация» для обозначения связи между подлежащим и сказуемым пользуется в своих работах Е. В. Кротевич, понимая, однако, под координацией как связь, формально выраженную средствами словоизменения, так и не выраженную никакими средствами. В этом же духе понимает «отношения координации» Т. Е. Гильченко⁷⁹: в тех случаях, когда связь не оформлена, усматриваются «отношения координации»; в случаях же оформленности связи средствами словоизменения автор видит «морфологическую координацию» как особый вид подчинительной связи согласования⁸⁰.

Нельзя идентифицировать факты, не определив, что имеется в виду под тем явлением (и, соответственно, понятием и его терминологическим обозначением), к которому мы эти факты относим. Прежде чем решать, мож-

⁷⁷ Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Синтаксис русского языка. Изд. 2. СПб., 1912, стр. 22.

⁷⁸ А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 174.

⁷⁹ Т. Е. Гильченко. О грамматических отношениях между подлежащим и сказуемым в современном русском языке. «Филол. науки». Изд. МГУ, 1964, № 2.

⁸⁰ В западноевропейской лингвистике термин «координация» часто употребляется для обозначения того, что у нас называется согласованием. Естественно, лучше было бы не занимать этот термин и для обозначения связи главных членов двусоставного предложения ввести иное наименование. Именно поэтому в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970), в отличие от ее проспекта, эта связь названа «соподчинением» (т. е. «взаимным подчиненным»); однако и этот термин оказывается многозначным (ср. «соподчинение» в теории сложного предложения).

но или нельзя считать соединения *тихая ночь* и *Ночь тихая, играющий ребенок* и *Ребенок играет* тождественными на уровне подчинительной связи, нужно определить, что понимается под подчинительной связью и, в частности, под согласованием как одним из видов этой связи.

Если понимать подчинительную связь как связь, вычленяемую из синтагматической цепи (см. выше определение Н. Д. Арутюновой), то идентификация названных соединений как соединений словоформ на основе их морфологического уподобления оказывается корректной. Однако при этом характеристика связи исчерпывается констатацией ее формального вида в данном вычленном из предложения соединении. Установления формального уподобления (если считать решенным на самом деле не решенный вопрос о том, что чему подчиняется: подлежащее сказуемому или сказуемое подлежащему) оказывается достаточно для определения и идентификации явлений.

Известно, однако, что возможен и другой подход к синтаксическим – и, шире, вообще грамматическим – явлениям и, в частности, к подчинительным связям: не просто рассмотрение их на синтагматической оси (как это последовательно осуществляется, например, в работах А. М. Мухина), но определение их природы на основе всего комплекса их собственно грамматических качеств: формальной организации, парадигматических изменений, грамматического значения, вхождения в определенные связи и отношения (место в системе оппозиций), круга функций. При анализе с этих разных сторон того, что обычно называется подчинительной связью, выясняется, что под этим названием часто объединяются явления внутренне совершенно неоднородные.

Подчинительная связь, как и всякое другое грамматическое явление, есть явление нелинейное, одномерное, но многомерное. Комплекс ее признаков складывается из следующих факторов: 1) эта связь предопределена собственно словом, его категориальными свойствами, в отличие от связи, предопределенной синтаксической позицией слова⁸¹; 2) в результате этой связи возникают отношения на уровне атрибуции, но никогда не предикации; 3) эти отношения устанавливаются либо только на основе грамматических характеристик соединяющихся слов (слова и словоформы), что имеет место, например, при связи согласования, либо на основе факторов лексико-грамматических, что имеет место, например, при связи управления или примыкания инфинитива либо имени; 4) единица, возникающая на основе подчинительной связи (словосочетание), имеет систему форм, предопределенную парадигмой грамматически главенствующего слова; 5) эта единица входит в оппозиции с единицами, также образованными на основе

⁸¹ О противопоставлении этих двух видов связи см.: Н. Ю. Шведова. Категориальные свойства слова на службе его синтаксических связей (доклад на заседании Международной грамматической комиссии в Кракове, 1969).

подчинительных связей (ср. оппозиции типа *театр для детей – детский театр, ласка отца – отцовская ласка, идти быстро – идти быстрыми шагами* и т. д.); 6) эта единица имеет свой особый круг функций – от собственно называния до разнообразных видов распространения компонентов структурной схемы предложения или предложения в целом.

Связь, предопределенная синтаксической позицией слова и, в частности, связь главных членов двусоставного предложения, противостоит подчинительной связи по всему комплексу перечисленных признаков: 1) эта связь не предопределена категориальными свойствами соединяющихся единиц (всегда только словоформ, но никогда не слова и словоформы); 2) в результате этой связи возникают отношения на уровне предикации; 3) эти отношения устанавливаются всегда только на основе грамматических факторов: факторы лексико-грамматические в формировании этих отношений не участвуют; 4) единица, образуемая на основе такой связи, имеет систему форм, предопределенную грамматическим значением предложения; 5) такая единица входит в разнообразные оппозиции с единицами этого же уровня, т. е. уровня предложения; 6) эта единица имеет свой собственный круг функций, из которых основной и первичной является функция самостоятельного сообщения.

Сопоставим теперь на основе перечисленных рядов признаков те связи, которые, как мы уже сказали, часто считают возможным объединять в одну подчинительную связь согласования и которые на деле представляют собой два разных вида связи: подчинительную связь согласования и предопределенную синтаксическими позициями словоформ связь координации (соподчинения, взаимоуподобления).

1. Согласование есть лексически не ограниченная слабая подчинительная связь, предопределенная категориальным свойством главенствующего в этой связи имени существительного – значением предметности; при этой связи формы рода, числа и падежа главенствующего слова предопределяют собою соответствующие формы у подчиняющегося слова – имени прилагательного (вопрос о так называемом неполном согласовании, куда относятся и случаи согласования двух существительных, здесь опускаем, так как оно не меняет общей картины). Таким образом, связь согласования принадлежит к области реализации синтаксических потенций слов.

Связь координации не предопределяется какими-то внутренними категориальными свойствами слов, занимающих позицию сказуемого: она предопределяется самой этой позицией. «Предметность» для нее необязательна. Если мы сопоставим предложения (1) *Ночь тихая*, (2) *Ребенок играет*, (3) *Я иду*, (4) *Дожди кончились*, (5) *Уехать – моя мечта*, то, обобщая закономерность, обнаруживающуюся при рассмотрении этих соединений, мы увидим, что синтаксическими позициями главных членов двусоставного предложения предопределено некое формальное уподобление занимающих эти позиции словоформ: в роде, числе и падеже (1); в числе

(2, 4); в лице, выраженном лексически и морфологически (3), и, наконец, уподобление чисто смысловое (3 л. глагола в (2), им. пад. имени в (5)). Там, где занимающие соответствующие позиции слова имеют возможности морфологически уподобиться друг другу, эти возможности реализуются; там, где таких возможностей нет, вступают в силу собственно синтаксические правила постановки слова в той, а не другой форме. В этом ряду морфологическое уподобление (*Ночь тихая*) является лишь частным случаем, и важно, что оно допускает здесь такие изменения, которые невозможны при согласовании (*Ночь тихая/тиха* → *Ночь была тихая/тиха/тихой*). Если в речи позиция подлежащего заместится какой-либо другой словоформой (например: *С кошечками тихая, а с челочкой, видно, боевая*), – то форма сказуемого не изменится и сохранит все виды своих возможных существований (*С кошечками была тихая/тиха/тихой*), что невозможно при согласовании, где любое формальное изменение существительного автоматически влечет за собой формальное изменение согласованного с ним слова.

Таким образом, для связи согласования имеют первостепенное значение такие категориальные свойства вступающих в эту связь, слов, как предметность (у существительного) и признаковость (у прилагательного). Для координации эти свойства несущественны: главными членами предложения – подлежащим и сказуемым – могут быть слова с предметным, указательным, числовым, признаковым, процессуальным значением; единственным свойством занимающих эти позиции слов, релевантным для связи координации, является их знаменательность.

2. На основе согласования возникают определительные, собственно характеризующие отношения, представленные вне времени, вне отношения к какому-то моменту действительности. Это отношения атрибутивные. Координация есть связь, формирующая сообщение, т. е. относящая некую «соединенность» в определенный временной и объективно-модальный план: за ней стоит предикативность как грамматическое значение предложения. Соответственно на основе согласования формируется словосочетание, на основе координации – предложение.

3. Языковые единицы, образующиеся на основе связи согласования и координации, имеют совершенно различные системы форм. Словосочетание, образовавшееся на основе согласования, имеет систему форм, опирающуюся на парадигматические изменения имени существительного: *тихая ночь, тихой ночи, тихую ночь, тихой ночью, тихие ночи, тихих ночей, тихим ночам, (о) тихих ночах*. Ни у какой отдельно взятой формы из этой парадигмы невозможны никакие видоизменения или мены компонентов. Предложение, главные члены которого соединились на основе связи координации, имеет систему форм, реализующих его грамматическое значение – предикативность – в виде частных временных и объективно-модальных значений. В парадигме предложения *Ночь тихая* координиро-

ванные члены осложняются показателем синтаксического времени и наклонения (*была, будет, была бы, будь, пусть будет*), который также подчиняется законам взаимоуподобления. В строе этой парадигмы появляется регулярная оппозиция им. и тв. пад. (*тихая/тихой*), принадлежащая только предложению (ср. *Купил дом новый/новым*). В парадигме предложений типа *Я иду, Ты идешь, Он идет* меняется самый характер координации: координация в лице меняется на координацию в числе (*Я шел [шла], Ты шел [шла]*) или в числе и роде (*Он шел*). В парадигме предложения типа *Ребенок играет* смысловая координация в лице меняется на собственно грамматическую координацию в роде: *Ребенок играл, играл бы...* Ничего похожего на подобные мены не происходит в парадигме словосочетания, образованного на основе связи согласования.

4. Единицы, образованные на основе связи согласования, входят в системные соотношения с единицами того же уровня. Определительные отношения, выраженные этой связью, могут быть выражены также и связью неполного согласования или примыкания (включая именное примыкание), например: *новый дом – дом-новостройка – дом из новых – дом поновее; ворчливый сторож – сторож-ворчун – сторож из ворчунов; наилучшее изделие – изделие наилучшего качества* и т. п. Предложение, получаемое на основе связи координации, системно соотносится с предложениями, в которых главные члены находятся в тех же синтаксических отношениях, но формально не координированы, например: *Дом – новый – (Этот) дом новее – (Этот) дом – из новых*; при изменениях по формам синтаксических времен и наклонений во всех этих случаях появляется координируемая форма: *был, будет, был бы новее, был, будет, был бы из новых*. Как видно, образования, формирующиеся на основе связи согласования, и образования, формирующиеся на основе связи координации, входят в разные ряды противопоставлений, в разные оппозиции.

5. Синтаксические единицы, образованные на основе связи согласования и на основе координации, имеют совершенно различные системы функций. Словосочетание (*новый дом*) или называет (ср. надписи на вывесках, заголовки, подписи, собственные имена-обозначения и т. п.), или входит в предложение. Это вхождение осуществляется либо в качестве основного компонента схемы (стержневым словом, например: *Новый дом – его мечта; Эта постройка – новый дом моего отца*), либо в качестве собственно распространителя – внутри предложения (*Он строит новый дом*) или по отношению к предложению в целом (*С новым домом он совсем голову потерял*). Словосочетание выступает также как компонент сложного образования или диалогического единства.

Круг функций предложения совсем иной: оно или собственно сообщает (*Дом – новый*), или входит в состав сложного предложения в качестве одного из его предикативно значимых формантов (*Сказали, что дом – новый*), или замещает позицию словоформы внутри предложения (*Его вечное*

«Дом — новый, светлый, живите и радуйтесь» мне смертельно надоело), или называет (ср. названия типа «Белеет парус одинокий», «Мой папа — чемпион», «Дождь — хорошая погода» и т. д.), или, наконец, детерминирует предложение в целом (в письменной речи — редко, в разговорной речи и просторечии — обычно): *Я шла к тебе встретила Ваню; Повода хорошая мы все пойдем купаться обязательно* и т. п.

Все эти сопоставления показывают, что для разграничения связей согласования и координации существуют достаточно веские собственно грамматические основания.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие факторы позволяют трактовать как согласование соединения *тихая ночь* и *Ночь тихая, играющий ребенок* и *Ребенок играет*?
2. Из каких факторов складывается комплекс признаков подчинительной связи?
3. Какие категориальные свойства вступающих в связь согласования слов имеют первостепенное значение? Существенны ли они для координации?
4. Одинаковы ли отношения, возникающие при согласовании и координации?
5. Какие системы форм имеют языковые единицы, образующиеся на основе связи согласования и координации? Совпадают ли они?
6. В какие оппозиции входят языковые единицы, построенные на основе связи согласования? Координации?
7. Одинаковы ли функции синтаксических единиц, образованных на основе связи согласования и на основе координации?

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ПАДЕЖЕЙ⁸²

§ 1. Неправильный анализ предложных оборотов до сих пор является, по нашему мнению, основным препятствием для анализа категории падежа. В последних работах, посвященных падежу (Л. Ельмслева, Р. Якобсона, А. В. де Гроота), предложные обороты либо вообще обходят молчанием, либо рассматривают иначе, чем «синтетические» падежные формы. При установлении общего значения падежей Якобсон расчленяет предложные обороты так: предлог + падежная форма, нарушая тем самым морфологическое единство предлога и зависящего от него падежного окончания. Де Гроот, говоря об управлении падежами («доминировании») в оборотах типа *extra urbem* «вне города» или *per urbem* «по городу» имеет, очевидно, в виду то же членение: предлог (управляющее) + падежная форма (управляемое).

Впрочем, чрезвычайно важно, что такого типа управление совершенно несравнимо с управлением, например, в *facere aliquid* «делать что-либо»; это группа из двух самостоятельных слов, связанных отношением подчинения (*facere* – определяемое, *aliquid* – определяющее). Расчленение *facere aliquid* на *facere* и *aliquid* – это правильная дихотомия, а расчленение *extra urbem* «вне города» на *extra* + *urbem* – это, напротив, дихотомия ошибочная. Существительное *urbem* не определяет предлог *extra*, который не является самостоятельным словом; с другой стороны, и *extra* не определяет *urbem*, если термин «определять» употребляется только применительно к синтаксическим связям между самостоятельными словами. Самостоятельное слово *urbem* определяется предлогом *extra* точно так же и в том же смысле, в каком основа или корень определяются флективным окончанием или словообразующим суффиксом, то есть несамостоятельной («синсемантической») морфемой. Морфема *extra* со своей стороны обуславливает наличие окончания аккузатива (*urbem*). Морфологическая структура предложного оборота *extra urbem* такова: самостоятельная («автосемантическая») морфема = корень *urb-*, несамостоятельная (синсемантическая) морфема = предлог *extra*, откуда *extra urb-*; *extra* чисто формально имплицитует окончание аккузатива, откуда *extra urb-em*.

Иначе говоря, при первом дихотомическом расчленении оборота *extra urbem* выделяется, с одной стороны, чистый корень (или чистая основа), а с другой – предлог *extra* с зависящим от него окончанием аккузатива. И только при второй дихотомии удастся разложить эту последнюю морфему на основную субморфему, несущую значение (предлог), и на дополнительную субморфему (окончание аккузатива). Такая морфологическая

⁸² Текст печатается по: Курилович Е. А. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. М., 1962. (Биробиджан, 2000). С. 175–204.

структура вполне обычна. Ср., например, в немецком языке множественное число существительных на *-er*, предполагающее дополнительную субморфему умлаута (**Wald-er > Wäld-er*), или различные индоевропейские образования с первичными суффиксами, часто обуславливающими определенный вокализм корня (**loukos*, **luks* и т. д.).

Однако особенность случая с предлогом состоит в том, что предлог, хотя и является не самостоятельным словом, а морфемой, в известной степени независим от определяемого существительного. Эта независимость проявляется прежде всего в том, что между предлогом и существительным могут вставляться другие самостоятельные члены синтаксической группы: *ad ripam Rhodani* «на берег Роны» = *ad Rhodani ripam*. Эта относительная (ограниченная) свобода предлогов не позволяет считать их рангом выше, чем падежные окончания так называемых синтетических падежей, например др.-инд. инструментала, аблатива или локатива. С функциональной точки зрения оба средства выражения находятся на одном и том же уровне. Анализируя глагольную систему французского языка, никто не станет проводить границу между «синтетическими» формами презенса, имперфекта, простого прошедшего и «аналитическими» формами перфекта и плюсквамперфекта, отказываясь рассматривать эти формы вместе. Однако «вспомогательность» глаголов *avoir* и *être* является спорной, так как они (особенно первый из них) употребляются и как самостоятельные глаголы. Предлог тоже может употребляться самостоятельно в качестве наречия (например, *avec*), что не мешает ему оставаться внутри предложного оборота несамостоятельной морфемой. Известно, что предлоги обычно происходят от наречий или наречных оборотов; превращение в предлог происходит в тот момент, когда наречие или наречный оборот, до сих пор определявшие существительным, становятся в результате изменения иерархии его несамостоятельным определяющим. Например, французское *à cause de la grève* «из-за забастовки» сначала было равно (*à cause*) → *de la grève*, где стрелка направлена от определяемого к определяющему, а потом стало (*à cause de*) → *la grève*. Несамостоятельная морфема *à cause de* состоит из основной субморфемы *à cause* и падежной субморфемы *de*, что в точности аналогично рассмотренному выше примеру *extra urbem*. Точно так же разлагается *grace à* «благодаря (чему)» и т. д. Во французском языке единство морфемы *à cause de* ощущается лучше, чем в латинском единство морфемы *extra* + аккузатив, так как в последнем случае обе субморфемы не являются смежными.

Предлоги индоевропейских языков также могли происходить от наречий, сопровождавших падежную форму например **péri* (застывший локатив), которое определяло существительное в локативе и т. д.

Графическая самостоятельность предлогов (*ad ripam* вместо **adripan*, несмотря на безударность предлога *ad*, объясняемую его семантической несамостоятельностью) определяется наличием таких конструкций, как *ad*

Rhodani ripam. Элемент *ad*, несмотря на его проклитический характер, не пишется вместе, в одно слово с последующим *Rhodani*, так как *ad* непосредственно связан с *ripam*, в то время как с *Rhodani* он соотносится лишь косвенно. Если бы предлоги никогда не отделялись от своих существительных другими словами, они составляли бы с этими существительными графическое единство, подобно послелогам, которые в ряде языков, если невозможны промежуточные элементы, пишутся слитно с предшествующим существительным. В качестве графической параллели приведем определенный артикль, с одной стороны, во французском, итальянском, испанском, Английском, немецком, а с другой – в румынском или в скандинавских языках. Графическая самостоятельность первого и несамостоятельность второго отражают закономерности порядка слов (или морфем): во французском артикль может отделяться от существительного прилагательным-определением (*le bon curé* «*добрый кюре*»), в румынском же это невозможно (*omul mort* «*мертвый человек*»).

Кроме отдельного написания предлогов, есть другой, более серьезный аргумент: существование предлогов, управляющих несколькими различными падежными формами (*in urbe : in urbem*). В самом деле, если в подобных примерах падежная форма по крайней мере до некоторой степени независима от предлога, то не следует ли считать, что падежное окончание имеет наряду со значением предлога собственное значение? Чтобы ответить на этот вопрос, приведем сначала несколько хорошо известных примеров. Древнеирландские предлоги *air, fo, for, in(d)* употребляются то с дативом, то с аккузативом. В немецком предлоги *an, auf, hinter, in, neben, unter, über, vor, zwischen* требуют либо датива-локатива, либо аккузатива цели. В польском после предлогов *nad, pod, za* употребляется либо инструменталь, указывающий местонахождение, либо аккузатив, обозначающий цель движения; после предлогов *na, przy, w* то же самое смысловое различие передается альтернативой локатив : аккузатив.

Значение предлога в этих примерах не изменяется, хотя глагол движения сообщает дополнительный оттенок цели, поэтому, например, в латинском *in urbem ire* оборот *in urbem*, где падежное окончание аблатива (= *e*) зависит от *in*, испытывает семантическое влияние со стороны глагола движения и поэтому изменяется: *ire in urbe* > *ire in urbem*. Однако сам оборот *in urbe* не зависит от окружения и остается при глаголах движения неизменным. В русском между *Он прыгает на столе* и *Он прыгает на стол* нет прямого противопоставления, которое позволило бы нам установить независимые значения для *на столе* и для *на стол*. В первом примере (*на столе*) предложная конструкция занимает более периферийную позицию, чем во втором (ср *Он пишет на столе*), а во втором примере (*на стол*) ее позиция более центральная, чем в первом. В развернутом высказывании *В комнате он прыгнул на стол* аккузатив направления (*на столе*) занимает более центральную позицию, чем локатив (*в комнате*). Если сравнить с

этим выражение *прыгает на столе*, то мы увидим, что *на столе* соответствует по своей периферийной позиции сочетанию *в комнате*, а не *на стол*.

Аналогичная альтернатива аккузатив : аблатив (исходная точка) наблюдается в греческом...

...Мы приходим к выводу, что наличие предлогов, управляющих несколькими падежами, не является доказательством самостоятельности этих падежей. Правильный анализ позволяет нам говорить либо о двух формах, одна из которых семантически связана с глаголом, а другая свободна, либо о таких цельных комплексах предлог + падеж₁ и предлог + падеж₂, где невозможно выделить падеж₁ и падеж₂, поскольку здесь не имеет места смысловая идентичность предлогов первого и второго комплексов.

Таким образом, основной аргумент в пользу членения предложных оборотов типа *extra + urbem*, *in + urbem*, *in + urbe* отклоняется окончательно. Правильное членение таково: (*extra*) *urb(em)*. Отсюда два следствия: 1) падежная форма не может быть оторвана от предложного оборота; поэтому такую падежную форму нельзя рассматривать наравне со свободными падежными формами или с падежными формами, управляемыми глаголом непосредственно без предлога; 2) предлог не является управляющим падежной формы, а представляет собой субморфему, хотя и основную, сложной морфемы, состоящей из предлога + падежное окончание. Предлог управляет или, точнее, имплицитно только падежное окончание как таковое, а не падеж (то есть не падежную форму).

В «аналитических» языках предложный оборот – это то же самое, что в «синтетических» языках наречие, производное от существительного. Функциональное различие между «аналитическим» падежом (например, фр. *de Pierre à Pierre*) и предложным оборотом, очевидно, то же, что и между «синтетическим» падежом и наречием (производным). Так же, как аналитические падежи пополняются за счет предложных оборотов, так и синтетические падежи имеют естественным источником отсубстантивное наречие.

Переход наречие (или предложный оборот) → падежная форма и, наоборот, падежная форма → наречие соответствует расширению или сужению употребления рассматриваемой морфемы (суффикса, предлога, окончания). Наречное образование, даже продуктивное, обычно обладает относительно ограниченной сферой употребления. Это объясняется конкретным семантическим содержанием самого наречного суффикса, природа которого исключает неограниченное употребление, охватывающее все именные основы. Употребление этого суффикса ограничено определенным числом корней, смысл которых согласуется со значением суффикса. Как только наречие начинает выступать в функции, присущей падежной форме, а именно начинает управляться глаголом, конкретное семантическое значение уступает место синтаксическому, а словообразо-

вательный суффикс становится флективным окончанием. Теперь уже область употребления этой морфемы становится неограниченной: поскольку морфема превратилась в синтаксический показатель (там, где падежная форма управляется другим словом), она может соединяться с любой именной основой (или корнем). Наречие как форма словообразования и падеж как форма словоизменения различаются главным образом объемом сфер употребления соответствующих морфем.

§ 2. Ни одну морфологическую или фонологическую проблему, представляющую известную степень сложности, невозможно успешно исследовать, не определив сначала понятие значения или в более общей форме понятие функции. В области морфологии, которой мы сейчас занимаемся, Р. Якобсон (стр. 244, 252–253) различает общее значение и специфические значения, среди которых имеется основное значение. Это различие, применимое в области семантики, представляется нам неудобным при исследовании переплетения семантических; и синтаксических фактов. Как нам кажется, анализ де Гроота (стр. 124–127) представляет собой шаг вперед по сравнению с исследованием Р. Якобсона, хотя мы и не могли бы принять все положения выдающегося голландского лингвиста. В статье «Деривация лексическая и деривация синтаксическая» мы пользовались выражениями первичная функция и вторичные функции. Еще раньше мы применяли эти термины. В области фонологии это различие помогло нам установить классы согласных и осветить вопрос об индоевропейских полугласных. Первичная и вторичная функции определяются соответственно языковой системой и условиями (контекстом). Функция, проявляющаяся в таких специальных условиях, которые можно определить положительным образом, считается вторичной. В зависимости от того, идет ли речь о семантической или синтаксической функции, эти условия бывают семантического или синтаксического характера. Некоторая определяемая системой функция, называемая первичной, может быть модифицирована различными способами и давать различные вторичные функции.

Как применить понятия первичной и вторичной функции к анализу падежей? Возьмем, например, аккузатив (в индоевропейских языках). При переходных глаголах, где этот падеж обозначает внутренний или внешний объект действия, окончание аккузатива не имеет никакой семантической значимости, а является чисто синтаксическим показателем подчиненности имени глаголу. Но, кроме этого, имеются, как случаи особого употребления, аккузатив цели, аккузатив пространственной или временной протяженности, аккузатив цены и т. д. Каждое из этих значений аккузатива присуще сочетаниям с глаголами определенной семантической группы. Так, аккузатив цели возможен только при глаголах, обозначающих движение. Аккузатив длительности (временной протяженности) бывает лишь при глагольных формах, содержащих идею длительности. В славянских языках

такой аккузатив употребляется с глаголами несовершенного вида. Что же касается переходных глаголов, при которых употребляется аккузатив (прямого дополнения), то их определить с точки зрения семантики не удастся. Характерный для них признак – переходность – это признак синтаксического порядка: существительное просто подчиняется глаголу, и окончания аккузатива не содержат какого-либо особого оттенка значения, соответствующего семантическому содержанию глагола.

Поэтому можно говорить о первичной функции аккузатива – в роли прямого дополнения – и о ряде вторичных функций: аккузатив цели, протяженности, цены и т. д. Условия употребления аккузатива во вторичной функции всегда могут быть определены. Условия эти – контекст, но не в каком-то неопределенном смысле: это прежде всего и главным образом семантическое содержание глагола, от которого зависит падежная форма⁸³. Окончание аккузатива как бы приспосабливается к глаголу, проникаясь его специальным значением. Первичную функцию, напротив, так определить не удастся. Пользуясь терминологией Бюлера, она «обусловлена в системе» в то время, как вторичные функции «обусловлены в поле».

Анализируя семантическое содержание аккузативного окончания в его различных функциях, мы увидим, что в первичной функции, где аккузатив представляет собой чисто синтаксический показатель, оно равно нулю, но во вторичной функции обладает различными смысловыми оттенками ... Конкретный падеж, так же как и грамматический падеж, подчинен глаголу, но его окончание сохраняет собственное семантическое содержание, что придает конкретному падежу наречный характер. Ясно, что конкретные падежи ближе к наречию, чем грамматические. Каковы же различия между конкретными падежами и наречиями?

Конкретные падежи также имеют первичные и вторичные функции. Первичная их функция – наречное употребление; однако от наречий их отличает наличие вторичной функции, которая состоит в том, что падежное окончание, лишённое семантического значения, становится простым синтаксическим показателем. Это происходит в тех случаях, когда конкретный падеж управляется глаголом со специальным значением. Достаточно обратиться к синтаксису любого индоевропейского языка, чтобы убедиться в том, что все конкретные падежи – и инструменталь, и аблатив, и локатив – могут после определенных глаголов становиться грамматическими. Если славянские глаголы со значением «потрясать», «размахивать» требуют инструменталья, а не аккузатива, то это факт управления, которое лишает соответствующие окончания инструменталья их семантическо-

⁸³ Мы не принимаем здесь во внимание тот факт, что различные специальные употребления аккузатива определяются также значением соответствующих существительных: аккузатив цели – названиями места, аккузатив временной протяженности – существительными, обозначающими отрезки времени, и т. д.

го содержания и отождествляет их с точки зрения значения с аккузативным окончанием прямого дополнения. Другими словами, эти окончания становятся, так сказать, комбинаторными вариантами аккузативного окончания прямого дополнения, – вариантами, которые обусловлены семантикой глаголов, управляющих рассматриваемым падежом. Так, аблатив управляется глаголами, выражающими понятия: 1) «уступить», «удалить», «гнать»; 2) «быть лишенным», «нуждаться», «лишать»; 3) «происходить», «возникать», «рождаться»; 4) «делать», «верить»; 5) «освободить», «спасать», «защищать»; 6) «брать», «получать»; 7) «оставаться позади», «быть удаленным». Значение глагола, сочетаясь со значением существительного, достаточно ясно определяет связь между глаголом и существительным, так что падежное окончание лишается своего семантического содержания (диссимилиация). Однако первичная функция аблатива не вызывает сомнений: она обозначает исходную точку действия. О первичности этой функции говорит: 1) тот факт, что она не зависит от окружения, тогда как «управляемый» аблатив связан с определенными семантическими группами глаголов; 2) тот факт, что примеры управления, где аблатив становится комбинаторным вариантом аккузатива прямого дополнения, являются вторичными по отношению к примерам, в которых существование аблатива в парадигме оправдывается его самостоятельным значением.

Итак, мы подходим к предварительной дихотомической классификации приглагольных падежей:

1) Грамматический падеж⁸⁴ (аккузатив прямого дополнения):

- а) первичная синтаксическая функция;
- б) вторичная наречная функция;

2) конкретные падежи (все прочие косвенные прилагательные падежи):

- а) первичная наречная функция;
- б) вторичная синтаксическая функция.

Подчеркиваем еще раз, что переход от первичной функции к вторичной всегда сопровождается ограничением условий, в которых выступает падежная форма. Во вторичной функции она употребляется только после глаголов, образующих вполне определенные синтаксические группы. Направления перехода первичная функция → вторичная функция у грамматического падежа и у конкретных падежей диаметрально противоположны. Грамматический падеж подвергается адвербиализации, а конкретные падежи – грамматикализации. Степень того и другого непосредственно сказывается на сфере употребления падежного окончания.

⁸⁴ Более удачными представляются термины «синтаксический» вместо «грамматический» и «семантический» вместо «конкретный». Но теория падежей уже и так перегружена терминами, поэтому мы сохраняем привычную терминологию.

Чем больше «наречность» употребления падежа, тем меньше число именных основ, с которыми может сочетаться соответствующее падежное окончание. Аккузатив цели возможен только от существительных (собственных и нарицательных), обозначающих место; аккузатив временной протяженности образуется лишь от существительных со значением «отрезок времени» и т. д. Наоборот, когда конкретный падеж вступает в отношение управления и его окончание утрачивает свое семантическое содержание, сфера употребления этого падежа расширяется, то есть число основ, от которых он образуется, увеличивается. Ясно, например, что у абстрактных существительных окончание локатива не может иметь конкретного (местного) значения: это окончание будет прежде всего и главным образом выступать в роли синтаксического показателя.

Основное различие между грамматическим падежом и конкретными падежами состоит не только в различном смысловом содержании соответствующих окончаний, но и в различии синтаксической позиции по отношению к глаголу. Позиция прямого дополнения является по отношению к глаголу более центральной, а позиция локатива – более периферийной. Иначе говоря, локатив определяет группу, рассматриваемую как относительное единство. Именно потому, что форма аккузатива – это синтаксический показатель связи между прямым дополнением и глаголом, эта связь теснее, чем связь между глаголом и локативом, форма которого имеет самостоятельное конкретное значение без прямой синтаксической функции. Этот локатив подчинен глаголу только благодаря своему наречному значению ... Грамматикализация падежной формы сообщает ей центральное положение среди определяющих глагола; адвербиализация падежа, напротив, отбрасывает его на периферию глагольной группы.

Ясно, что термины центральный и периферийный никак не относятся к порядку слов, который далеко не всегда отражает внутренний порядок слов.

§ 3. До сих пор мы говорили о падежах так, будто существуют только приглагольные (= определяющие глагол) падежи. Однако имеются и другие падежные формы, соответствующие другим синтаксическим функциям.

Существительное может быть в предложении:

- 1) подлежащим;
- 2) приложением (определением) к другому существительному, или предикативом;
- 3) сказуемым;
- 4) косвенным определением глагола или имени.

В индоевропейских языках случаи 1 и 3 соответствуют номинативу, первичной функцией которого является случай 1, а вторичной – случай 3. В славянских языках в функции сказуемого частично выступает инструменталь, в связи с чем возникает семантическая проблема разграничения

номинатива и инструментала. Существительное в роли приложения ведет себя, по сути дела, как прилагательное: оно согласуется с определяемым существительным в падеже (однако не всегда в роде и числе). Падежные окончания существительного-приложения – это чисто синтаксические показатели его подчинения, которое выражается, однако, не просто самим падежным окончанием, а скорее согласованием этого окончания с падежным окончанием определяемого существительного. Можно было бы говорить о специальном «приложительном» падеже (*cas special de l'apposition*), окончание которого выступает в форме нескольких комбинаторных вариантов, зависящих от падежного окончания определяемого существительного. Обзор всех возможных синтаксических функций существительного позволяет увидеть, что случай 4 представляет собой специфическую область употребления падежных форм. В качестве определений к глаголу могут употребляться несколько разных косвенных падежей, один рядом с другим. Поэтому было бы неправильно пытаться определить отношения между падежами, используя повсеместно признанную и применяемую коммутацию, когда речь идет, например, о семантических отношениях между производящими и производными словами или вообще между формами, принадлежащими к одному и тому же синтаксическому классу. Синтаксическое отношение между «замок» и «*маленький замок*» позволяет осуществлять анализ посредством подстановки одной формы вместо другой в любую синтаксическую конфигурацию, например «*Замок горит*»: «*Маленький замок горит*»: «*крыша замка*»: «*крыша маленького замка*» и т. д. Однако две или несколько падежных форм, определяющих глагол, принадлежат в зависимости от их более центральной или более периферийной позиции к различным синтаксическим классам. Выше мы видели, что *Он прыгает на стол* не может быть получено из *Он прыгает на столе* (или наоборот) простой коммутацией *на столе* → *на стол* (или наоборот), потому что *на стол* и *на столе* занимают разные места внутри глагольной группы. Первое выражение можно представить в виде (*прыгает на стол*), а второе – в виде (*прыгает –*) *на столе*, где незанятым остается место центрального определяющего, тогда как в (*прыгает на стол*) не хватает периферийного определяющего. Различие между функциями (значением) производных и семантических категорий вообще, а также между значением падежей и синтаксических категорий вообще – это различие между вертикальными и горизонтальными отношениями, которое можно графически проиллюстрировать следующим образом:

<p>(<i>Он прыгает на стол</i>) в комнате</p>	<p>отношение между <i>на стол</i> и <i>в комнате</i> эквивалентно, причем <i>в комнате</i> эквивалентно с синтаксической точки зрения, выражению <i>на столе</i></p>
--	--

Именно поэтому не следует, определяя синтаксические значения, прибегать к семантическому противопоставлению с нейтральным, позитивным и негативным членами. Хотя попытки дать научно адекватную классификацию падежей весьма ценны, мы не можем принять решения, предложенные Л. Ельмслевом и Р. Якобсоном. Встречаются, правда, и вертикальные противопоставления падежей, например аккузатива и генитива-партитива в польском (и в русском): *Дай нам хлеб* и *Дай нам хлеба*, но уже из французского перевода видно, что это примеры весьма специального семантического противопоставления, которое основано на более существенном синтаксическом различии (между приглагольным аккузативом и применным генитивом).

Уничтожение синтаксического различия между этими двумя падежами, употребление генитива на месте аккузатива, порождает особое семантическое значение, которое является вторичным по отношению к основному различию синтаксических классов (приглагольный падеж : применный падеж). В нашем примере речь идет об оттенках, связанных с употреблением (во французском) артикля, то есть об оттенках, не имеющих синтаксической функции, а затрагивающих скорее семантическое содержание существительного. Аналогичный пример чередование номинатива : инструменталь в роли именного сказуемого в разговорном польском языке. ... Нам кажется, что правильный метод – определять семантические различия, если они есть, исходя из синтаксических различий, но не наоборот. Тогда семантическое значение формы определяется на основе ее первичной синтаксической функции. Поэтому прежде всего надо определить значение или синтаксический класс, характерный для рассматриваемой падежной формы; уничтожение различия синтаксических классов, приводящее к семантическим различиям, – явление низшего порядка.

§ 4. Приглагольные падежи – это именные формы с двумя функциями: 1) конкретной, или наречной, и 2) грамматической. Можно представить себе падеж, имеющий только грамматическую функцию, то есть такую падежную форму, которая выступала бы только в роли прямого дополнения. Однако форма, имеющая лишь наречное значение (все равно синтетическая или аналитическая, то есть предложный оборот), относится к наречиям, а не к падежам. Во всяком случае, мы будем различать два класса приглагольных падежей в зависимости от их первичной функции (эта классификация имеет место применительно к древним индоевропейским языкам):

1) грамматический, или синтаксический падеж – аккузатив прямого дополнения;

2) конкретные падежи, первичная функция которого является наречной или семантической (инструменталь, датив, аблатив, локатив).

Можно было бы полагать, что проблема системы падежей сводится, таким образом, к возможности сгруппировать в соответствии с критерием

семантического противопоставления конкретные падежи, относящиеся к одному я тому же синтаксическому классу. Однако если они и образуют систему, то только систему наречных значений, поскольку во вторичной функции они становятся комбинаторными вариантами грамматического падежа. С другой стороны, было бы чистой случайностью, если бы эти падежи образовывали систему, а не фрагменты системы. Объясняется это двумя причинами.

Прежде всего мы видим (§ 1), что чем бы наречное значение не выражалось – предложным оборотом или «синтетическим» падежом, – это роли не играет, так как предлог не управляет падежной формой, а является всего лишь синсемантической морфемой, подчиненной существительному. Р. Якобсон сам рассматривает предложный падеж (*на столе, в столе* и т. д.) вместе с «синтетическими» падежами. Решающую роль играет функция, а не происхождение. Никто не будет отрицать падежный характер древнеиндийского датива только потому, что эта форма содержит постпозитивный элемент *-a*, который отличает ее от датива местоимений и от датива других индоевропейских языков. Все отыменные наречия и все предложные обороты, которые могут управляться глаголами определенных семантических групп, должны относиться к падежам.

С другой стороны, имеются наречия или предложные конструкции, которые никогда не управляются глаголом. Это и есть истинные наречия. Среди определенных к глаголу они занимают периферийное место; с глаголом эти наречия связаны слабо – только по смыслу⁸⁵. Например, {[глагол + грамматический падеж] + конкретный падеж} + наречие}. Мы видим, что конкретный падеж занимает здесь промежуточное место: он колеблется между наречием и чисто синтаксической формой. Если мы ограничимся его вторичной – грамматической – функцией, то получим форму, представляющую комбинаторный вариант аккузатива прямого дополнения (этот аккузатив является основным вариантом). Во вторичной функции все конкретные падежи изофункциональны и, следовательно, не образуют семантической системы. Если группировать конкретные падежи по их наречным функциям, мы не можем отвлечься от функций всех прочих наречий: ведь конкретные падежи составляют, так сказать, подгруппу наречий, причем эта подгруппа отличается от остальных наречий наличием вторичной функции. Другими словами, как синтаксический класс конкретные падежи, занимающие промежуточное положение между грамматическим падежом и наречиями, составляют особую группу; но если мы приступаем к их систематизации, что возможно лишь в том случае, если мы прибегнем к их наречному значению, мы не сможем рассматривать их иначе, чем подгруппу категорий наречий.

⁸⁵ Если в языке есть абсолютный падеж, то именно он является самым периферийным определением личного глагола.

Поэтому попытки систематизировать конкретные падежи какого либо языка приводят, как мы полагаем, к систематизации продуктивных наречных образований этого языка. Рассматриваемые образования могут быть синтетические или аналитические, но и в том и в другом случае речь идет о наречиях, образованных от существительных, а не от прилагательных. Внутри системы этих образований конкретные падежи с их первичными функциями образуют особый сектор, который характеризуется наличием вторичной синтаксической функции.

Ни один из конкретных падежей не является сам по себе более центральным или более периферийным, чем другой. В предложении *Он работал в этом бюро четыре недели* более центральной может быть как группа *в этом бюро*, так и группа *четыре недели* в зависимости от того, что именно желательно подчеркнуть. Более или менее центральная позиция этих определительных групп перестает быть фактом грамматики и становится фактом экспрессии или стиля. В некоторых языках для передачи подобных стилистических оттенков используется порядок слов. Но порядок слов бессилен там, где суть дела в различии грамматических значений, из которых одно синтаксическое, а другое – семантическое.

Предложенную здесь систематизацию конкретных падежей вряд ли можно считать удачной заменой существующих систем. Ведь среди производных наречных образований конкретные падежи образуют квазислучайную группу, обусловленную вторичными (грамматическими) функциями, которые существуют у конкретных падежей, но отсутствуют у настоящих наречий. Имеется ли для падежей такая схема классификации, которая отражала бы их сущность и иерархию и одновременно их первичные и вторичные функции? Нам кажется, что мы можем ответить на этот вопрос утвердительно.

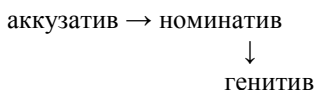
Конкретные падежи занимают в системе падежей подчиненное положение. Скелет системы образуют грамматические падежи, представляющие синтаксические функции. Аккузатив, падеж прямого дополнения, противопоставлен двум другим грамматическим падежам, номинативу и приименному генитиву, следующим образом.

Так как пассивная конструкция основана в индоевропейских языках на активной, то есть так как место номинатива (падеж подлежащего) в системе определяется его противопоставлением аккузативу (падеж прямого дополнения).

Из сказанного не следует, будто инструменталь в свою очередь основан на номинативе, как это может показаться. Трехчленная пассивная конструкция, включающая наряду с объектом действия еще и действующее лицо, отличается от соответствующей активной конструкции только в стилистическом отношении. Лишь двучленная пассивная конструкция имеет грамматическое значение. Отношение инструменталю к номинативу ничем не отличается от отношения любого другого конкретного падежа к номи-

нату. В языках с эргативной конструкцией основное соотношение таково: эргатив (активный падеж) абсолютный падеж, что соответствует противопоставлению субъектно-объектная конструкция : субъектная конструкция, которое в свою очередь соответствует индоевропейской категории залога.

Поскольку, с другой стороны, субъектный генитив и объектный генитив основаны на номинативе и аккузативе, то можно считать: 1) что эта синтаксическая функция первична для генитива и 2) что генитив основан на номинативе и аккузативе, взятых вместе. Графически это выглядит так:

Стрелки указывают направление от основных форм к производным.

Заметим, что субъектный и объектный генитивы служат основой для всех других приименных употреблений генитива, а именно, для партитивного и посессивного генитива (вторичные функции), которые являются конкретными употреблениями, образующими сравнительно поздний с исторической точки зрения слой (известно, например, что в индоевропейских языках притяжательность выражалась главным образом прилагательным). При этом очень важно, что во всех языках посессивный генитив продолжает основываться на субъектном и объектном генитиве вследствие мотивированного характера этого последнего, поскольку группа имя действия + объектный или субъектный генитив всегда происходит от группы личный глагол + подлежащее или прямое дополнение.

Заметим также, что различные приименные употребления генитива (партитивный, посессивный и т. д. генитивы), то есть употребления, вторичные по отношению к субъектному-объектному генитиву, служат способом косвенного определения существительного другим существительным. Прямое определение состоит в том, что определяющее существительное становится путем согласования приложения к определяемому. Это доказывается различием по смыслу между *бог-человек* и *бог человека*, различием между тождеством и отношением.

Тройка грамматических падежей и есть подлинная система индоевропейских падежей. Это основной скелет системы, к которому довольно слабо прикрепляются конкретные падежи; они входят в систему только благодаря вторичной функции в качестве комбинаторных вариантов аккузатива прямого дополнения. По своим же первичным функциям конкретные падежи принадлежат к семантической системе наречных производных (образованных от существительных). Речь идет о четырех падежных формах: инструменталь, датив, аблатив, локатив.

С точки зрения языковой системы конкретные падежи занимают особое положение по отношению к наречиям и к грамматическим падежам. Воз-

никает вопрос, можно ли выделять класс форм, промежуточных между частью речи и флективными формами другой части речи. В качестве довода в пользу этого выделения можно привести следующую параллель: так называемые служебные слова тоже занимают промежуточное положение между двумя классами морфем – автосемантических в синсемантических. В каждом конкретном употреблении выступает та или иная функция, никаких промежуточных положений никогда не бывает. ...В связи с этим закономерен вопрос, почему такая падежная форма, как инструменталь или локатив, является существительным, а не наречием, хотя ее первичная функция – наречная. Ответ следующий: все решается в зависимости от сферы употребления данной морфемы; если наречный суффикс обретает способность присоединяться ко всем существительным (с формальными вариантами или без них), он становится падежным окончанием; если суффикс со значением собирательности обретает способность присоединяться к любой именной основе, он становится окончанием множественного числа.

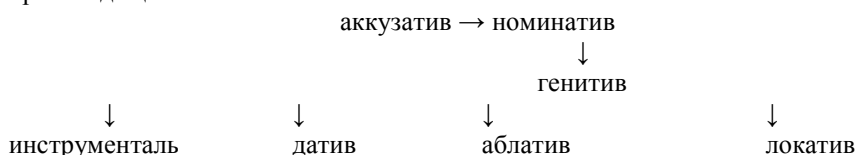
Что касается датива, то грамматическая традиция объединяет его с падежами, имеющими синтаксическую функцию (номинатив, аккузатив, генитив), поскольку он является падежом косвенного дополнения. Термин «косвенное дополнение» оправдан там, где группа глагол + прямое дополнение управляет косвенным падежом. Обычно это бывает датив, обозначающий лицо, которому адресуется действие (*давать кому-либо, говорить кому-либо* и т. д.). Хотя в этих конструкциях датив управляется глаголом, он менее централен, то есть имеет более наречный характер, чем аккузатив, поскольку его употребление ограничено существительными, обозначающими лицо. Помимо употреблений в качестве косвенного дополнения или в качестве падежа, управляемого переходным глаголом, датив выступает как конкретный падеж, основное значение которого соответствует значению предложной конструкции «для кого-либо, для чего-либо». Именно этим значением объясняется употребление застывшего датива имен действия в роли инфинитива.

В стороне остается вокатив. Он имеет апеллятивную функцию, отличную от чисто репрезентативной (символической) функции других падежей. Рассматривать вокатив в той же плоскости, что и другие падежные формы, – значит допускать методологический промах, аналогичный смешению экспрессивного употребления междометий с символической функцией других частей речи. Поэтому первая дихотомия, с которой мы начнем классификацию падежей, отделит вокатив от прочих падежей.

В индоевропейских языках, где, с одной стороны, грамматические падежи (номинатив, аккузатив, генитив) и конкретные падежи (инструменталь, датив, аблатив, локатив) образуются одинаково, то есть с помощью окончаний, и где, с другой стороны, конкретные падежи и предложные конструкции выполняют одни и те же наречные функции, различие между

обеими группами падежей выражено не столь ярко, примером может служить классический арабский, где грамматические падежи являются «синтетическими» (номинатив *-u*, аккузатив *-a*, генитив *-i*), а конкретные – «аналитическими». Некоторые глаголы управляют предложными оборотами, в силу чего предложные обороты становятся настоящими конкретными падежами с первичной наречной и со вторичной синтаксической функцией.

Поскольку грамматические падежи образуют чисто синтаксическую совокупность, каждый конкретный падеж противопоставляется в силу своего наречного значения всей этой совокупности – точно так же, как производное слово противопоставлено совокупности всей парадигмы (= основе) производящего слова:

Все замечания сведены в таблице, помещенной в § 5.

§ 5. Теперь нам остается разобраться в различиях между концепциями вышеупомянутых исследователей и нашими положениями.

И Якобсон и де Гроот, первый на материале русского языка, второй – латинского, стараются подтвердить предлагаемый метод на соответствующих примерах. То же стремимся подтвердить и мы своей схемой индоевропейских падежей, Якобсон (указ, соч., стр. 245) соглашается с Бренданом, который оспаривал синтаксическую природу падежных форм. Мы же, напротив, полагаем, что шагом вперед в этом плане является метод де Гроота. Он пишет (указ, соч., стр. 122): «Мне кажется, что ситуация в действительности несколько более сложна [чем это полагают Ельмслев и Якобсон]. Падежи могут иметь как синтаксические, так и семантические функции... Поэтому всегда приходится иметь дело с двумя системами функций, более или менее самостоятельными».

1. План обращения Вокатив	2. План представления	
	А. 1. Падеж подлежащего: номинатив 2. Приглагольные падежи ⁸⁶ а) грамматический падеж: аккузатив (первичная функция: прямое дополнение; вторичная функция: наречная)	
	б) ⁸⁷ конкретные падежи:	
	инструменталь ⁸⁸ датив аблатив локатив	(первичная функция: наречная; вторичная функция: синтаксическая)
	Б. Приименные падежи: а) грамматический падеж: генитив (первичная функция: субъектный или объектный генитив; вторичная функция: партитивный, посессивный и др. генитивы ⁸⁹) б) конкретные падежи	

Другое важное положение де Гроота, тесно связанное с предыдущим, – это различие центральных и периферийных позиций различных приглагольных падежей: «В предложении, содержащем существительные в различных падежах, управляемый аккузатив является первым по отношению к глаголу, управляемый датив – вторым, управляемый аблатив – третьим... Далее де Гроот признал преимущественно грамматический (синтаксический) характер генитива: «множество «значений» генитива объясняется отсутствием значения».

⁸⁶ У приглагольных падежей синтаксическая зависимость выражается либо непосредственно – формой окончания, которое является тогда простым синтаксическим показателем (грамматический падеж), либо косвенно – наречным значением, которое падежная форма приобретает благодаря окончанию (конкретные падежи).

⁸⁷ Употребление конкретных приглагольных падежей в качестве приименных определений, более или менее распространенное в различных языках, основывается на следующем развитии: личный глагол + конкретный падеж → имя действия или отглагольное прилагательное + конкретный падеж → имя существительное или прилагательное + конкретный падеж.

⁸⁸ Вторичная функция инструменталю – соперничество с номинативом за роль именного сказуемого (в славянских языках), благодаря чему инструменталь проникает в позицию предикатива.

⁸⁹ Вторичная функция генитива – это наречное употребление в качестве прямого дополнения, причем генитив семантически противопоставлен аккузативу.

Наконец, де Гроот правильно подметил общую тенденцию развития: «Вообще говоря, эволюция элементов, подобных падежу, такова: сначала они имеют только семантическую функцию, потом – семантическую и синтаксическую функцию, наконец – исключительно синтаксическую функцию». В наших терминах это выглядит так: наречие (производное от существительного) или предложный оборот → конкретный падеж → грамматический падеж.

У Р. Якобсона различие между сильноуправляемым и слабоуправляемым аккузативом не определено формальным образом. А ведь это различие между синтаксическим и в то же время центральным, с одной стороны, и семантическим и в то же время периферийным – с другой. Мы не можем также согласиться с Якобсоном, когда он говорит об аккузативе и номинативе как о маркированном и немаркированном членах семантического противопоставления, в то время как там имеет место противопоставление синтаксического характера.

Якобсон пишет: «Вопрос об основных значениях надежей принадлежит учению о слове, а вопрос о частных значениях падежей – учению о словосочетании; основное значение падежа независимо от его окружения, в то время как его отдельное(-ые) значение(-я) являе(ю)тся, так сказать, комбинаторными вариантами основного значения».

Однако есть семантический контекст и синтаксический контекст, между которыми существует значительное различие. Когда конкретный падеж, выступая в роли прилагательного определения, становится наречием, здесь сказывается воздействие синтаксического контекста.

Ряд различий, установленных Р. Якобсоном, относятся к области стиля и поэтому являются вторичными, подчиненными грамматическим фактам.

Самые слабые места различных трудов – неудачный анализ предложных оборотов, отсутствие отчетливого различения первичной и вторичной функции (в смысле, определенном в § 2), наконец, отсутствие формально-го обоснования предлагаемых схем.

Что же касается двух последних авторов, то из предшествующего положения ясно, что точка зрения де Гроота гораздо ближе к нашей, чем Р. Якобсона. Де Гроот различает внутри группы «падежи с синтаксической функцией» две подгруппы: «падежи без семантической функции» (грамматические падежи) и «падежи с семантической функцией» (конкретные падежи). Синтаксическая функция конкретных падежей вытекает из их семантического (наречного) содержания, в то время как грамматические падежи с самого начала имеют первичную синтаксическую функцию. Функции обоих видов, семантические и синтаксические, присущи плану представления (символизации), который противопоставлен плану обращения (вокатив).

Кроме того, как кажется, формула «номинатив – не определяющее, аккузатив и генитив – определяющие» не отражает подлинных взаимоотно-

шений между грамматическими падежами. Критерии противопоставления не следует выбирать произвольно: они должны быть формальны, то есть диктоваться самим языком. Язык же представляет, с одной стороны, альтернативу аккумулятива (прямого дополнения) и номинатива в зависимости от залога, с другой стороны – альтернативу номинатива и аккумулятива (прямого дополнения) с субъектным и объектным генитивом, в зависимости от отглагольного словообразования. Относительные операции указывают нам направление зависимостей и одновременно – соответствующие дихотомии. Аккузатив и номинатив вместе служат основанием для генитива, причем сам номинатив основан на аккумулятиве.

Наконец, подразделение отношения без локализации: отношение места, которое де Гроот ввел для конкретных падежей, является нерелевантным, поскольку эти падежи, как мы видели, связаны с системой только своей вторичной (синтаксической) функцией. По своей первичной функции они принадлежат к семантической системе наречий.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В чем состоит особенность анализа падежных оборотов?
2. Является ли наличие предлогов, управляющих несколькими падежами, доказательством самостоятельности этих падежей? Почему?
3. Что такое первичная и вторичная функция? Как применить понятия первичной и вторичной функции к анализу падежей?
4. Какие падежи Е. Курилович называет грамматическими? конкретными? Что придает конкретному падежу наречный характер?
5. Какие функции являются первичными для грамматических падежей? для конкретных падежей?
6. Приведите примеры выполнения конкретными падежами синтаксических функций?
7. Чем сопровождается переход от первичной ко вторичной функции?
8. В чем состоит основное различие между грамматическим и конкретными падежами
9. Что такое грамматикализация? адвербиализация?
10. Что такое приглагольные падежи? Какие из них занимают главное, а какие подчиненное положение в системе языка?
11. Что такое приименные падежи? Какие из них являются грамматическими, а какие семантическими?
12. Какие три падежа, по мнению Е. Куриловича, являются основными в индоевропейских языках? Как они образовались?
13. Каково место дательного падежа в системе падежных форм?
14. Почему автор отделяет вокатив от прочих падежей?

Ширяев Е. Н.

**УПРАВЛЕНИЕ КАК ТИП СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ:
ПОИСК И РЕШЕНИЯ⁹⁰**

*«Легко заметить, что в пределах
каждого из трех видов связей –
согласования, управления и примыкания –
объединены очень далекие
и очень различные синтаксические
явления и отношения».*

(В. В. Виноградов)

Во «Введении» к синтаксическим частям «Грамматики русского языка» в разделе «Характер и виды синтаксических отношений между словами в словосочетании сравнительно с предложением», откуда взят эпиграф⁹¹, В. В. Виноградов, подводя некоторые итоги обозначенной в заглавии проблемы в традиционном синтаксисе, показал, что не существует ее удовлетворительного решения. Соглашаясь в целом с выводами А. А. Потемни о том, что «связь между дополняемым и дополнением может быть теснейшая и более отдаленная» и что, следовательно, различие сильного и слабого управления имеет основания, В. В. Виноградов в то же время отмечает, что, имея в виду такие сочетания, как страх перед грозой, робкий перед учителем, робеть перед экзаменатором и т. п., содержание термина слабое управление «крайне расплывчато» «Вместо термина, – не без иронии замечает В. В. Виноградов, – перед нами маловыразительная метафора»⁹².

Критика традиционного понимания управления В. В. Виноградовым породила ряд концепций этого и других типов связи. В центре этих исканий стоят такие вопросы: определение самой сути понятий сильного и слабого управления и границы между ними, определение понятия именно-го примыкания и его границы со слабым управлением. Цель статьи – попытаться определить некоторые, как кажется, наиболее перспективные решения в этой области и сформулировать в связи с этими решениями свое видение некоторых явлений.

В решении названных вопросов можно выделить три направления. Е. С. Скобликова справедливо подчеркнула, что понять суть управления вообще и разных его типов можно только в том случае, если принять во внимание лексическое значение главного слова и характер семантического взаимодействия между ним и зависимым словом. По ее мнению, различие

⁹⁰ Текст печатается по: Ширяев Е.Н. Управление как тип синтаксической связи: поиски и решения // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). М., 1995. С. 415–420.

⁹¹ Грамматика русского языка Т. II. ч. I. М., 1960. С. 23.

⁹² Там же. С. 27.

сильного и слабого управления основано на мере участия лексического значения господствующего слова в выражении тех смысловых отношений, которые передаются в словосочетании⁹³. Нет сомнения в том, что названные Е. С. Скобликовой факторы действительно существенны для дифференциации типов управления. Многие наблюдения автора над конкретным материалом убедительны. Однако нельзя не отметить и того, что полной концепции управления, последовательно реализованной на всем материале, автор не дал. Не отказываясь от понятия сильного и слабого управления, Е. С. Скобликова только наметила механизм их разграничения, оставив как бы его полную реализацию на будущее.

Более цельным и концептуальным представляется осмысление управления у В. А. Белошапковой. В. А. Белошапкова исходит из убеждения, что в понятии сильного и слабого управления заложены пересекающиеся между собой признаки, которые необходимо развести по разным оппозициям. Выделяются три оппозиции: предсказуемость / непредсказуемость; обязательность / необязательность; собственно синтаксическая / семантико-синтаксическая связь. Оппозиция предсказуемость / непредсказуемость связи основана на способности главного компонента определять форму зависимого слова. Оппозиция обязательность / необязательность определяет «жесткую необходимость, регулярность или, напротив, только возможность, нерегулярность» появления зависимого компонента определенной семантики, но не его формы⁹⁴. Оппозиция собственно синтаксическая / семантико-синтаксическая связь основывается на концепции значения падежных форм Е. Куриловича: абстрактных, или синтаксических, и конкретных, или лексических. Считается, что собственно синтаксические отношения целиком складываются на основе грамматической семантики зависимого компонента, в то время как семантико-синтаксические отношения складываются на основе лексического значения зависимого компонента⁹⁵. К числу первых В. А. Белошапкова относит отношения ближайшего объекта (*читать книгу*), агентивные (*ему не спится*) и отношения предмета к предмету (*комната детей*), к числу вторых отнесены специализированные объектные отношения (*писать другу*), и разнообразные обстоятельственные отношения (*читать у окна*).

Свою концепцию синтаксических связей предлагает Н. Ю. Шведова⁹⁶. В этой концепции, в отличие от концепции В. А. Белошапковой, сохране-

⁹³ Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. М., 1971. С. 67–68.

⁹⁴ Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977. С. 48–53.

⁹⁵ Курилович Е. А. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. М., 1962.

⁹⁶ Русская грамматика. Т. II. М., 1980.

ны понятия сильной и слабой связи. Следует признать, что, как кажется, впервые эти понятия определены в целом непротиворечиво. Н. Ю. Шведова исходит из того, что при всех видах подчинительной связи между словами в словосочетании устанавливаются отношения одного из трех типов: объектные (*писать письмо, сердит на сына*), определительные с подразделением их на собственно-определительные (*новый парк*) и обстоятельственно-определительные (*ехать на большой скорости*); восполняющие (*начать учиться*). «При сильной связи, – считает Н. Ю. Шведова, – всегда реализуются восполняющие или объектно-обстоятельственно-восполняющие или объектные отношения, а также нерасчлененные объектно-восполняющие отношения... При слабой связи реализуются определительные отношения»⁹⁷. Кроме того, выделяются сочетания, в которых признаки сильной и слабой связи совмещаются: «это – все случаи, когда в возникающих отношениях совмещаются значения объектное и определительное (*лечиться уколами*)... или восполняющее и определительное (*находиться поблизости*)»⁹⁸. Выделяет Н. Ю. Шведова и именное, или падежное примыкание, при котором «возникают отношения определительные, субъектно-определительные или – при информативно недостаточных словах, требующих обстоятельственного распространителя, – обстоятельственно-восполняющие (*находиться на берегу, числиться на заводе, обойтись в сто рублей, задолго до рассвета*)»⁹⁹. Падежное примыкание при информативно недостаточных словах признается сильной связью.

Как кажется, концепции связи и В. А. Белошапковой, и Н. Ю. Шведовой, несмотря на их внутреннюю непротиворечивость, имеют «узкие» места. В типологии связи управления у В. А. Белошапковой остается не вполне ясным соотношение оппозиции предсказуемость / непредсказуемость и собственно синтаксические / семантико-синтаксические связи. Обращает на себя внимание тот факт, что предсказуемость сопровождает собственно синтаксические отношения, а непредсказуемость – семантико-синтаксические. И только в одном случае из четырех возможных предсказуемая связь выступает при семантико-синтаксических отношениях. Речь идет о примерах типа *войти в комнату*, где форма *в + винительный падеж существительного* предсказана приставкой главного слова – глагола *войти*. Можно ли на основании этого единственного случая думать, что оппозиция предсказуемость / непредсказуемость действует вне зависимости от оппозиции собственно синтаксическая/семантико-синтаксическая связь? Если независимость действия оппозиций собственно синтаксические / семантико-

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

синтаксические связи совершенно очевидна, то в отношении оппозиции предсказуемость / непредсказуемость такой очевидности нет.

В концепции Н. Ю. Шведовой большие трудности вызывает установление комплексных типов смысловых отношений и переходных случаев. Если не предложить некоторых достаточно строгих операций по их определению – а таких операций не предложено – то интерпретация многих смысловых отношений в словосочетаниях становится несколько интуитивной, что для научного описания, конечно, не желательно. Был проведен следующий несложный эксперимент. Слушателям ФПК филологического факультета МГУ, состав которых был разным в разные годы (причем только тем, кто принял концепцию «Русской грамматики» и работал по ней в вузах) предлагался список взятых из «Русской грамматики» 30 словосочетаний с просьбой определить характер смысловых отношений в них, распределив тем самым по группам сильного и слабого управления и примыкания. Всего за три года были получены 19 ответов. Среди них не было ни одного со стопроцентным соответствием «Русской грамматике». Процент несоответствующих ответов составил в среднем 15%.

Далее будет предложена попытка такой интерпретации управления, которая, как мне кажется, поможет снять некоторые отмеченные трудности в описании. Интерпретацию управления можно представить как ответ на вопрос: что нужно знать, чтобы точно вы брать форму зависимого слова. Если окажется, что для спорных случаев эти знания разные, то есть основание такие случаи развести по разным типам связи. Примем в качестве эталонных словосочетаний *читать книгу* (бесспорно сильная, предсказуемая связь с собственно синтаксическими отношениями) и *гулять в лесу* (спорная связь, либо слабое управление, либо именное примыкание).

Для определения форм зависимого слова в словосочетании читать книгу необходимы и достаточны следующие сведения: (а) лексико-семантические характеристики главного слова; (б) задаваемые от главного к зависимому слову смысловые отношения; (в) частеречная принадлежность зависимого слова. Необходимость сведений о лексико-семантическом характере главного слова показывает сопоставление таких пар, как *читать книгу* и *думать о книге (про книгу)*, в которых при прочих равных условиях формы зависимого слова различны. Необходимость сведений о частеречной принадлежности зависимого слова доказывается также весьма элементарно: если зависимым словом при объектных отношениях является инфинитив, а не существительное (*любить гулять в лесу* и *любить прогулки в лесу*), то управление уступает место примыканию.

Непредсказуемость зависимого слова в словосочетании *гулять в лесу* обычно доказывается тем, что то же самое обстоятельство места может быть передано многими другими формами зависимого слова, ср.: *гулять по набережной (около озера* и т. п.). Представляется, что такое множество форм зависимых слов не может служить достаточным доказательством их

непредсказуемости. Если определять характер связи в словосочетании *гулять в лесу* по набору сведений, необходимых для выбора зависимого слова, то окажется, что этот набор и характер сведений в принципе тот же, что и для словосочетания *читать книгу*. Необходимость сведений о лексической семантике главного слова и частеречной принадлежности зависимого слова очевидны. Менее ясен вопрос о характере смысловых отношений между главным и зависимым словом. Если между главным и зависимым словом в словосочетании *гулять в лесу* задать отношения просто обстоятельственные или обстоятельства места, то есть отношения примерно того же уровня абстракции, что и объектные отношения в словосочетании *читать книгу*, то, действительно, форма зависимого слова непредсказуема. Однако эти отношения можно конкретизировать до такой степени, что форма зависимого слова окажется полностью предсказуемой. Чаще всего для этого надо истолковать соответствующее значение предлога. Так, если при глаголе *гулять* необходимо обозначить место-пространство, внутри которого что-либо происходит (ср. толкование предл. *в* в значении 1.1.)¹⁰⁰, то форма существительного, обозначающая именно такое пространство, полностью предсказуема: *в + предложный падеж существительного*. Исходя из этого, можно сделать следующие выводы.

Решающей для интерпретации управления является оппозиции абстрактные собственно синтаксические отношения / конкретные семантико-синтаксические отношения.

Оппозиция предсказуемость / непредсказуемость представляется не вполне корректной, поскольку в принципе предсказуемы все падежные и предложно-падежные формы зависимых существительных, что, между прочим, не исключает вариативности форм: *думать о книге (про книгу)*. Верно только то, что в одних случаях (*читать книгу*) характер задаваемых смысловых отношении является предельно абстрактным, а в других (*гулять в лесу*) – предельно конкретным.

Словосочетание *войти в комнату* в плане оппозиции предсказуемость / непредсказуемость отличается от *идти в комнату* только тем, что конкретное обстоятельственное значение места, заданное значением предлога *в*, дублируется значением приставки главного слова. Разумеется, полезно выявить все случаи такого дублирования, не прибегая при этом к терминам предсказуемость / непредсказуемость. Оппозиция дублированные приставкой главного слова смысловые отношения / недублированные должна рассматриваться «внутри» семантико-синтаксических отношении.

Чтобы избежать интуитивности и разнобоя в определении конкретных семантико-синтаксических отношений, необходимо создать особый мета-язык для их описания.

¹⁰⁰ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 65.

Идентичность операций по нахождению формы зависимого управляемого слова и при собственно синтаксических отношениях, и при конкретных семантико-синтаксических отношениях позволяет отказаться от понятия именного примыкания.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие три направления выделяет Е. Н. Ширяев в связи с проблемой разграничения сильного / слабого управления? Охарактеризуйте их.
2. Какие проблемы усматривает автор в типологии связи управления у В. А. Белошапковой? Н. Ю. Шведовой?
3. Какие сведения необходимы и достаточны для определения форм зависимого слова в словосочетании *читать книгу*? Совпадают ли они со сведениями, необходимыми для подобной процедуры со словосочетанием *гулять в лесу*? Почему?
4. Какая оппозиция оказывается решающей для интерпретации управления?
5. Почему оппозиция предсказуемость / непредсказуемость представляется автору не вполне корректной?
6. Что позволяет отказаться от понятия именного примыкания?

Никитин В. М.

СИСТЕМА ГЛАГОЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹⁰¹

Предысторией постановки данного вопроса является, во-первых, встречающееся в последнее время извращенное понимание управления, ведущее к смешению его с примыканием, что создает в свою очередь извращенное понимание и другого типа связи слов, – примыкания, а, во-вторых, получившее широкое распространение отрицательное отношение к установившемуся делению управления на сильное и слабое. Это деление не оправдало себя, так как оно, будучи очень схематичным, не раскрывает функциональных особенностей и функциональных разновидностей управления, а раскрытие это было бы чрезвычайно важно и, думается, конечно, продуктивно.

Кроме того, уже в момент возникновения это деление проведено было грубо, нечетко, приблизительно, механистически. В учении проф. Пешковского в систему сильного управления попали некоторые явления, не обладающие признаками сильного управления. Например, управление при глаголе «лежать». Надо также сказать, что сами термин сильное и слабое управление мало о чем говорят, не отвечают природе обозначаемого: значения слов «сильно» и «слабо» не соответствуют содержанию и состоянию предполагаемых двух типов управления. В целом такое деление не учитывает взаимосвязи и взаимообусловленности формы и содержания в языке. К тому же оно берется вне предложения. Обычно, критикуя учение о сильном и слабом управлениях, ученые высказывают скептическое отношение к нему, ничего не предлагая взамен. Целью данной работы является – предложить особый, структурно-функциональный анализ управления, дать новую его классификацию.

Анализ управления в структурно-функциональном плане соответствует стремлениям раскрыть устанавливаемую сейчас в лингвистике субстанцию языковых явлений, а потому его надо считать крайне необходимым, потому что управление – существенное явление синтаксиса, имеющее свое особое назначение, явление большей частью монополярное, без видимых конкурентов. Разновидности управления, – которые мы будем рассматривать, – это разновидности его назначения.

Два слова о понимании управления. Думается, что наиболее точным было бы понимание управления как функционально обусловленной связи слов, осуществляемой через формы косвенных падежей с предлогами и без предлогов, выражающих определенные синтаксические отношения между словесными единицами в их синтаксическом функционировании.

¹⁰¹ Текст печатается по: *Никитин В. М. Система глагольного управления в русском языке // Вопросы синтаксиса русского языка. Рязань, 1976. С. 3–18.*

В этом плане в системе управления возможно выделение таких функциональных разновидностей управления, как

- объектное;
- субъектное;
- локальное, или пространственное;
- темпоральное;
- каузальное

и другие случаи управления с разновидностями релятивной семантики. Подобные разновидности управления есть во всех языках, имеющих систему управления.

Я остановлюсь на глагольном управлении, составляющем основную атмосферу этого типа связи слов, самую его существенную часть, сторону, тем более, что, например, присубстантивное и особенно приадективное управление чаще всего является зависимым от глагольного, производным от приглагольного.

Характерно, что в последнее время формы косвенных падежей, выполняющие функцию связи слов, пытаются делить на управление и примыкания. К последнему обычно относят сменяемые (варьирующиеся) косвенные падежи.

Понимание их не как примыкания, а как управления и сменяемых форм связи в виде косвенных падежей точнее:

Во-первых, при таком понимании учитывается внешнее проявление степени смысловой связи слов (это более объективный подход).

Во-вторых, устанавливается, чем определяются разные формы зависимых слов, чем определен выбор того или иного падежа.

В-третьих, это логично для постановки управления рядом с согласованием: если при согласовании берется во внимание именно формальная сторона (согласование в роде, числе и падеже), а не степень спаянности слов и не тип смысловой связи слов, то и в управлении надо иметь в виду формальную сторону, а формальная сторона может быть одна у сильного и слабого управления, если обратиться к этим терминам. Значение же в этих случаях будет разное. Достаточно сравнить объектное управление с пространственным на примерах «надеяться на Кавказ» и «направляться на Кавказ». Если взять слово «Сибирь», то получится в первом случае формальная адекватность, а во втором различие (*в Сибирь*). Это обусловлено функциональным различием.

В системе управления объектное и субъектное по функции управление может быть противопоставлено всем остальным его функциональным разновидностям как управление, имеющее в каждом случае функционирования единственную форму связи.

Ср. *рублю дрова, надеюсь на друга* (объектное); *брату нездоровится, ему не повезло* (субъектное).

Варьирование здесь невозможно. В других же разновидностях возможно варьирование, границы которого различны в различных случаях.

Особенно легко подвергается варьированию управление с каузальной (причинной) функцией. *Не явился по болезни, ввиду, по причине, вследствие, из-за болезни* и т. п.

Разновидности управления в предпринятом нами плане определяются типом глагола и характером назначения управляемого косвенного падежа.

Целесообразно выделить восемь разновидностей управления с учетом функции и поведения форм, а особенно дистрибутивных и трансформационных свойств:

- 1) устойчивое (объектное);
- 2) избирательно-переменное (пространственное);
- 3) неустойчивое (устранимо-варьирующееся, по функции охватывает все релятивные значения);
- 4) устойчиво-варьирующееся (при изъяснительных глаголах);
- 5) обратимое (субъектное);
- 6) устранимо-дифференцирующее (это в.п., обычно означающий предмет, возникающий в результате действия, при глаголах *писать, рисовать, читать, танцевать, петь*);
- 7) вспомогательное (д.п., синонимирующий с р.п. с предлогом «для», обозначающим лицо, для которого совершается действие); дополнительное к в.п. объекта;
- 8) двойное (термин проф. Пешковского), с частично дифференцирующим значением, представляющее собой параллелизм в.п. и р.п. (при *искать, давать, просить, выпить*).

Каждую из этих разновидностей можно найти в любом языке, имеющем развитую систему предложно-падежных конструкций, в том числе и в немецком языке. Здесь методика выделения указанных разновидностей управления столь же важна, как и в славянских языках.

Перейдем к краткому анализу каждой разновидности. Подробнее всего необходимо остановиться на первой разновидности, т. е. на **устойчивом управлении**, которое по своим свойствам стабильности может быть противопоставлено всем остальным семи разновидностям. Это управление характеризуется двусторонней детерминированностью: не безразличны ни тип глагола, ни тип косвенного падежа.

Возьмем три примера: *вода размывала плотину / учитель руководит кружком / мы отказались от помощи*. В примерах мы встречаем прямое дополнение и два косвенных. Все три носят объектный характер. Все три явления обязательными компонентами предложения.

Из примеров видно, что обязательный характер могут иметь и прямое и косвенное дополнение. Следовательно, можно, продолжая идеи ак. Мещанинова, который в книге «Части речи и члены предложения», подчеркивая устойчивый характер прямого дополнения, склонен был счи-

тать его третьим главным членом предложения, считать таковым и косвенное дополнение.

Косвенное дополнение в формах устойчивого управления, наполненных объектным содержанием, т. е. выражающее объектные отношения, тоже является обязательным третьим (если иметь в виду подлежащее и сказуемое) членом предложения.

Более того, анализируя систему устойчивого управления, можно найти четырехкомпонентные предложения с обязательным минимальным составом в виде четырех членов предложения, что можно увидеть на следующем примере: *Я лиру посвятил народу своему* (Некрасов); *Поэт посвятил поэму жене*.

Здесь в обоих предложениях по два дополнения (прямое и косвенное). Они оба столь же обязательны для полноты каждого из этих предложений, сколь и главные члены.

Встречаются и предложения с двупадежным устойчивым управлением, содержащие два косв.доп.: *Я пожелал другу успеха; Я отказал другу в помощи*.

В двупадежной устойчивом управлении оба падежа носят неперемennyй характер.

Итак, косвенные падежи устойчивого управления, как можно было легко догадаться, составляют собой минимальное обязательное окружение глагола.

Возьмем предложение «*в среду я с охотой подарил другу книгу*». В этом предложении 4 формы косвенных падежей. Из этих 4 случаев управления первые два легко опускаются без ущерба для структуры фразы. Остается такой обязательный состав, минимум: *Я подарил книгу другу*.

Из примера видно, что здесь минимальное окружение глагола носит объектный характер, а максимальное – обстоятельственный.

Из наблюдений следует, что формы устойчивого управления являются обязательным компонентом предложения. Без них получились бы структурно не завершенные модели. Можно установить, что в разных случаях для завершения модели необходимы различные падежи. Вот несколько примеров:

Ректор вызвал...

Мы позаботились...

Я интересуюсь...

Мы отказались...

Они издевались...

Он просится...

Проследим, чего не хватает в этих моделях. Возможны модели, нуждающиеся одновременно в двух падежах:

Он разочаровал (кого – в чем) – прямое и косвенное дополнение.

Он намекнул (кому – на что) – два косвенных дополнения.

По типу управляемых существительных можно выделить 3 типа устойчивого управления:

1. С одушевленным и неодушевленным существительным (на выбор): *разочароваться (в ком, в чем), привыкнуть (к кому, к чему)*.

2. Только с одушевленными: *доверять (кому), поссориться (с кем)*.

3. Только с неодушевленными: *научиться (чему), захотеть (чего), признать (в чем)*.

Устойчивое управление распределяется по падежам:

– Родительный падеж с предлогом и без: *бояться (кого, чего), отвыкать (от кого, от чего)*;

– Дательный падеж: *опротиветь (кому), удивляться (чему), научиться (чему), дремлет (кому), нездоровится (кому), привыкнуть (к кому, к чему)*;

– Винительный падеж, в том числе и с предлогом: *надеяться (на кого, на что), заступиться (за кого), влюбиться (в кого, во что), походить (на кого, на что), рассчитывать (на что)*;

– Творительный падеж: *увлечься (кем, чем), обосновать (что, чем), наслаждаться (чем), издеваться (глумиться) (над кем, чем), извиниться (перед кем), поссориться (с кем)*.

– Предложный падеж: *заботиться (о ком, о чем), беспокоиться (о ком, о чем), разочароваться (в ком, в чем), основать (что на чем), убедиться (в чем), признаться (в чем), разбираться (в чем), нуждаться (в чем)*.

После выделения беспредложного управления по каждому падежу более тонкую методику выделения моделей устойчивого управления составили бы перечни внутри каждого падежа форм с теми или иными отдельными предлогами, например, для родительного падежа управляющие глаголы, требующие родительного падежа с тем или иным предлогом: *от, из, с, без, из-за, из-под* и т. п.

После этого следует перейти к моделям с глаголами двупадежного минимального управления.

В системе двупадежного управления устойчивого характера можно проследить наиболее типичные и развитые модели: винительный падеж + дательный падеж: *подарить, посвятить, доверить, дать, вручить (что-кому)*.

Характерно, что залоговые образования могут устранить двупадежное управление: *обменять (что на что), но обменяться (чем), приучить (кого к чему), но приучиться (к чему)*.

Залоговые образования могут менять и характер обычного устойчивого управления: *Я встретил брата. / Я встретился с братом. / Я разозлил собаку. / Я разозлился на собаку*.

Следует обратить внимание, что здесь раскрываются два случая переделок: 1) с относительным равенством (первая переделка); 2) с выражением обратных (обратно направленных) отношений (вторая переделка).

В моделях с двупадежным управлением в отдельных случаях один из падежей может быть заменен инфинитивом; это обычно при глаголах *велеть, обещать, позволить, разрешить, приучить, отучить, запретить* по моделям «что кому»: *Отец отучил сына от курения / курить; Отец запретил сыну курение / курить.*

Из примеров видно, что заменяться может и косвенный падеж прямого дополнения и косвенный падеж косвенного дополнения но объектный инфинитив, поскольку действие, названное им, относится к объекту (*сына, сыну*).

Проявление объектного инфинитива, а не субъектного, определено здесь характером глагола и отношением действия субъекта к объекту.

Наблюдается, что характер управления могут менять и приставочные образования: *отучить (кого от чего), приучить (кого к чему), оплатить (что), заплатить (уплатить) (за что).*

Итак, устойчивое управление – не просто необходимая связь, но необходимая в единственной форме (не варьирующаяся и не поддающаяся исключению из предложения).

В устойчивом управлении только первообразные предлоги. Устойчивое управление может быть выделена как необходимый элемент: *Не нагнать тебе бешеной тройки. Вам не видать таких сражений.* Если с одной стороны взять управляющие глаголы, вызывающие устойчивое управление, а с другой – косвенный падеж устойчивого управления, то можно вскрыть строгую закономерность в распределении материала, в характере соотношений, соответствий.

Разные формы косвенного падежа распределяются между разными группами глаголов в строгой последовательности и системе: определенным глаголам соответствуют определенные формы косвенных падежей; каждый глагол характеризуется своим типом управления.

Перейдем ко второй разновидности управления – к **избирательному управлению**. Оно свойственно глаголам движения и его адекватам. Возьмем пример: *Брат выехал в Ленинград*. Об избирательном характере этого управления можно судить по тому, что форма косвенного падежа избирается в зависимости от направления движения. Возможно рядом с формой «*в Ленинград*» построение противоположного содержания: «*Брат выехал из Ленинграда*». Данное управление имеет несколько свойств. Отметим пять:

Первое свойство – варьирование форм (дублеты): *Еду в Ленинград, за Ленинград, под Ленинград* (в противоположном смысле *из Ленинграда, из-за..., из-под...*).

Второе свойство – оппозиция форм: *Еду а Ленинград / из Ленинграда*.

Третье свойство – комбинирование форм: *Еду из города в деревню. / Еду из Бухареста в Рязань. / Приехал в Бухарест из Рязани.*

Четвертое свойство – сопровождение наречием, в частности, при комбинировании – *Еду из Ленинграда домой, еду в Ленинград, домой.*

Пятое свойство – комплекс, имеющий два косвенных падежа, может быть дополнен третьим, означающим место движения: *Еду в деревню из города через лес (лесом).* (Этот компонент варьируется).

Формальное и семантическое варьирование в системе данного управления замкнуто в круг определенного общего смысла и обнаруживается в пределах синтаксического параллелизма, а не идет по линии синтаксической синонимии. Для релятивной семантики в формах «*в Ленинград*» и «*за Ленинград*» один, а пространственная конкретизация разная.

Следует также отметить, что в системе рассмотренного управления наблюдается известное соотношение приставок и предлогов (*вы-из, в-в, на-на, за-за, от-от* и т. п.): *выехать из города, въехать в город, захватить за город, отъехать от города* и т. п.

Модели с устойчивым и избирательным управлением могут быть одинаковы, но с точки зрения порождающей грамматики они резко отличаются (в них различна, например, судьба предлогов «*в*» и «*на*»). Возьмем – «*Надеюсь на курорт... на... на...*» (здесь годятся только слова с предлогом «*на*»), и «*направляюсь на курорт*» / *в* (здесь годятся оба предлога: «*на*», «*в*»), или «*влюблен в город*», (здесь годится только предлог «*в*»), и «*отправляюсь в город*» / *на* (годятся оба предлога).

Первая модель неподвижна, вторая подвижна. Возьмите слова в косвенном падеже из первой пары, перенесите во вторую и наоборот: *надеюсь на город, направляюсь в город // влюблен в курорт, отправляюсь на курорт.*

Обратимся к третьей разновидности управления, которое мы назвали **неустойчивым**. Оно представляет собой прямую противоположность устойчивого, в отличие от которого может варьироваться или быть устраненным. Если устойчивое управление зависит от типа глагола, то неустойчивое не зависит. Функционально – это управление с обстоятельственными функциями, оно выражает отношения (время, причина, цель, условие, образ, способ, сравнение, ограничение и т. п.). Изъятие косвенного падежа неустойчивого управления не приводит к структурному разрушению предложения.

Возьмем два примера. *Дети у крыльца дразнили собаку. Солила на зиму грибы.* Здесь по 2 косвенных падежа: устойчивого и неустойчивого управления. Нельзя снять «*собаку*» и «*грибы*». Можно – «*у крыльца*» и «*на зиму*».

Итак, избирательное управление в отличие от устойчивого – относительно необходимая связь, избирательная по форме (избираемая из числа нескольких возможных форм в соответствии с характером направления движения, местоположением начального или конечного пункта движения).

Направления выражают предлоги *в, на, из, с*, а местоположение *в, на, за, под*.

Неустойчивое управление носит вставочный характер. Оно вводится в предложение по необходимости выразить те или иные отношения.

В предложении «Дети у крыльца дразнили собаку» возможны и другие компоненты на месте «у крыльца»: 1) по линии пространственных отношений: *за крыльцом, под крыльцом, перед, около, над...*; 2) по линии релятивных отношений другого характера: *в среду, с утра, по глупости, с азартом (с усердием); без цели, без результата, палкой* и т. п.

Неустойчивое (устраняемое) управление систематически соотносится с примыканием. Есть несколько случаев такого соотношения: 1) синонимическая замена: *с усердием работал // усердно работал*; однородность: *пишет грамотно и без помарок*; уточняемость (пояснение): *шьет иглой, вручную; стоит слева, у стены*; обобщение: *шьет по-разному: то на машинке, то иглой*; смежность, соотношение по соседству (в соседней модели): *Мать шьет на машинке, а сестра вручную*. (Явление координации).

Неустойчивое управление в отличие от устойчивого и избирательного способно занимать позицию при глаголах любой семантики. Кроме того, надо иметь в виду, что оно соединимо и с теми глаголами, с которыми несоедими устойчивое и избирательное, как, например, с глаголами состояния – *спать, дремать, стареть, вянуть* и т. п. С последними глаголами охотнее всего соединяется неустойчивое управление с причинной (каузальной) семантикой. Ср. *Ворона умирает от жажды*. Но может быть и другая семантика, вплоть до пространственной: *Ворона умирает в саду (у забора)*.

Таким образом, неустойчивое управление, составляя прямую противоположность устойчивого, зависит не от типа управляемого слова, а от характера выражаемых отношений. В системе неустойчивого управления берется любая из форм, способных выражать заданные отношения, т. е. предусмотренные целью высказывания.

Кроме того, следует отметить, что при устойчивом управлении ряд однородных членов предложения всегда формально однотипен, а при неустойчивом чаще всего формально разнотипен. Для устойчивого: *Дразнили собаку и кошку*. Для неустойчивого: *Пишет с помарками, но без ошибок*.

Итак, мы рассмотрели три разновидности управления. Четвертая разновидность – управление **ограниченно-варьирующееся**. Оно встречается при изъяснительных глаголах: *говорить о ком, про кого, насчет кого, по поводу кого...*, жаргонные – *по части чего, в отношении чего*. При глаголах речи больше вариантов, при глаголах мысли – меньше: *думать о ком, про кого*. Особых специфических черт в этом управлении нет. Он сближается по ряду свойств с устойчивым.

Пятое управление – **обратимое**. Оно возникает при переделке основных конструкций в конструкции вспомогательные, параллельные, например, с преобразованием действительного оборота в страдательный, лично-го предложения в безличное.

Рассмотрим два случая такой перестройки:

1) *Вода размывает плотину – водой размывается плотина.*

2) Больной в ознобе. Больного знобит. Гроза зажгла дерево (березу).
Грозой зажгло дерево (березу).

Из примеров видно, что твор. падеж в страдательных и безличных конструкциях представляет собой трансформу, исходящую от именительного падежа первых конструкций.

Возможна двойная переделка: (действ.) *Вода размывает плотину*, (б/л) *Водой размывает плотину*, (страд.) *Плотина размывается водой*.

Шестая разновидность – **устранимо-дифференцирующее** управление. Оно ограничено немногочисленными глаголами: *писать, читать, петь, рисовать*.

Предельную устойчивость оно имеет при глаголах совершенного вида: «Художник нарисовал картину». Ср. *Художник рисует картину*. Возможно устранение «картину», это меняет смысл предложения. Без дополнения глагол может означать не процесс, а способность: *Этот художник хорошо рисует*. Таким образом, указанное управление выпадает при устранении необходимости в названии объекта.

Седьмая разновидность – **вспомогательное** управление. Оно сопровождается собой на факультативных началах устойчивое управление. Без устойчивого управления оно не способно функционировать. Предложение «Крестьянин наколот дров» может быть распространено указанием лица, для которого совершено действие: *старушке // для старушки. Выписал журнал сыну // для сына*. Здесь раскрывается синонимика двух падежей: дательного и родительного с предлогом.

Вторичный, вспомогательный характер имеет и твор. орудийный: *Вбить гвоздь – молотком. Вырыть канаву – лопатой. Выгладить кофту – утюгом. Вспахать поле – плугом*.

Возможно включение в эту систему и дативуса симпатетикуса (дательного заинтересованного лица): «Прострелил ему фуражку».

Есть три разнофункциональных конструкции, которые следует отличать друг от друга: 1 *Прострели мне фуражку*. 2. *Подарил мне фуражку*. 3. *Купил мне фуражку*. В первой «мне» – дат. заинтересованного лица. Его параллель: *мою*. Во второй дат. падеж «мне» – обязательный компонент двупадежного (устойчивого) управления. В третьей дат. падеж «мне» употреблен для того, чтобы не возникло понимание «себе», т. е. здесь дат. п. – параллель род. п. – «для меня». Как видим, здесь разное значение дает разные трансформы. Сочетание «отрезал ему» может быть элементом двух конструкций: *отрезал ему – руку (его) – веточку (для него)*. Здесь

обнаруживается такое различие в отношениях: 1. *Было у него*. 2. *Стало у него*. В первом случае выражена соматическая семантика (*руку* – соматический момент). Ср. греческое *soma* – тело. Если во фразе «Ударил меня по спине» глагол «ударил» заменить аморфными образованиями типа *хлоп, бац, раз*, то вместо «меня» больше подходит «мне».

В предложении «Он посвятил поэму жене» форма дательного падежа предопределена самим глаголом, а в предложении «Он вырвал мне волосы» форма дательного падежа обусловлена лексическим окружением глагола, наличием слова «волосы», а не глаголом. В этом особенность дательного заинтересованного лица. Глагол может обойтись без дательного падежа. Но не ясно, что за волосы вырвал, чьи. В других случаях дательный падеж не нужен: Ср.: *Он вырвал листок (из блокнота)*.

Восьмая разновидность управления носит весьма ограниченный характер: **двойное** – по Пешковскому. Здесь варьируется, взаимозаменяется два падежа вин. п. с род. п.: *ищу – деньги – денег, выпил – молоко – молока*.

Из примера видно, что данное управление носит переменнодифференцирующий характер, а именно частично дифференцирующий в пределах одного и того же объекта. Термин двойное следует отличать от термина двойное (*говорю о брате, про брата*) и двупадежное (*посвятил поэму другу*).

Итак, мы рассмотрели восемь разновидностей управления и убедились, что разграничение их оправдано и структурно и функционально, а особенно по дистрибутивным признакам и по трансформационным особенностям. В управлении имеется две стороны: во-первых, разные глаголы обладают разными свойствами управления (не при всех может быть устойчивым). Во-вторых, характер управления зависит от выражаемых отношений (устойчивое только при объектных отношениях). Вот почему подобный структурно-функциональный анализ и соответствующая ему классификация отличаются рациональностью.

Таким образом, структурно-функциональный анализ и соответствующая ему классификация отличаются более объективными и точными показателями, чем та классификация, которая связана с терминами сильное и слабое управление, и поэтому предлагаемая классификация научно может быть более продуктивной.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Чем, по мнению В. М. Никитина, обусловлена необходимость структурно-функционального анализа связи управления?
2. Какие функциональные разновидности управления выделяет автор?
3. По каким причинам В. М. Никитин выступает против разделения управления на сильное и слабое и выделения именного примыкания?
4. Почему в системе управления объектное и субъектное по функции управление может быть противопоставлено всем остальным разновидностям?
5. Чем определяются разновидности управления в структурно-функциональном аспекте?
6. Сколько разновидностей управления выделяет автор? На каких основаниях? Охарактеризуйте их.
7. Что такое устойчивое управление? Какие типы устойчивого управления выделяет автор?
8. Каким глаголам свойственно избирательное управление? Какими признаками оно обладает?
9. От чего зависит неустойчивое управление?
10. При каких глаголах встречается ограниченно-варьирующееся управление?
11. Когда возникает обратимое управление?
12. Какими глаголами ограничено устранимо-дифференцирующее управление?
13. При каких условиях функционирует вспомогательное управление?
14. Чем отличаются конструкции: *Прострели мне фуражку.* – *Подарил мне фуражку.* – *Купил мне фуражку?*
15. Что такое двоякое управление?

Апресян Ю. Д.

О СИЛЬНОМ И СЛАБОМ УПРАВЛЕНИИ¹⁰²

В синтаксисе и семантике существует большой комплекс задач теоретического и прикладного характера, для решения которых важное значение имеют понятия сильного и слабого управления¹⁰³. К числу этих задач относятся: 1) обоснование классификации второстепенных членов предложения. Можно, в частности, предполагать, что сильно управляемое существительное является, как правило, аналогом предметной переменной в *n*-местном предикате и поэтому может рассматриваться как дополнение; слабо управляемое существительное является, как правило, аналогом вторичного предиката («обозначает признак действия или признак признака») и может поэтому рассматриваться как обстоятельство. Отметим, что наличие строгого определения второстепенных членов предложения могло бы способствовать решению одной из центральных проблем синтаксиса простого и сложного предложения – проблемы синтаксической позиции; 2) решение ряда вопросов теории словосочетания¹⁰⁴, особенно вопроса о продуктивных способах образования словосочетаний одних типов от словосочетаний других типов. В этой связи интересно отметить, что именные словосочетания с наибольшей свободой и регулярностью образуются от тех глагольных словосочетаний, в которых реализуются связи слабого управления (ср. *устать от работы* – *усталый от работы* – *усталость от работы*)¹⁰⁵; 3) автоматический синтаксический анализ текста. В словаре основ, составляемом для целей такого анализа, для каждой сильно управляющей основы должно быть указано, какими формами она может управлять. Эта информация необходима для того, чтобы алгоритм мог правильно установить все пары синтаксически связанных словоформ и указать для каждой пары, который из

¹⁰² Текст печатается по: *Апресян Ю. Д. О сильном и слабом управлении (Опыт количественного анализа) // Вопросы языкознания, 1964. № 3. С. 32–47.*

¹⁰³ См., например: А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, М., 1935. С. 254–257; Е. Курилович, *Проблема классификации падежей*, «Очерки по лингвистике», М., 1962, стр. 201; «Грамматика русского языка», II, ч. 1, М., 1960. С. 26–30; М. В. Панов, *Синтаксис*, в кн. «Русский язык и советское общество», Алма-Ата, 1962. С. 72–74; Л. Н. Иорданская, *Два оператора для обработки словосочетаний с «сильным управлением» (для автоматического синтаксического анализа)*, М., 1961.

¹⁰⁴ Н. Н. Прокопович, *К вопросу о роли словообразовательных связей частей речи в построении словосочетания*, сб. «Исследования по грамматике русского литературного языка», М., 1955. С. 153, 157–158; В. М. Филиппова, *Глагольно-именные словосочетания с временным значением в современном русском языке*, там же. С. 162, 166.

¹⁰⁵ Н. Н. Прокопович, *указ, соч.* С. 158.

ее элементов является главным¹⁰⁶.

Для автора данной работы понятия сильного и слабого управления представляют интерес в связи с общей проблемой описания значений на основе дифференциальных синтаксических признаков. Описываются значения глаголов, причем в качестве дифференциальных синтаксических признаков глагольных значений рассматриваются, в частности, конструкции. Было бы полезно отделить сильно управляемые конструкции, обладающие большой диагностической силой по отношению к употребляющимся в них глаголам, от слабо управляемых конструкций, обладающих незначительной диагностической силой. Рассмотрим в качестве примера две группы глаголов: 1) *давать* (*кому-л. книгу*), *дарить* (*кому-л. часы*), *жаловать* (*кому-л. шубу*), *завещать* (*кому-л. состояние*) и 2) *держат* (*кому-л. руки*), *разжигать* (*кому-л. печку*), *рвать* (*кому-л. рубаху*). Глаголы первой группы, по-видимому, сильно управляют вин. и дат. падежами существительного, а глаголы второй группы – слабо. Поэтому указанная конструкция довольно точно диагностирует значение глаголов первой группы (значение передачи) и почти не диагностирует значения глаголов второй группы. Можно думать, что верно следующее общее утверждение: в семантике глаголов, управляющих той или иной конструкцией, обнаруживается тем больше общности, чем сильнее они управляют данной конструкцией и чем меньше различие в силе их управления данной конструкцией.

Для того чтобы плодотворно использовать понятия сильного и слабого управления при решении той или иной из названных нами задач, необходимо знать, чем сильное управление отличается от слабого. Рассмотрим два наиболее распространенных способа разграничения сильного и слабого управления – семантический (содержательный) и операционный. Наиболее тонкий содержательный анализ понятия сильного управления был дан Е. Куриловичем, исследовавшим это понятие в связи с проблемой классификации падежей¹⁰⁷. Как известно, Е. Курилович делит все падежи на грамматические (номинатив, аккузатив, генитив) и конкретные (датов, инструментальный, аблатив, локатив с предлогом или без предлога). Каждый падеж имеет первичные и вторичные функции. Первичной функцией грамматических падежей является синтаксическая функция (ср. функции подлежащего, прямого дополнения, генитива субъекта и объекта), а вторичной – наречная или семантическая (ср. аккузатив цели, пространственной и временной протяженности, цены и т. п.). Первичной функцией конкретных падежей является наречная функция (ср. различного рода обстоятельства, выраженные существительными), а вторичной – синтаксическая. Если существительное выполняет синтаксическую функцию, оно занима-

¹⁰⁶ Л. Н. Иорданская, указ, соч., стр. 7.

¹⁰⁷ Е. Курилович, указ. соч.

ет, независимо от своего падежа, центральную позицию относительно управляющего слова, т. е. функцию прямого дополнения; если существительное выполняет наречную функцию, оно занимает, независимо от своего падежа, периферийную позицию относительно управляющего слова, то есть обстоятельства. Различие между сильным и слабым управлением – «это различие между синтаксическими и в то же время центральными, с одной стороны, и семантическими и в то же время периферийными, с другой»¹⁰⁸.

Даже это краткое положение основных идей Е. Куриловича показывает, насколько интересна и глубока его концепция сильного и слабого управления. Однако в его работе не предложено никаких операционных аналогов для чисто семантических по существу понятий синтаксической и наречной функций, центральной и периферийной позиций и др., на основе которых определено сильное и слабое управление. Поэтому практическое использование предложенной им системы понятий наталкивается на серьезные (может быть, непреодолимые) трудности.

Наиболее полная сводка операционных правил для разграничения случаев сильного и слабого управления была предложена А. М. Пешковским. Под сильным управлением А. М. Пешковский понимал «такую зависимость существительного или предлога с существительным от глагола, при которой между данным падежом или данным предлогом с данным падежом, одной стороны, и словарной или грамматической стороной глагола, с другой стороны, есть необходимая связь»¹⁰⁹. Соответственно под слабым управлением понимается такая зависимость подчиненного слова от главного, при которой необходимая связь отсутствует. А. М. Пешковский предложил следующие операционные критерии для разграничения необходимой и случайной связи, т. е. для разграничения случаев сильного и слабого управления: 1) слабо управляемый элемент может присоединяться к любому глаголу, ср. *умереть (читать, уйти, стоять и т. д.) 22 февраля*; для сильно управляемых элементов это нехарактерно; 2) при изменении порядка слов в предложении слабо управляемый элемент может потерять синтаксическую связь со своим старым «хозяином» и вступить в подчинительные отношения с другим словом, так как он тяготеет к ближайшему слову, ср. *жаркое из кролика уже приготовлено* и *жаркое уже приготовлено из кролика*; в противоположность этому подчинительные связи сильно управляемого элемента не разрушаются, независимо от того, на каком расстоянии от главного слова и в каком месте предложения он находится, ср. *пишу тебе на ужасной бумаге, ужасным пером записку, которая...*; 3) слабо управляемые элементы способны обособляться, ср. *шаги его, в толстых сапогах, все удаляясь, прозвучали по дорожке* (Л. Толстой); для

¹⁰⁸ Е. Курилович, указ. соч. С. 201.

¹⁰⁹ А. М. Пешковский, указ. соч. С. 255.

сильно управляемых форм это нехарактерно; 4) слабо управляемые элементы способны подчиняться не слову, а словосочетанию, ср. *чтоб ты мне не смела высовываться из двери*; для сильно управляемых элементов это не характерно¹¹⁰.

Легко убедиться, что предложенные А. М. Пешковским критерии, взятые в любой комбинации, не являются универсальными; с их помощью можно разграничить лишь небольшое число случаев сильного и слабого управления.

Поскольку ни семантические, ни операционные критерии сильного и слабого управления, построенные на детерминистской основе, не приводят к желаемому результату, можно попытаться построить операционные аналоги понятий сильного и слабого управления на вероятностной основе. Для того, чтобы построить такие аналоги, необходимо: 1) предложить метод измерения силы управления, на основе которого каждой управляющей единице может быть сопоставлено определенное число; 2) предложить метод определения границы между сильным и слабым управлением.

1. Измерение силы управления

Одним из первых ученых, обративших внимание не только на качественные, но и на количественные аспекты сильного и слабого управления, был А. М. Пешковский. Сильное управление он называл преимущественным, а слабое – редким типом управления для данного глагола. К сожалению, эти, по существу, вероятностные идеи не были им развиты сколь угодно полно.

В наиболее отчетливой форме задача вероятностного изучения сильного и слабого управления была поставлена Л. Н. Иорданской, в работе которой под сильным управлением понимается «свойство некоторых основ с остаточной большей вероятностью предсказывать одну или несколько форм зависящего от них слова»¹¹¹. Однако соответствующие статистические подсчеты Л. Н. Иорданской не проводились, а случаи сильного и слабого управления различались на основе интуитивного представления о вероятности предсказания.

Первое статистическое обследование материала с помощью вероятностной методики было предпринято С. С. Белокрыничкой в еще не опубликованной работе, где описано употребление 20 глаголов русского языка. Для каждого из 20 глаголов была подсчитана условная вероятность появ-

¹¹⁰ По всей видимости, синтаксическая сущность слабого управления состоит именно в том, что слабо управляемые формы в отличие от сильно управляемых относятся не к отдельному слову, а к целому предложению. Признаки слабого управления, отмеченные А. М. Пешковским, суть проявления этого общего свойства.

¹¹¹ Л. Н. Иорданская, указ, соч. С. 5.

ления данной формы зависимого слова или слов при условии, что уже появился данный глагол.

Статистические материалы по глагольному управлению русского языка, которыми мы располагаем в настоящее время¹¹², позволяют провести более полное обследование фактов и одновременно усовершенствовать методику измерения силы управления.

Для того чтобы говорить о глагольном управлении, необходимо ввести некоторые рабочие понятия, прежде всего – понятие состава подчинимых форм. Под составом подчинимых форм понимается набор форм зависимых от глагола слов, допускающих одновременную с глаголом реализацию в тексте. Так, у глагола *отличаться* имеются следующие разные составы подчинимых форм¹¹³: *от N_g* (ср. *сценарий отличается от книги*), *N_i* (ср. *сценарий отличается законченностью*), *от N_g N_i* (ср. *сценарий отличается от книги частностями*), *от N_g & N_p*¹¹⁴ (ср. *сценарий отличается от книги в частностях*). У глагола *зависеть* имеется всего один состав подчинимых форм, ср. *зависеть от N_g*. В число составов подчинимых форм глаголов *идти*, *читать*, *нравиться* и многих других входит пустой состав (глагол может употребляться без какого бы то ни было управляемого слова), ср. *поезд идет*, *мальчик читает*, *он умеет нравиться*. Пара вида VX_i , где V обозначает фиксированный глагол, а X – какой-либо состав подчинимых форм из числа возможных при данном глаголе, называется комплексом.

Можно измерять силу управления глагола по отношению к фиксированному составу подчинимых форм, т. е. силу управления глагола в данном комплексе, и силу управления глагола по отношению к безразличному составу подчинимых форм, т. е. силу управления данного глагола вообще (мы предполагаем, что эта задача тоже является разумной).

Рассмотрим сначала первый случай. Естественной мерой силы управления глагола в комплексе, которую мы будем обозначать символом G_k , является условная вероятность появления данного состава подчинимых форм при условии, что уже появился данный глагол. Мы обозначаем эту условную вероятность символом P_j :

$$G_k = P_j$$

¹¹² Э. А. Штейнфельдт. Частотный словарь современного русского литературного языка, Таллин, 1963.

¹¹³ Здесь и дальше данные об управлении глаголов, за исключением данных о Двойном и тройном управлении, приводятся по частотному словарю Э. А. Штейнфельдт. Примеры на двойное и тройное управление, которое специально в словаре не выделяется, конструируются нами, но для этого не используется никакой другой информации об управлении, помимо той, которая заключена в словаре.

¹¹⁴ Обозначения: N – существительное, V – глагол; g – родительный падеж, d – дательный, a – винительный, i – творительный, p – предложный. Предлоги сохраняются в своей обычной лексической форме.

Чтобы вычислить P_1 , нужно разделить число $f(K)$ появлений комплекса на число $f(V)$ появлений глагола¹¹⁵. Примеры (в левом столбце приводятся данные о том, с какой силой один и тот же глагол управляет разными составами подчинимых форм, а в правом – данные о том, с какой силой разные глаголы управляют одним и тем же составом подчинимых форм):

	f (V)	f (V)	G_k		f (V)	f (V)	G_k
<i>жить с N_i</i>	343	14	0,04	<i>отвечать N_d</i>	409	45	0,11
<i>жить на N_p</i>	343	26	0,08	<i>рассказывать N_d</i>	401	66	0,61
<i>жить в N_p</i>	343	86	0,25	<i>принести N_d</i>	132	31	0,23
<i>верить в N_a</i>	74	23	0,31	<i>верить N_d</i>	74	27	0,36
<i>верить N_d</i>	74	27	0,36	<i>сообщать N_d</i>	78	35	0,45
<i>развести N_a</i>	20	9	0,45	<i>помогать N_d</i>	274	148	0,54
<i>развести N_i</i>	20	12	0,6	<i>мешать N_d</i>	57	35	0,61
<i>подарить N_a</i>	32	27	0,84	<i>помешать N_d</i>	17	15	0,88
<i>подарить N_d</i>	32	30	0,94	<i>принадлежать N_d</i>	21	19	0,9
<i>вынести N_a</i>	22	22	1	<i>подарить N_d</i>	32	30	0,94

Перейдем к более сложному вопросу о том, как измерять силу управления глагола по отношению к безразличному составу подчинимых форм. Безразличный состав подчинимых форм – это дизъюнкция (в принципе – исключительная) всех возможных при данном глаголе непустых составов подчинимых форм, ср.

$$\left. \begin{array}{l}
 \text{от } N_g \\
 N_d N_i \\
 \text{Зависеть (от } N_g) \text{ нравиться отличаться от } N_g N_i \\
 \emptyset \text{ от } N_g \notin N_i
 \end{array} \right\}$$

Дизъюнкция составов подчинимых форм при данном глаголе может быть обязательной (или факультативной) в большей или меньшей степени. Под степенью обязательности некоторой дизъюнкции составом подчинимых форм понимается условная вероятность появления какого-либо непустого состава подчинимых форм при условии, что уже появился данный глагол. Эта условная вероятность обозначается в дальнейшем символом P_2 .

Естественно считать, что сила управления глагола как такового зависит от того, насколько обязательной является дизъюнкция составов подчини-

¹¹⁵ Фактически вычисляется не вероятность, а относительная частота события, являющаяся эмпирическим аналогом вероятности.

мых форм при данном глаголе. Чем она обязательней (т. е. чем меньше вероятность появления пустого состава глагола при данном глаголе), тем больше сила управления у данного глагола; чем она факультативней (т. е. чем больше вероятность появления пустого состава при данном глаголе), тем меньше сила управления у данного глагола.

Итак, сила управления глагола в целом, которую мы будем обозначать символом G_v , зависит от условной вероятности P_2 . Можно ли считать, что G_v не зависит ни от каких других факторов, кроме P_2 и равна P_2 ? Чтобы ответить на этот вопрос. Рассмотрим следующие примеры. Если бы нам предложили расположить глаголы *заниматься*, *руководить*, *пользоваться* в порядке возрастания силы управления, мы бы, видимо, расположили их именно в том порядке, в котором они стоят здесь (можно сказать *она занимается*, но нельзя сказать ни **он руководит*, ни **он пользуется*; глагол *руководить* употребляется абсолютно с модальными глаголами, ср. *он умеет руководить*, а глагол *пользоваться* ни при каких условиях, за исключением случаев эллипсиса, абсолютно не употребляется). Между тем для *заниматься* и *пользоваться* $P_2 = 0,92$, а для *руководить* $P_2 = 0,85$. Таким образом, если бы мы считали, что $G_v = P_2$, мы бы получили для указанных трех глаголов такие оценки их силы управления, которые расходятся с нашими интуитивными представлениями. Другой пример: из двух глаголов – *играть* и *нравиться* – мы воспринимаем первый как слабо управляющий, а второй – как сильно управляющий. Между тем для *играть* $P_2 = 0,9$, а для *нравиться* $P_2 = 0,85$ (т. е. *играть* употребляется с пустым составом реже, чем *нравиться*). Однако *играть* уступает *нравиться* в другом отношении: *нравиться* имеет всего один непустой состав подчинимых форм (N_d) и предсказывает его с очень большой вероятностью (0,85), в то время как *играть* имеет 8 непустых составов подчинимых форм (для N_g , $у N_g$, N_a , $в N_a$, N_i , с N_i , в N_p , на N_p) и не предсказывает ни один из них с вероятностью, большей 0,25.

Видимо, когда мы говорим о сильно управляющих глаголах, мы руководствуемся не только тем, что они редко употребляются с пустым составом подчинимых форм, но и тем, что у каждого из них есть такой состав подчинимых форм, с которым они употребляются очень часто. Поэтому более тонкое представление о силе управления глагола дает функция

$$G_v = P_2 \cdot P_{1 \max}$$

где $P_{1 \max}$ – вероятность появления наиболее частого при данном глаголе состава подчинимых форм, т. е. максимальная из всех возможных для данного глагола P_1 . Если изменять силу управления глагола таким способом, то глаголы в наших двух примерах расположатся в «правильном» порядке, ср. *заниматься* (N_i) – $G_v = 0,57$; *руководить* (N_i) – $G_v = 0,72$; *пользоваться* (N_i) – $G_v = 0,85$; для другого примера *играть* ($в N_d$) – $G_v = 0,22$; *нравиться* (N_d) – $G_v = 0,72$.

Мы уже говорили о том, как практически вычислять P_1 ; что касается P_2 , то для определения ее значения необходимо разделить сумму частот всех возможных при данном глаголе непустых составов подчинимых форм на частоту самого глагола. Примеры (в скобках указан состав, для которого P_1 максимальна):

	G_v		G_v
<i>дышать</i> (N_i)	0,07	<i>покачать</i> (N_i)	0,67
<i>кивать</i> (N_i)	0,33	<i>руководить</i> (N_i)	0,72,
<i>кивнуть</i> (N_i)	0,39	<i>любоваться</i> (N_i)	0,77
<i>пожать</i> (N_i)	0,52	<i>пользоваться</i> (N_i)	0,85
<i>заниматься</i> (N_i)	0,57	<i>махнуть</i> (N_i)	0,95
<i>развести</i> (N_i)	0,6	<i>интересоваться</i> (N_i)	1

По всей видимости, сила управления глагола определяется рядом других факторов. Наблюдения над материалом позволяют, например, сформулировать следующую гипотезу об обратной зависимости между связями управления и связями примыкания¹¹⁶: чем больше доля связей управления в множестве подчинительных связей данного слова, рассматриваемого в качестве главного, тем меньше доля связей примыкания, и наоборот. Это значит, что, при прочих равных условиях, обстоятельства-наречия чаще употребляются при слабо управляющих глаголах и реже – при сильно управляющих. Данная гипотеза косвенно подтверждается следующими соображениями. Наречия при слабо управляющих глаголах употребляются не только наряду с предложными или беспредложными группами существительных, но и вместо них; слабо управляемое существительное стоит, по существу, в позиции обстоятельства, которая обычно замещается наречием; ср. *смотреть с хитринкой – смотреть хитро, идти час – идти долго, приехать в январе – приехать тогда, лететь стрелой – лететь быстро* и т. п. В противоположность этому наречия не употребляются вместо сильно управляемых существительных, но только наряду с ними (за исключением омонимичных наречий типа франц. *у*, например, *j'у rense*); ср. *сопоставить копию с оригиналом – умело сопоставить копию с оригиналом, любить сына – нелепо любить сына, участвовать в сборе средств – всегда участвовать в сборе средств, интересоваться поэзией – всегда интересоваться поэзией* и т. п. Поэтому, при прочих равных условиях, на один случай употребления наречия при сильно управляющем глаголе придется более одного случая употребления наречия при слабо управляющем глаголе.

¹¹⁶ Здесь имеется в виду только классическое примыкание, т. е. зависимость обстоятельства, выраженного наречием, от глагола или прилагательного.

Если бы эксперимент показал, что высказанная здесь гипотеза верна, то сила управления глагола зависела бы еще от условий вероятности P_1 появления некоторого обстоятельства-наречия при условии, что уже появился данный глагол. Эту зависимость разумно было бы считать обратно пропорциональной, и поэтому сила управления глагола измерялась бы так:

$$G_v = \frac{P_2 \cdot P_{1 \max}}{P_3}$$

К сожалению, в частотном словаре Э. А. Штейнфельдт не содержится никаких статистических данных о примыкании, и поэтому мы вынуждены ограничиться сделанными выше замечаниями.

2. Определение границы между сильным и слабым управлением

Изложенная выше процедура дает нам возможность оценить силу управления глагола данным составом подчинимых форм и силу управления глагола как такового. Она, однако, не дает нам никаких оснований для проведения границы между классами единиц (комплексов и глаголов) и сильным и слабым управлением.

Было бы нетрудно провести такую границу, если бы между этими двумя крайними классами был разрыв, т. е. если бы значения функций $G_k = P_1$ и $G_v = P_2 \cdot P_{1 \max}$ были очень большими для одной группы комплексов и глаголов и очень маленькими для другой, а промежуточные значения были бы невозможны. Однако действительная картина гораздо сложнее: обе функции изменяются постепенно на всем отрезке $[0,1]$. В таких случаях обычно вводятся эмпирические пороги; глагол V_i мог бы считаться сильно управляющим, если бы значение G_v для него было бы больше некоторого произвольно установленного числа или равно ему, и слабо управляющим, если бы значение G_v было меньше этого числа. Такой способ решения занимающего нас вопроса кажется нам теоретически мало интересным. Предпочтительнее попытаться отыскать порог в само материале, подобно тому, как это делается применительно к другим задачам, в замечательных работах Б. В. Сухотина¹¹⁷.

В нашем случае отыскать порог в материале значит предложить определенную числовую функцию, на основе которой можно было бы объективно судить о том, где проходит граница между сильным и слабым управлением.

В основе предлагаемой нами функции лежит следующее общее представление: когда в языке по какому-либо признаку выделяются два крайних, взаимно исключающих друг друга типа A и B , это значит, что единиц,

¹¹⁷ См.: Б. В. Сухотин, Экспериментальное выделение классов букв с помощью электронной вычислительной машины. Сб. «Проблемы структурной лингвистики», М., 1962; его же, Алгоритмы лингвистической дешифровки, сб. «Проблемы структурной лингвистики», М., 1963.

принадлежащих либо типу *A*, либо типу *B*, значительно больше, чем единиц, принадлежащих и типу *A* и типу *B*. Это связано с общим кодовым свойством языка избегать омонимов, т. е. единиц, которые по некоторому признаку попадают сразу в несколько взаимно исключающих друг друга классов. Поэтому в языке омонимов всегда меньше, чем «чистых» (однозначных) единиц.

Во всех таких случаях признак, который в принципе является строго двоичным (ср. сильное и слабое управление), фактически изменяется постепенно из-за наличия в языке некоторых искажающих влияний («шумов»). Если бы у нас был метод для измерения степени признака, мы могли бы построить функцию, аргументом которой является числовое значение признака (оно откладывается на оси абсцисс), а значением – число объектов, обладающих этим признаком в данной степени (оно откладывается на оси ординат). Такая функция должна иметь в какой-то точке абсолютный минимум. Эта точка является пограничной между типами *A* и *B*.

Вернемся к нашей задаче. Построим функцию, аргументом которой является числовое значение силы управления, измеренное предложенным выше способом, а значением – число элементов (комплексов или глаголов) с данной силой управления. Если верна наша общая гипотеза, то указанная функция будет иметь в какой-то точке абсолютный минимум¹¹⁸. Здесь и будет проходить граница между сильным и слабым управлением.

Можно предполагать, что данная функция будет иметь и некоторые относительные минимумы. Их тоже можно разумным образом интерпретировать как границы подтипов сильного и слабого управления¹¹⁹.

Отметим, что для проведения границы между сильным и слабым управлением (как и во всех аналогичных задачах) не требуется, чтобы число сильно управляющих единиц было равно или близко числу слабо управляющих единиц, т. е. чтобы график функции начинался и заканчивался на одинаковой высоте и был бы симметричным. Необходимо только, чтобы после «спуска» до абсолютно максимальной точки у графика функции был «подъем».

По всей видимости, указанную функцию целесообразно использовать и в других случаях, когда необходимо разбить на две взаимно исключающих

¹¹⁸ Само собой разумеется, что далеко не всякая числовая функция, являющаяся аналогом какого-либо лингвистического понятия, имеет минимум. Более того, минимума может не быть даже у функции, описывающей управление в терминах введенных нами понятий. Все зависит от того, какие множества выбраны в качестве области определения функции и области ее значений. Так, если бы на оси абсцисс мы откладывали число глаголов (от 1 до *n*), а на оси ординат – величину силы управления, которая характеризует данное число глаголов, у нас бы получилась «прыгающая» функция, не дающая полезной информации о классах сильного и слабого управления:

¹¹⁹ Ср. традиционное учение о степенях управления.

друг друга класса такое множество, элементы которого различаются не наличием / отсутствием признака, а степенью признака, причем изменение (нарастание или убывание) признака носит постепенный характер. Возможно, что к числу таких задач относится задача разграничения устойчивых и неустойчивых словосочетаний¹²⁰, свободных словосочетаний и фразеологических единиц, качественных и относительных прилагательных и т. д.

3. Эксперименты

В приложении к частотному словарю Э. А. Штейнфельдт дан небольшой справочник по глагольному управлению, содержащий 603 глагола. Из них 106 имеют чисто видовые соответствия (ср. *выдать* – *выдавать*, *бросить* – *бросать*), так что число всех различных глаголов равно 497. Для проведения экспериментов чисто видовые пары были объединены, и из 497 глаголов было отобрано 404. Не учитывались связочные глаголы типа *бывать*, *выглядеть*, употребляющиеся с существительными и прилагательными в твор. падеже, а также большинство глаголов, помеченных в словаре звездочкой. Данные об управлении этих глаголов были собраны составителями словаря не по всем текстам. Из числа таких глаголов нами были учтены лишь те, для которых $P_2 \geq 0,8$.

Для каждого глагола в словаре указаны: 1) его частотность (число появлений на 400 000 слов текста) и 2) частотность той или иной падежной формы управляемого существительного (с предлогом или без предлога). Возьмем например, глагол *вызвать*. Он встретился в выборке 68 раз; при этом *вызвать* из N_g встретилось 2 раза, *вызвать* с $N_g - 1$, *не вызвать* $N_g - 3$, *вызвать* у $N_g - 3$, *вызвать* к $N_d - 5$, *вызвать* $N_a - 60$, *вызвать* в $N_a - 6$, *вызвать* на $N_a - 7$. Важно отметить, что в словаре не приводятся данные об употребительности всех возможных при некотором глаголе составов подчинимых форм. В нем не учитывается управление инфинитивом и совершенно нет сведений о двойном и тройном управлении типа *вызвать* N_a у N_g (ср. *Это вызвало у него припадок кашля*), *вызвать* N_a из N_g в N_a (ср. *Он вызвал меня из деревни в столицу*), хотя пары *V* из N_g , *V* с N_g , *V* у N_g и некоторые другие, по всей видимости, самостоятельно не употребляются (во всех этих случаях в состав подчинимых форм входит N_a). Из-за этой неточности сумма частот управляемых падежей, по данным словаря, нередко превосходит частоту самого управляющего глагола (ср. глагол *вызвать*).

При составлении комплексов по этим данным: 1) *не* VN_g объединяется либо с объединяется либо с VN_a (ср. *вызвать*), либо с VN_g (ср. *бояться*, *попросить*); если *не* VN_g употребляется в безличном предложении, так что в утвердительной форме существительному в род. падеже соответствует

¹²⁰ Степень устойчивости словосочетания поддается измерению; см. И. А. Мельчук. О терминах «устойчивость» «идиоматичность», ВЯ, 1960, 4.

существительное в им. падеже, то *не* VN_g рассматривается как самостоятельный комплекс (ср. *там не оказалось* или *не осталось людей*); 2) *не* VN_a объединяется с VN_a (ср. *замечать, видеть, оставить*); 3) личное местоимение в косвенном падеже рассматривается как существительное в соответствующем падеже; 4) количественное числительное с существительным в род. падеже объединяется с N_a при переходных глаголах (ср. *внести, выдать*) и с N_g при глаголах, не управляющих вин. падежом существительного (таков, по данным словаря, глагол *купить*); если сумма условно принимается равной единице¹²¹. Учитываются все комплексы, встретившиеся в текстах не менее 4 раз.

Всего с указанными ограничениями на основе 404 глаголов был построен 861 комплекс. Для каждого из них с точностью до 0,01 было вычислено значение функции G_k . Для каждого глагола с той же степенью точности было вычислено значение функции G_v . Этот материал и был подвергнут экспериментальному обследованию.

Если бы мы располагали полной и точной информацией о силе глагольного управления, то для разграничения классов сильного и слабого управления в множествах комплексов и глаголов достаточно было бы провести по одному эксперименту на каждый из этих случаев. К сожалению, данные, которыми мы фактически располагаем, не являются ни достаточно полными, ни достаточно точными.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. При решении каких синтаксических и семантических задач, по мнению Ю. Д. Апресяна, требуется учитывать понятия сильного и слабого управления?
2. Какие способы для разграничения сильного и слабого управления и кем предлагались в русской лингвистике?
3. Что необходимо для построения операционных аналогов понятий сильного и слабого управления на вероятностной основе?
4. Что понимает автор под составом подчинимых форм? Какую роль они играют в измерении силы управления?
5. От чего зависит сила управления глагола?

¹²¹ Поскольку по данным словаря значения функции P_2 не всегда могут быть вычислены точно, данные о силе управления глаголов в целом являются менее надежными, чем данные о силе управления глаголов в комплексах.

Апресян Ю. Д.

**ОПЫТ ОПИСАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛОВ
ПО ИХ СИНТАКСИЧЕСКИМ ПРИЗНАКАМ
(ТИПАМ УПРАВЛЕНИЯ)¹²²**

1. Вводные замечания

В общем виде задачу настоящей работы можно сформулировать следующим образом: нам дан текст, и уже известна грамматика (синтаксис) языка, на котором этот текст написан¹²³. Требуется получить сведения о лексических значениях слов данного языка, например, в виде суждения следующего типа: 1) «слова *A* и *B* входят в такие-то общие и такие-то различные семантические классы»; 2) «слова *A* и *B* более сходны по значению, чем слова *C* и *E*». Как видим, поставленная здесь задача близка к тому классу лингвистических задач, которыми стали серьезно заниматься американские дистрибутивисты, хотевшие по совокупности текстов, без какой бы то ни было извне заданной информации о языке «открыть» язык, порождающий эти тексты, т. е. получить сведения об элементарных единицах языка, классах единиц и правилах сочетания единиц различных классов на всех уровнях анализа, включая семантический. Работы такого рода являются попыткой дать объективное (экспериментальное) обоснование тех лингвистических понятий, которыми исследователь обычно пользуется при написании грамматики и словаря того или иного языка. Вполне строгими (алгоритмическими) методами такие задачи стали решаться лишь в самое последнее время, и накопленный в этой области опыт еще очень невелик¹²⁴. Поэтому все работы указанного типа, в том числе и данную работу, следует рассматривать как чисто экспериментальные. Ни на что большее они не претендуют.

При решении сформулированной выше задачи мы исходим из гипотезы о том, что между синтаксическими свойствами слов и их семантическими

¹²² Текст печатается по: *Апресян Ю. Д. Опыт описания значений глаголов по их синтаксическим признакам (типам управления) // Вопросы языкознания. 1965. № 5. С. 51–66.*

¹²³ Знание синтаксиса предполагает умение: 1) проводить морфологический анализ, 2) различать синтаксические классы (классы эквивалентных словоформ), 3) устанавливать отношения синтаксической зависимости между словами и составе предложения. Не предполагается ни знания лексических значений, ни умения устанавливать семантическую инвариантность фраз, ни даже умения отличать правильные (грамматичные, отмеченные) фразы от неправильных.

¹²⁴ Б. В. Сухотин, *Алгоритмы лингвистической дешифровки*, сб. «Проблемы структурной лингвистики», М., 1963; Ю. А. Шрейдер, *Машинный перевод на основе смыслового кодирования текстов*, «Научно-техническая информация», 1963, 1, А. Я. Шайкевич, *Распределение слов в тексте и выделение семантических полей*, «Ин. яз. в высш. шк.».

признаками имеется регулярное соответствие. Оно проявляется в том, что различия в синтаксическом поведении слов указывают на наличие семантических различий в значениях этих слов, хотя, по-видимому, могут существовать семантические различия, не выражаемые синтаксически. Ниже излагаются результаты нескольких проведенных автором исследований, в ходе которых проверялась указанная гипотеза.

Объектом анализа являются русские глаголы, причем каждый глагол рассматривается как однозначная единица. В принципе можно было бы разграничить значения многозначного глагола по достаточно строгим правилам, но они предполагают использование понятия правильной фразы и обращение к информанту, а нас в данной работе интересует вопрос о том, какие сведения о значениях слов можно извлечь непосредственно из текста и только из него. Поэтому мы пошли на известное огрубление анализа, тем более что и огрубленному варианту соответствует некоторая лингвистическая реальность, а именно: 1) тот факт, что довольно большое число глаголов практически однозначно, и 2) тот факт, что у многозначного глагола обычно имеется основное, наиболее продуктивное и употребительное значение, которое можно отождествить со значением всего глагола

Материалом, на основе которого проводились эксперименты, послужил справочник по глагольному управлению, опубликованный в «Частотном словаре современного русского литературного языка» Э. А. Штейнфельдт (Таллин, 1963). Этот справочник, содержащий около 500 различных глаголов (не считая чисто видовых непрефиксальных пар), составлен по выборке объемом в 400 000 слов. Для каждого глагола указывается: 1) его абсолютная частота в выборке, 2) абсолютные частоты зависимых от него предложно-падежных форм существительного, встретившиеся в данной выборке. Например, глагол *вспоминать – вспомнить* встретился 136 раз, причем в 58 случаях от него зависело существительное в винительном падеже, а в 24 случаях – существительное в предложном падеже с предлогом *о*.

В качестве синтаксических различительных признаков глаголов рассматриваются типы управления. В данной работе под типом управления понимается предложно-падежная форма зависимого от глагола слова. В ряде экспериментов учитывается еще и некоторая количественная характеристика типа управления; именно, учитывается относительная частота $f(D_{ij}) / f(D_j)$, т. е. отношение числа появлений *j*-го глагола с данным падежом D_i к числу всех появлений глагола V_j . Эта относительная частота является статистическим аналогом силы управления глагола V_j падежом D_i^3 , мы будем обозначать ее через $G(D_i / V_j)$.

$$G(D_i / V_j) = f(D_{ij}) / f(D_j) \tag{1}$$

Мы считаем необходимым учитывать различия в силе управления, так

как они имеют в конечном счете семантическую природу: они связаны с различием в значениях управляемых форм и управляющих слов. Результаты проведенных автором экспериментов по статистическому изучению управления позволяют сформулировать следующие подтверждаемые большим материалом и достаточно правдоподобные положения о связи силы управления со значением 1) управляемой формы и 2) управляющего слова.

1. Если представить шкалу силы управления в виде отрезка $[0,1]$, то можно заметить, что управляемые формы с различным значением распределены на этой шкале следующим образом: а) обычно управляются сильнее, т. е. больше тяготеют к полюсу 1, формы с объектным значением, чем формы с неobjектным значением. Это касается не только винительного прямого объекта, но и его синтаксических вариантов сильно управляемого родительного, дательного, творительного, «изъяснительного» и некоторых предложных падежей)¹²⁵. Например, при глаголах *гордиться, заниматься, интересоваться, любоваться, махнуть, покачать, пользоваться, развести, руководить*, весьма сильно управляющих творительным падежом (с силой от 0,6 до 1), творительный почти всегда имеет значение прямого объекта, а при глаголах *вздыхнуть, встретиться, лететь, открываться, писать, получаться, помогать, посылать, произнести, устроить*, которые управляют творительным падежом с силой до 0,02, творительный может иметь только обстоятельствоное (в том числе, инструментальное) значение. Ср. также *входить к кому (0,01), уходить к кому (0,01), выходить к кому (0,02), приехать к кому (0,02), следовать к чему (0,02)* в противоположность *привыкнуть к кому (0,45), готовиться к чему (0,75), прислушиваться к чему (0,70), обращаться к кому (0,82), относиться к кому (0,98)*; б) среди форм с неobjектным значением формы с пространственным значением управляются сильнее, чем формы со значением времени, причины, образа действия и другими родственными значениями. Так, слабо управляемый дательный падеж с предлогом *по* имеет значение времени, причины, образа действия, ср. *глядеть (по сторонам), думать (по вечерам), замечать (по движениям), читать (по складам)* и т. п.; для этих глаголов сила управления дательным падежом с предлогом *по* не превышает 0,01. Более сильно управляемый дательный с предлогом *по* имеет значение места, где происходит или куда направлено действие, ср. *бежать (бродить, водить, гулять, двигаться, ездить, нестись, пробежать, разойтись) по полю, бить (ударять) по лицу* и т. п.; для этих глаголов сила

¹²⁵ Количественный анализ подтверждает точку зрения Е. Куриловича на падежные формы типа (*бояться кого, завидовать кому, качать чем, заботиться о ком* как «комбинаторные варианты» винительного падежа прямого объекта. Е. Курилович Проблема классификации падежей, сб. Очерки по лингвистике, М, 1962, стр. 185.

управления дательным падежом с предлогом *по* изменяется от 0,09 до 0,69, в) среди форм с пространственным значением сильнее управляются формы со значением направления действия, чем формы с чисто местным значением, ср. *добраться до чего* (0,8), *вынуть из чего* (0,72), *отойти от чего* (0,44), *снять с чего* (0,42), *подойти к кому* (0,8), *вступить во что* (0,9), *садиться за что* (0,2), *взглянуть на что* (0,73), в противоположность *посидеть близ чего* (0,05) *слышаться вокруг чего* (0,08), *тянуться вдоль чего* (0,08), *остановиться возле чего* (0,05), *повесить около чего* (0,06), *остановиться у чего* (0,13), *бродить по чему* (0,09), *побывать в чем* (0,52), *висеть на чем* (0,48) и т. п. (в обоих случаях брались наиболее сильно управляющие глаголы); г) среди форм со значением направления сильнее управляются формы со значением конечной точки, чем формы со значением начальной точки (источника), ср. *вырваться из чего* (0,39), *выскочить из чего* (0,41), *вытащить из чего* (0,43), *вылезти из чего* (0,52), *вынуть из чего* (0,72), *упасть с чего* (0,18), *вскочить с чего* (0,2), *нестись с чего* (0,22), *сойти с чего* (0,37), *снять с чего* (0,42) и *внести во что* (0,52), *направить во что* (0,52), *войти во что* (0,55), *отправиться во что* (0,55), *вступить во что* (0,9), *забраться на что* (0,5), *поглядеть на что* (0,55), *указать на что* (0,61), *взглянуть на что* (0,73), *обратить на что* (0,81) (во всех четырех случаях взято по пять наиболее сильно управляемых форм). В связи с этим наблюдением, подтверждаемым большим статистическим материалом, который мы не можем здесь изложить, мы бы рисковали сформулировать следующую эмпирическую закономерность: любой русский глагол, способный управлять предложно-падежной формой со значением начальной точки или источника (*из чего*, *с чего*), может быть употреблен и с предложно-падежными формами, обозначающими конечную точку (*во что*, *на что*), ср. *выбежать из комнаты – выбежать на улицу*, *вылезть из нормы – вылезть на площадку*, *вырваться из города – вырваться на поле*, *выступить из толпы – выступить на помост* и т. п.¹²⁶. Обратное, вообще говоря, неверно; существуют глаголы, управляющие предложно-падежными формами *во что*, *на что* и не способные управлять формами *из чего*, *с чего*, ср. *вбежать в комнату (на лестницу)*, но не **вбежать из коридора (с улицы)*, *влезть в нору*, но не **влезть из конуры*, *ворваться в слободу*, но не **ворваться из деревни*, *вступить в город*, но не **вступить из села*; д) среди форм с чисто обстоятельственным значением формы со значением причины управляются сильнее, чем формы со значением времени, образа действия и т. п., ср. *блестеть от чего* (0,04), *проснуться от чего* (0,05), *погибнуть от чего* (0,06), *устать от чего* (0,06), *умереть от чего* (0,11), *вздрыгнуть от чего* (0,12), *покраснеть от чего* (0,12) и *думать по (вечерам)*, *читать по (складам)*, *зайти через (день)*, *встретиться (ле-*

¹²⁶ Впрочем, как и многие другие эмпирические закономерности, эта закономерность может оказаться чисто статистической.

том), встретить с (улыбкой), ответить с (издевкой) с силой управления до 0,01.

2. Зависимость между величиной силы управления и значением управляющего слова является, по-видимому, опосредствованной; она проявляется в том, что определенный тип управления предсказывает определенный элемент значения управляющего слова. Так, сильно управляемый винительный падеж и его синтаксические варианты – падежи прямого объекта, – предсказывают значение переходности у управляющего глагола; сильно управляемый дательный – падеж «адресата» – предсказывает значение ориентированности у управляющего глагола. При этом сильно управляемые формы глубже (точнее, более полно) предсказывают значение управляющего слова, чем слабо управляемые формы. Поэтому небольшое число сильно управляемых форм предсказывает значение управляющего слова столь же полно и точно, как большое число слабо управляемых слов. Так, сильно управляемый винительный и сильно управляемый дательный предсказывают относительно немногочисленную группу глаголов с весьма специализированным значением передачи, ср. *дарить кому что, давать кому что, завещать кому что, объяснять кому что, сообщать кому что* и др. Сильно управляемый винительный и слабо управляемый дательный предсказывают несравненно более многочисленную группу глаголов, о значении которых можно сказать существенно меньше по той причине, что в русском языке практически любой переходный глагол, обозначающий физическое действие, может управлять дательным лица, которому принадлежит подвергающийся действию объект, ср. *рвать кому-л. рубашку, держать кому-л. руки, печатать кому-л. диссертацию, разжигать кому-л. печку* и т. п. Другой пример: видимо, в русском языке имеется немало глаголов самого различного значения, которые могут слабо управлять существительным в родительном падеже (например, родительном времени) и существительным в родительном падеже с предложением от, ср. *проснуться (ухать) 22 февраля от городского шума*. Однако очень невелика группа глаголов, способных подчинять те же два падежа и при этом сильно управлять родительным; такие глаголы образуют четкую и замкнутую семантическую группу, ср. *ждать чего от кого, ожидать чего от кого, требовать чего от кого и хотеть чего от кого*.

Может показаться, что поскольку сильное управление не всегда мотивировано, сильно управляемые формы в принципе не могут предсказывать значения глагола. Укажем в связи с этим на тот интересный факт, что в случае немотивированного сильного управления обнаруживается целая группа близких по значению глаголов, имеющих данный тип управления, и поэтому он оказывается семантически содержательным несмотря на свою немотивированность, ср. *качать головой, кивнуть головой, махать рукой, пожать плечами, развести руками; беспокоиться за кого-л., бояться за кого-л., волноваться за кого-л., тревожиться за кого-л., винить-*

ся кому в чем, исповедаться кому в чем, каяться кому в чем, открываться кому в чем, признаваться кому в чем, сознаваться кому в чем, возиться с чем, копаться с чем, медлить с чем, мешкать с чем, спешить с чем, торопиться с чем, тянуть с чем; лишать кого чего, удаивать кого чего и очень многие другие.

Таким образом, сила управления является мерой неслучайности данного признака для данного глагола. В значениях двух глаголов больше семантической общности (в указанном выше смысле), чем сильнее они управляют одними и теми же предложно-падежными формами и чем меньше различие в их силе управления этими формами.

Сделанные выше замечания представляются нам достаточным содержательным введением к основной теме работы. Нам остается сделать еще одно замечание, касающееся ее структуры.

Всего было проведено три дистрибутивно-числовых исследования. В каждом последующем эксперименте в качестве исходной информации использовались результаты предыдущего. Исходным материалом для первого исследования, имевшего целью описание глаголов по их синтаксическим признакам, послужил в конечном счете текст, поскольку частотный словарь Э. А. Штейнфельдт составлялся на основе текстовых данных. Во втором эксперименте на множестве глаголов, каждый из которых был представлен набором значений синтаксических признаков, была определена метрика (построено семантическое пространство глаголов). В третьем эксперименте по матрице расстояний были построены классы глаголов. Второе и третье исследование проводились на основе вполне строгих алгоритмов, допускающих машинную реализацию (хотя автор вынужден был провести все вычисления вручную). Если считать, что синтаксис языка в указанном выше смысле действительно известен исследователю, то и первый эксперимент может быть поставлен на машине.

Основным экспериментальным результатом, который мог бы подтвердить нашу гипотезу, мы считаем возможность исчерпывающим образом описать каждый глагол на основе его синтаксических признаков (т. е. типов управления). Поясним это положение. Допустим, что в нашем описании каждый глагол действительно имеет уникальный набор синтаксических признаков, отличающий его от любого другого глагола. Уникальность этой синтаксической характеристики не может зависеть от грамматических форм глагола, потому что его синтаксические способности в различных грамматических формах (в том числе и неличных) практически не меняются. Следовательно, она может быть связана только с уникальностью его значения (предположение о том, что уникальность синтаксических свойств глагола в общем случае связана с особенностями его звукового облика явным образом не заслуживает доверия). Заметим, что такой экспериментальный результат был бы совершенно объективным подтверждением гипотезы.

Следовательно, для того чтобы проверить гипотезу, достаточно построить классификацию глаголов по их синтаксическим признакам. Гипотеза будет подтверждена, если все классы этой классификации или хотя бы большинство классов окажутся одноэлементными (глагол образует самостоятельный класс, состоящий из одного элемента, если он обладает уникальным набором синтаксических свойств).

2. Построение классов глаголов по синтаксическим признакам

На первом этапе построения классификации были учтены все падежи существительных (с предлогом или без предлога), которыми управляет хотя бы один глагол из числа встретившихся в выборке. Их оказалось 46. Кроме того, в качестве синтаксических признаков глаголов рассматривалось управление инфинитивом и придаточным дополнительным предложением с союзом *что*. Статистические данные об этих типах управления были собраны нами не по текстам, а по академическому «Словарю русского языка» и являются поэтому менее надежными, чем данные частотного словаря. Всего было выделено, таким образом, 48 синтаксических признаков, каждый из которых является в принципе многозначным, но в данном исследовании, по ряду технических причин, рассматривается в качестве бинарного: глагол либо имеет данный тип управления, либо нет. 15 из 48 признаков оказались полностью избыточными¹²⁷. Это – малоупотребительные варианты местного и некоторых других падежей (*близ чего, вдоль чего, возле чего, вокруг чего, из-под чего, мимо чего, насчет чего, после чего, против чего, не чему, по что, сквозь что, между чем, вместе с чем, при чем*). Полностью избыточные признаки, не порождающие ни одного класса, были устранены, и классификация глаголов строилась на основе оставшихся 33 признаков. Была составлена матрица вида:

	V ₁	V ₂	V ₃	...	V _n
D ₁	1	0	0	...	1
D ₂	0	0	1	...	1
...
D _k	1	0	1	...	0

где D₁, D₂... обозначают синтаксические признаки силы управления, V₁, V₂... – глаголы. Клетки матрицы заполняются соответствии с тем, имеет ли данный глагол данный тип управления или нет.

Формальным определением глагола является столбец такой матрицы, или вектор. Два глагола входят в один класс, если их векторы равны ли множества присущих им типов управления совпадают).

Мы рассмотрели 476 глаголов (почти все глаголы, имеющиеся к спра-

¹²⁷ Полностью избыточным называется такой признак, что не существует пары классов, отличающихся только по этому признаку.

вочнике, за исключением полутора десятков связочных). С помощью 33 признаков эти глаголы были разбиты по указанному выше правилу на классы, которых оказалось 361. Из них 323 класса – одноэлементные. Иными словами, каждый из этих 323 глаголов действительно имеет совершенно уникальный набор синтаксических свойств, отличающих его от любого другого глагола исходного множества (заметим, что если бы признаки, рассматривались как многозначные, число одноэлементных классов возросло бы до 469). Самостоятельный класс образует: 1) каждый из глаголов движения (*бежать, идти, лезть, лететь, нестись* и их многочисленные производные; *бродить, ездить, ходить, плавать, вскочить, встать, лечь, опуститься, подняться, сесть, упасть* и 2) каждый из глаголов, обозначающих физическую деятельность (*заниматься, играть, петь, работать*); 3) каждый из глаголов, обозначающих положение в пространстве (*висеть, лежать, сидеть, стоять*); 4) каждый из глаголов, обозначающих пребывание где-либо (*бывать, находиться, оставаться*); 5) каждый из глаголов физического состояния (*гореть, жить, пахнуть*); 6) каждый из транзитивных глаголов перемещения (*везти, нести, тащить* и их многочисленные производные: *водить, таскать*); 7) каждый из глаголов, обозначающих передачу (*выдать, выделить, дать, доставить, передать*); 8) каждый из глаголов со значением сообщения (*говорить, доложить, обещать, отвечать, рассказывать*); 9) каждый из глаголов со значением физического приобретения или утраты (*брать, доставать, находить, покупать, получать, терять*); 10) каждый из глаголов со значением интеллектуального овладения или утраты (*прочесть, узнать*); 11) каждый из глаголов со значением пассивного и активного восприятия (*видеть, слышать, увидеть; глядеть, смотреть*); 12) каждый из глаголов, обозначающих насильственное воздействие на объект (*бить, ударить*); 13) каждый из глаголов со значением действия, создающего свой объект (*готовить, организовать, сделать, строить, устроить*); 14) каждый из каузативных глаголов типа *бросить, выпустить, звать, направить, пригласить, пустить; класть, положить, посадить, поставить*; 15) каждый из глаголов «желания» (*желать, требовать, хотеть*); 16) каждый из глаголов со значением намерения (*собираться, стремиться*) и ряд других.

38 классов содержат более одного элемента, но глаголы, входящие в такие классы, в большинстве случаев сходны по значению; ср. следующие неодноэлементные классы: 1) *беседовать, заговорить, поговорить, разговаривать*; 2) *производить, создавать*; 3) *изменить, наладить*; 4) *напомнить; сказать, сообщить*; 5) *видеть, понимать*; 6) *подать, сдать*; 7) *объявить, объяснить*; 8) *показать, представить* и ряд других.

Некоторые неодноэлементные классы лишены семантической однородности (они составляют приблизительно треть от общего числа неодноэлементных классов); ср. 1) *забраться, обидеться, оглянуться, рассердиться, сердиться* или 2) *велеть, приказать, помешать*. Можно указать

три причины семантической неоднородности классов (кроме многозначности глагола, которая, как сказано выше, в данной работе в расчет не принимается):

1. Неполнота данных о типах управления в словаре Э. А. Штейнфельдт. Так, глаголы *обидеться*, *рассердиться*, *сердиться* достаточно часто управляют предложно-падежной формой *за что*, ср. *обидеться (сердиться, рассердиться) на кого за что*; это нехарактерно для глагола *оглянуться*, Глагол *забраться* имеет двойное управление типа *с чего на что*. Данный тип управления несвойствен остальным четырем глаголам этого класса. Во втором указанном выше классе глагол *помешать* может управлять предложно-падежной формой *в чем*, что нехарактерно для двух других глаголов этого класса, ср. *помешать кому в чем*.

2. Различия в силе управления; так, в классе велеть, приказать, помешать первые два глагола управляют инфинитивом с силой 0,86 и 0,83, а дательным – с силой 0,17 и 0,18 соответственно, в то время как глагол *помешать* сильнее управляет дательным (0,88), чем инфинитивом (0,17).

3. Неполнота множества синтаксических дифференциальных признаков. Если бы, например, мы рассматривали, наряду с дистрибутивно-статистическими еще и трансформационные признаки, множество признаков обладало бы гораздо большей различительной силой. Так, в первом рассматриваемых классов легко выделились бы глаголы *обидеться*, *сердиться*, *рассердиться*, ср. *он обидел (сердит, рассердил) меня – я обиделся (сержусь, рассердился) на него*, а во втором классе – глаголы *велеть* и *приказать*, ср. *он велит (приказывает) мне уйти – я уйду по его повелению (приказанию)*.

В связи с пунктом 3 укажем, что не все глаголы одинаково хорошо описываются дистрибутивно-статистическими признаками (типами управления). Хорошо описываются таким образом глаголы движения, глаголы, обозначающие физическую деятельность и различного рода физические состояния и им подобные. Но эти глаголы имеют небольшое число ненулевых трансформационных признаков. В противоположность им, глаголы интеллектуальной и эмоциональной деятельности, обозначающие замкнутое в субъекте действие, характеризуются небольшим числом типов управления, чаще всего – одним. Таковы, по данным частотного словаря, глаголы *волноваться (за кого)*, *гордиться (кем)*, *дружить (с кем)*, *завидовать (кому)*, *изучать (что)*, *интересовать (кого)*, *интересоваться (чем)*, *испугаться (кого)*, *любить (что)*, *любоваться (чем)*, *обидеться (на кого)*, *пережить (что)*, *радоваться (чему)*, *сердиться (на кого)*, *удивляться (чему)* и мн. др. Однако меньшая способность к управлению компенсируется у этих глаголов гораздо большей по сравнению с «конкретными» глаголами способностью к трансформации. В итоге все глаголы достаточно точно описываются в терминах синтаксических признаков; но «конкретные» глаголы описываются, в основном, дистрибутивно, а «абстрактные» глаголы –

трансформационно.

3. Построение семантического пространства

<...>

Посмотрим, какие числовые параметры синтаксического признака необходимо учитывать, чтобы достаточно тонко установить его вес. Можно заметить, что если число глаголов, имеющих оценку 1 по данному признаку, очень велико, то признак семантически малосодержателен: он грамматикализован. Семантическая содержательность признака, при прочих равных условиях, увеличивается по мере уменьшения числа глаголов, которые имеют по этому признаку оценку 1; в этом случае подрастает его прогнозирующая сила. Так, винительным падежом управляют 243 глагола из 476, а винительным падежом с предлогом *о* – место два глагола (в объеме исследованного материала). Первый признак имеет весьма общее значение транзитивности, а второй – гораздо более содержательное (богатое) значение контакта, ср. *бить что обо что, ударять что обо что, опираться обо что, спотыкаться обо что* (последние два глагола в частотном словаре не отмечены). Следовательно, по данному параметру первый признак весит меньше второго (менее прогностичен)...

Рассмотрим теперь другую характеристику признака, которую мы условно назовем семантической однородностью. Сравним винительный и творительный падежи. Винительный падеж в абсолютно подавляющем большинстве случаев является признаком транзитивности глагола, а творительный падеж, несмотря на то, что им управляет меньшее число глаголов (92 из 476), не прогнозирует даже такого общего значения. Если мы имеем дело с двумя глаголами, управляющими винительным падежом, мы можем почти всегда сказать, что они оба имеют переходное значение. Если же два глагола управляют творительным падежом, мы не можем сказать сколько-нибудь точно, что общего в их значении.

Семантическая однородность признака поддается измерению. Мы уже говорили о том, что сильно управляемые формы лучше прогнозируют значение управляющего слова, чем слабо управляемые формы. Поэтому в качестве статистического коррелята понятия семантической однородности признака можно использовать среднюю силу управления глаголов...

I	D_i	$w(D_i)$	$w^2(D_i)$	$w^l(D_i)$	$j(D_i)$	m_i
27	<i>за</i> N_i	0,065	0,11	0,019	247	52
28	<i>через</i> N_a	0,064	0,036	0,091	16	11
29	<i>у</i> N_g	0,063	0,11	0,016	288	62
30	<i>над</i> N_i	0,061	0,055	0,067	35	15
31	<i>V</i>	0,051	0,09	0,011	332	89
32	<i>для</i> N_g	0,042	0,055	0,028	84	36
33	<i>что</i> S	0,039	0,04	0,018	97	57

Большинство оценок расстояния хорошо согласуется с нашими интуитивными представлениями о смысловом сходстве и различии слов. В подтверждение этого укажем для каждого из 80 глаголов тот глагол (или глаголы), который находится на минимальном расстоянии от данного: 1) *бежать* – *идти* (0,13), 2) *беседовать* – *разговаривать* (0), 3) *бить* – *ударить* (0,38), 4) *брать* – *взять* (0,31), 5) *бросаться* – *идти* (0,17), 6) *везти* – *доставить*, *положить* (0,21), 7) *велеть* – *приказать* (0), 8) *вернуться* – *возвращаться* (0,09), 9) *взять* – *вытащить* (0,22), 10) *видеть* – *понимать* (0), 11) *возвращаться* – *вернуться* (0,09), 12) *вызывать* – *приглашать* (0,17), 13) *вынуть* – *производить* (0,28), 14) *выпить* – *съесть* (0,25), 15) *вытащить* – *опустить* (0,09), 16) *говорить* – *сказать*, *сообщить* (0,12), 17) *готовить* – *привезти* (0,12), 18) *дать* – *купить* (0,17), 19) *держаться* – *касаться* (0,32), 20) *договориться* – *беседовать* (0,15), 21) *докладывать* – *писать* (0,17), 22) *достать* – *дать*, *купить* (0,4), 23) *доставить* – *нести* (0,05), 24) *дружить* – *знакомиться* (0), 25) *думать* – *договориться* (0,53), 26) *ждать* – *ожидать* (0,21), 27) *замечать* – *оказывать* (0,31); ср. *обнаружить* (0,32), 28) *заставлять* – *угovarивать* (0), 29) *заявить* – *докладывать* (0,51), 30) *знакомиться* – *дружить* (0), 31) *знать* – *читать* (0,12), 32) *идти* – *бежать* (0,13), 33) *касаться* – *держаться* (0,32), 34) *кинуться* – *броситься*, *идти* (0,37), 35) *класть* – *опустить* (0,11), 36) *кричать* – *докладывать* (0,27), 37) *купить* – *дать* (0,17), 38) *лечь* – *вернуться* (0,21), 39) *лететь* – *вернуться* (0,32), 40) *найти* – *оказать* (0,38), 41) *нести* – *доставить* (0,05), 42) *нести* – *идти* (0,33), 43) *обещать* – *разрешить* (0,11), 44) *обнаружить* – *видеть* (0,19), 45) *объявить* – *объяснить* (0), 46) *объяснить* – *объявить* (0), 47) *ожидать* – *требовать* (0,1), 48) *оказать* – *подарить* (0), 49) *опустить* – *вытащить* (0,09), 50) *писать* – *докладывать*, *сообщать* (0,17), 51) *подарить* – *сказать* (0), 52) *позволить* – *разрешить*, *советовать* (0), 53) *положить* – *доставить* (0,14); 54) *получать* – *производить* (0,31), 55) *понимать* – *видеть* (0), 56) *привезти* – *готовить* (0,12), 57) *приглашать* – *вызывать*, *тащить* (0,17), 58) *приказать* – *велеть* (0), 59) *производить* – *создавать* (0), 60) *просить* – *требовать*, *хотеть* (0,45), 61) *радоваться* – *удивляться* (0,62), 62) *разговаривать* – *общаться* (0), 63) *разрешить* – *позволить*, *советовать* (0), 64) *сказать* – *сообщить* (0), 65) *слышать* – *знать* (0,26), 66) *советовать* – *позволить*, *разрешить* (0), 67) *согласиться* – *договориться* (0,61), 68) *создавать* – *производить* (0), 69) *сообщить* – *сказать* (0), 70) *ставить* – *класть* (0,11), 71) *строить* – *обнаружить* (0,29), 72) *съесть* – *ожидать* (0,19), 73) *тащить* – *приглашать* (0,17), 74) *требовать* – *ожидать* (0,1). 75) *угovarивать* – *заставлять* (0), 76) *ударить* – *бить* (0,38), 77) *удивляться* – *радоваться* (0), 78) *ходить* – *идти*, *возвращаться* (0,34). 79) *хотеть* – *ожидать* (0,26), 80) *читать* – *знать* (0,12).

Чтобы иметь полное представление о качестве измерений, недостаточ-

но знать оценки расстояния только для наиболее близких по смыслу глаголов; необходимо рассмотреть оценки расстояния для всех пар, в которые входит некоторый глагол. Приведем соответствующие данные для глагола *бежать*. Они организованы следующим образом: отрезок $[0,1]$ разбит на 10 равных частей и все глаголы распределены по 10 классам в зависимости от того, на каком расстоянии от глагола *бежать* они находятся. 1) \emptyset ; 2) *вернуться, идти*; 3) *возвращаться, лезть*; 4) *бросаться /-ситься. нестись*; 5) *кинуться, лететь, ходить*; 6) \emptyset ; 7) *вызывать /-звать, приглашать /-сить, тащить*; 8) *брать, везти, взять, вытащить, опустить, хотеть*, 9) *бить, доставить, класть, кричать /-нуть, нести, положить, получать /-чить, просить, согласиться, ставить, ударить*; 10) *беседовать, велеть, видеть, вынуть, выпить, говорить, готовить, давать / дать, держаться, договориться, докладывать /-ложить, доставать /-стать, дружить, думать, ждать, замечать /-тить, заставлять /-вить, заявить, знакомиться, знать, касаться, купить, найти /-ходить, обещать, обнаружить, объявить, объяснить, ожидать, оказывать /-зять, писать, подарить, позволять /-лить, понимать /-нять, привезти, приказать, производить, радоваться, разговаривать, разрешить, сказать, слышать, советовать, создавать /-дать, сообщать /-щить, строить, съест, требовать, уговаривать /-рить, удивляться /-виться, чистить*.

Аналогичные результаты были получены для всех 80 глаголов. Нам кажутся достойными упоминания следующие факты: глаголы близкие по смыслу, находясь на приблизительно одинаковом расстоянии от одного глагола. Так, глагол *бежать* находится почти на одном и том же расстоянии от глаголов *бросаться* и *нестись*, *вызывать* и *приглашать*, *брать* и *взять*, *бить* и *ударить*, *класть* и *ставить* и т. д. Глагол *вызывать* находится почти на одинаковом расстоянии от глаголов *вытащить* и *тащить*, *заставлять* и *уговаривать*, *выпить* и *съесть*, *говорить* и *сказать*, *ждать* и *ожидать*, *велеть* и *приказывать*, *вернуться* и *возвращаться* и т. д. Хотя указанная зависимость является простым следствием предложенного нами расстояния, она не утрачивает своего интереса, так как свидетельствует об осмысленности нашей гипотезы и методов ее проверки.

Интересным образом связаны целые группы глаголов. Например, не все транзитивные глаголы со значением перемещения типа *везти*, *нести*, *тащить* и под. находятся на небольшом расстоянии от каузативных глаголов типа *вызывать*, *приглашать*. Этот результат вполне естествен. Единственным существенным различием между этими двумя группами глаголов является то, что чисто каузативные глаголы обозначают действие, каузирующее движение объекта, которое не сопровождается перемещением субъекта действия. При действиях типа *везти*, *нести*, *тащить* перемещается и деятель и объект. По понятным причинам обе названные группы глаголов близки к глаголам типа *класть*, *ставить*, *опустить* и т. п.

<...>

4. Построение классов по матрице расстояний

Одним из результатов изучения построенного в предыдущем разделе семантического пространства является вывод о том, что оно неодинаково плотно: некоторые его участки, в которых находятся большие группы семантически близких глаголов, обнаруживают повышенную плотность. В связи с этим представляется целесообразной попытка обнаружить эти участки строгими методами. Эта задача сводится к построению классов по матрице расстояний.

Назовем классом некоторое подмножество элементов пространства, такое, что для любых трех элементов a, b, c , – если a и b принадлежат данному подмножеству, а c не принадлежит ему, – расстояние между a и b должно быть строго меньше расстояния между a и c . Это определение может быть представлено в виде условия, в дальнейшем именуемого условием 1, которому должно удовлетворять искомое разбиение множества элементов (семантического пространства) на классы.

Теорема 1: Никакие два класса не пересекаются (кроме тех случаев, когда один класс целиком входит в другой).

Разбиения, удовлетворяющие условию 1, назовем правильными (в общем случае существует более одного такого разбиения). Потребуем теперь, чтобы число классов в разбиении было минимальным, но не менее двух (условие 2).

Теорема 2: Произвольный элемент a_1 и элемент a_j , такой, что $p(a_i, a_j) = \max p(a_i, a_j)$, принадлежат разным классам правильного разбиения.

Теорема 3: Существует одно и только одно правильное разбиение множества на классы, удовлетворяющее условию 2. Это разбиение мы назовем главным.

Теорема 4: Классы любого правильного разбиения либо совпадают с классами главного, либо содержатся в них.

<...>

Одно из привлекательных свойств этого алгоритма состоит в том, что его движение по матрице описывает в некотором смысле структуру семантического пространства: сначала выделяются два наиболее удаленных друг от друга класса, а на каждом следующем шаге – класс, наиболее близкий к тому, который был выделен на непосредственно предшествующем этапе. В результате работы этого алгоритма были получены следующие классы: 1) *оказывать, подарить, позволить, разрешить, советовать, обещать, объявить, объяснить, сказать, сообщить, говорить, писать*; 2) *идти, бежать, бросаться, лезть, возвращаться, вернуться, ходить, лететь, кинуться, нестись*; 3) *вызывать, приглашать, тащить*; 4) *доставить, нести, положить*; 5) *класть, ставить*; 6) *вытащить, опустить*; 7) *взять*; 8) *брать*; 9) *привезти, готовить*; 10) *везти*;

11) *доставать*; 12) *обнаружить, понимать, видеть*; 13) *слышать*; 14) *читать, знать*; 15) *просить*; 16) *бить, ударить*; 17) *ждать*; 18) *требовать, ожидать, съесть*; 19) *выпить*; 20) *хотеть*, 21) *касаться, держаться*; 22) *производить, создавать, заставлять, уговаривать*; 23) *строить*; 24) *вынуть*; 25) *получать*; 26) *дать, купишь*; 27) *докладывать*; 28) *заявить*; 29) *кричать*; 30) *замечать*; 31) *радоваться, удивляться*; 32) *велеть; приказать*; 33) *думать*; 34) *беседовать, разговаривать, договориться*; 35) *согласиться*; 36) *дружить, знакомиться*; 37) *найти*.

Почти все полученные классы допускают ясную семантическую интерпретацию. Исключение составляют классы 1, 18, 22. Заметим, что если бы мы применили тот же самый алгоритм вторично, по на этот раз – к множеству глаголов, входящих в один класс, мы бы получили, в частности, разбиение класса 1 на подклассы: а) *оказать, подарить*, б) *позволить, разрешить, советовать*, в) *объявить, объяснить*, г) *говорить, сказать, сообщить* и т. д.; класса 18 на подклассы: а) *ожидать, требовать* и б) *съесть*; класса 22 на подклассы: а) *производить, создавать* и, б) *заставлять, уговаривать*. Поскольку, однако, пока не представляется ясным, до каких пор следует применять эту процедуру, мы ограничимся сделанными замечаниями.

5. Заключение

Экспериментальная работа почти всегда дает некоторые нежелательные результаты, свидетельствующие либо об ошибочности гипотезы, либо о неточностях методики. Нежелательные результаты имеются и в наших экспериментах. Мы уже говорили во втором разделе о том, что наряду с одноэлементными классами было получено некоторое число неоднородных. Укажем, что самый крупный из них, в который входят глаголы, управляющие только винительным падежом, насчитывает 31 элемент. Не всегда поддаются непринужденному объяснению оценки расстояний между глаголами. Так, глаголы *позволить* и *разрешить* оказались на чересчур близком расстоянии от глаголов *оказать* (0,06) и *обещать* (0,11) и на слишком далеком расстоянии от глаголов *велеть* и *приказать* (0,6). Эти последние оказались на очень близком расстоянии от глаголов *радоваться* и *удивляться* (0,22). Глагол *положить* оказался на меньшем расстоянии от глагола *доставить* (0,11), чем от глагола *класть* (0,25). Семантическое сходство глаголов *позволить* и *оказать*, *положить* и *доставить* несомненно, но, видимо, не настолько велико, а семантическое сходство глаголов *велеть* и *радоваться* сомнительно. Трудно согласиться с оценкой 0,6 для пары *велеть* – *позволить* (и их синонимов). Классификация глаголов по расстояниям, в целом удовлетворительная, содержит классы, не допускающие непринужденной семантической интерпретации.

Во всех этих случаях источником неточностей и ошибок являются при-

чины, указанные выше: 1) неполнота множества синтаксических различительных признаков (в частности, отсутствие трансформационных признаков) и 2) различия в силе управления, которые в последних экспериментах учитывались только отчасти. Таким образом, имеются основания думать, что эти недостатки не являются органически присущими нашей методике. Мы надеемся, что они будут устранены при повышении точности измерений. Поэтому мы считаем возможным сделать вывод, что паша гипотеза, в основном, подтвердилась: из текста, зная только его синтаксис и не имея никакой извне заданной семантической информации, можно совершенно автоматически извлечь не лишнее представление о значениях многих слов.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В чем проявляется соответствие между синтаксическими свойствами слов и их семантическими признаками?
2. Каковы, по мнению автора, причины, позволяющие упростить анализ? В чем заключается данное упрощение?
3. Что рассматривается в качестве синтаксических различительных признаков глаголов?
4. С какими факторами связана сила управления глагола?
5. Почему зависимость между величиной силы управления и значением управляющего слова является опосредствованной? Проиллюстрируйте ответ.
6. Что является основным экспериментальным результатом, который подтверждает гипотезу Ю. Д. Апресяна о возможности описания семантики глагола по его синтаксическим признакам?
7. Объясните методику построения классов глаголов по синтаксическим признакам, примененную автором.
8. Каким образом строятся классы глаголов по матрице расстояний?
9. Что является причиной неточностей при статистическом анализе семантики глагола?

Солоницын Ю. В.

О ЦИФРОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ «СИЛУ» УПРАВЛЕНИЯ¹²⁸

В проблеме разграничения сильного и слабого управления определился поворот от интуитивных, в высшей мере приблизительных характеристик к поискам строго объективных, математически обоснованных оценок, о чем свидетельствует, в частности, интересная статья Ю. Д. Апресяна «О сильном и слабом управлении»¹²⁹. В статье подвергнуты тщательной обработке данные «Частотного словаря современного русского литературного языка» Э. А. Штейнфельдт, касающиеся управления нескольких сот русских глаголов, и предлагается методика определения пограничной точки между основными классами управления.

Автор неоднократно подчеркивает, что полученные в работе результаты недостаточно надежны, главным образом вследствие ограниченности материала, почерпнутого из частотного словаря. Соглашаясь с этой оценкой, попытаемся представить, каким требованиям должны удовлетворять исходные статистические данные, обеспечивающие большую точность показателей «силы» управления¹³⁰.

1. Как известно, посредством одной и той же зависимой (падежной или предложно-падежной) формы могут передаваться различные синтаксические отношения. Ср.: *стрелять из винтовки* (объектные отношения – указание на орудие действия); *стрелять из кустов* (чисто пространственные отношения – указание на исходную точку действия). Сила управления каждой из этих конструкций со стороны глагола *стрелять*, по-видимому, различна и требует дифференцированных количественных характеристик. Суммарный же показатель не дает возможности правильно оценить ни того, ни другого сочетания. Ср. аналогичные примеры: *приехать из-за океана* – *приехать из-за жалобы*; *упасть со столба* – *упасть со страху*; *брать с покупателя* – *брать с полки*; *ехать от райкома I* (указание на исходную точку) – *ехать от райкома II* (указание на то, по чьему поручению совершается действие)¹³¹.

По-видимому, нельзя оценивать «оптом» управление глагола также конструкцией «с + творительный» в известном анекдоте о трех гостях,

¹²⁸ Текст печатается по: Солоницын Ю. В. О цифровых показателях, характеризующих «силу» управления // Вопросы языкознания. 1966. № 2. С. 80–83.

¹²⁹ ВЯ, 1964, №3.

¹³⁰ Как и Ю. Д. Апресян, мы считаем «Частотный словарь» Э. А. Штейнфельт весьма ценной работой, хотя и не лишенной известных недостатков, впрочем, неизбежных при отсутствии какой-либо традиции создания подобных словарей.

¹³¹ Это же значение конструкции «от + родительный» видим в следующих примерах: *Терентий... ездил от Стоднева в извоз* (Гладков, Повесть о детстве); *Мы не от подрядчицы работаем* (Гладков, Вольница).

один из которых пил чай *с сахаром*, другой – *с подстаканником*, а третий – *с удовольствием*.

Таким образом, данные, характеризующие управление того или иного глагола, должны распределяться не только по падежам и предлогам, но и по характеру выражаемых синтаксических отношений.

2. Среди зависимых форм, возможных при данном глаголе, различаются одноплановые и разноплановые формы. Так, сопоставляя сочетания *ехать на лошади*, *ехать в Москву*, *ехать из леса*, *ехать с поля*, *ехать от берега*, в трех последних отмечаем наличие зависимых форм одного плана – указание на исходную точку движения. Ср. также: *узнать у товарища* – *узнать от товарища* (указание на источник информации); *голосовать за предложение* – *голосовать против предложения* (указание на мнение, выраженное голосованием).

Выбор в определенном контексте той или иной зависимой формы (из ряда одноплановых) от семантики глагола зачастую не зависит. Семантикой глагола в таких случаях определяется не степень обязательности конкретной зависимой формы, а степень обязательности пояснения данного плана, т. е. дизъюнкции всех одноплановых форм.

Наличие показателя, оценивающего силу управления глагола по отношению к такой дизъюнкции, – непереносимое условие правильной характеристики валентности глагола.

3. Разные лексико-фразеологические варианты полисемантического глагола обладают неодинаковыми сочетательными возможностями. Больше того, именно дистрибутивные различия с большой точностью диагностируют разные значения глагола¹³². Следовательно, управление каждого лексико-фразеологического варианта многозначного глагола должно описываться и оцениваться отдельно. В первую очередь это относится к вариантам, резко различающимся своей сочетаемостью с зависимыми формами.

4. На управляющую способность глагола нередко влияет его вид. Как известно, многие глаголы совершенного вида легко сочетаются с родительным неопределенного количества (иначе – партитивным), чего нельзя сказать о глаголах несовершенного вида. Вид глагола несколько влияет на выбор падежа прямого объекта при отрицании¹³³. Отсутствие прямого объекта при переходных глаголах совершенного вида наблюдается значительно реже, чем при соответствующих глаголах несовершенного вида.

¹³² См.: Ю. Д. Апресян. О понятиях и методах структурной лексикологии, сб. «Проблемы структурной лингвистики», М., 1962. С. 151–152.

¹³³ См. об этом: Ю. В. Солоницын. Некоторые лексико-грамматические факторы, обуславливающие выбор падежа прямого дополнения при отрицании, сб. «Очерки по русскому языку», Киров, 1962. С. 108–109.

Таким образом, «оптовая» оценка управляющей силы глаголов¹³⁴, образующих видовую пару, не всегда оправдана.

Проиллюстрируем сказанное выше цифровыми показателями, характеризующими сочетательные возможности глагола стрелять, использовав для этого текст общим объемом порядка 1,8 миллиона слов (50 номеров газеты «Известия», 22 номера «Огонька» и 2 тома романа Горького «Жизнь Клим Самгина»). Глагол *стрелять* в наших текстах встретился 84 раза¹³⁵. Это количество слишком невелико для того, чтобы делать особо точные выводы. К тому же общий объем текста определен приблизительно – на основании выборочных подсчетов. Данные в таблицах приводятся лишь по одному значению глагола *стрелять* «производить выстрелы из какого-либо оружия» (всего 79 раз), так как другие значения представлены единичными примерами или не встретились вовсе.

Все это в данном случае не имеет большого значения, поскольку мы хотим показать лишь принцип распределения цифрового материала (см. табл. 1).

Таблица 1

Характер пояснений («план»)	Наличие зависимых форм, дающих пояснение одного плана
Указание на цель ¹ – 30 (38%)	<i>в</i> + винительный – 23 <i>по</i> + дательный – 7
Указание на оружие – 13 (16,5%)	<i>из</i> + родительный – 13
Указание на исходную точку – 9 (11,4%)	<i>с</i> + родительный – 7 <i>из</i> + родительный – 1 наречие – 1
Указание на время – 5 (6,34%)	наречие – 2 <i>через</i> + винительный – 1 <i>в</i> + винительный – 1 придаточное предложение – 1
Указание на образ действия – 4 (5,06%)	наречие – 3 <i>без</i> + родительный – 1
Указание на «заряд» – 3 (3,8%)	творительный беспредложный – 3 ²

¹³⁴ Такая оценка дается в упомянутой статье Ю. Д. Апресяна «О сильном и слабом управлении».

¹³⁵ В «Частотном словаре» Э. А. Штейнфельдт – 19 из текста объемом 400 тысяч слов.

Указание на причину – 3 (3,8%)	<i>за</i> + винительный – 1 <i>из-за</i> + родительный – 1 наречие – 1
Указание на направление выстрела (без обозначения цели) – 3 (3,8%)	<i>в</i> + винительный – 2 ³ <i>вдоль</i> + родительный – 1
Указание на место 2 (2,53%)	<i>в</i> + предложный – 1 наречие – 1
¹ Имеется в виду не обстоятельство цели, а объект (мишень) стрельбы: <i>стрелять в волка</i> . ² Например: <i>стрелять картечью</i> . ³ Например: «... <i>стреляли</i> в Победоносцева, с улицы, <i>в окно</i> » (М. Горький, Жизнь Клим Самгина).	

Вероятно, есть смысл иметь также данные, характеризующие возможные комбинации разноплановых конструкций при данном глаголе. Приведем их по глаголу *стрелять* (в том же значении; см. табл. 2).

Таблица 2

Количество зависимых форм	Характер пояснений («план»)	Зависимые формы, дающие эти пояснения
Глагол употреблен без зависимых форм – 32 (40,5%)	–	–
Одна – 28 (35,5%)	«цель» – 15 оружие – 6 исходная точка – 2 образ действия – 2 причина – 1 направление выстрела – 1 место – 1	<i>в</i> + винительный – 12 <i>по</i> + дательный – 3 <i>из</i> + родительный – 6 <i>с</i> + родительный – 2 <i>без</i> + родительный – 1 наречие – 1 <i>за</i> + винительный – 1 <i>вдоль</i> + родительный – 1 наречие – 1
Две – 16 (20,2%)	«цель» и оружие – 4 «цель» и образ действия – 2 «цель» и время – 2 «цель» и причина – 2	<i>в</i> + винительный и <i>из</i> + родительный – 3 <i>по</i> + дательный и <i>из</i> + родительный – 1 <i>в</i> + винительный и наречие – 1 <i>по</i> + дательный и наречие – 1 <i>в</i> + винительный и наречие – 1 <i>по</i> + дательный и придаточное предл. – 1

	исходная точка и «цель» – 2 исходная точка и направление выстрела – 1 «заряд» и оружие – 1 исходная точка и оружие – 1 оружие и время – 1	<i>в</i> + винительный и <i>из-за</i> + родительный – 1 <i>в</i> + винительный и наречие – 1 <i>с</i> + родительный и <i>в</i> + винительный – 1 наречие и <i>в</i> + винительный – 1 <i>с</i> + родительный и <i>в</i> + винительный – 1 творительный беспредложный и <i>из</i> + родительный – 1 <i>с</i> + родительный и <i>из</i> + родительный – 1 <i>из</i> + родительный и <i>в</i> + винительный – 1
Три – 1 (1, 27%)	«цель», исходная точка, направление выстрела – 1	<i>в</i> + винительный, <i>с</i> + родительный, <i>в</i> + винительный
Четыре – 1 (1, 27%)	время, «цель», исходная точка, «заряд» – 1	наречие, <i>по</i> + дательный, <i>с</i> + родительный, творительный беспредложный
Пять – 1 (1, 27%)	время, место, исходная точка, заряд, цель – 1	<i>через</i> + винительный, <i>в</i> + предложный, <i>из</i> + родительный, творительный беспредложный, <i>в</i> + винительный

Как бы ни были точны статистические данные, характеризующие лишь «наличие – отсутствие» тех или иных зависимых форм, они все-таки дают неполное, одностороннее представление о силе управления глагола, поскольку не принимают во внимание возмещающую роль контекста. Ограничимся одним примером.

Глагол оказаться, зарегистрированный в наших текстах 182 раза, в 113 случаях сочетается с конструкцией «*от* + родительный», обозначающей так называемый «отрицательный объект», и в 48 – с инфинитивом, выполняющим по отношению к данному глаголу аналогичную функцию. В 21 случае (11,5%) указание на «отрицательный объект» отсутствует¹³⁶. Однако во всех этих случаях отсутствие конструкции «*от* + родительный» или инфинитива возмещается контекстом. Например: «Она предложила Климу чаю, Клим вежливо отказался» (М. Горький, Жизнь Клим Самгина); «Рогов тоже хотел что-нибудь купить на память пану Станиславу, но пан Ста-

¹³⁶ При отказываться – «от + родительный» и инфинитив употреблены по 23 раза. Отсутствие зависимой формы наблюдается в 4 случаях.

нислав отказался» («Огонек», 1964, 11); «Можно взять такси... Старик отказался» (там же). Отсутствие зависимой формы в подобных ситуациях, по-видимому, нельзя приравнивать к отсутствию, не возмещенному контекстом. Возмещающая роль контекста проявляется в разнообразных формах, которые должны стать предметом специального исследования.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каким образом, по мнению Ю. В. Солоницына, следует распределять данные, характеризующие управление того или иного глагола?
2. Какие зависимые формы различаются при глаголе? Чем может быть обусловлен их выбор?
3. Почему управление каждого лексико-фразеологического варианта многозначного глагола должно описываться и оцениваться отдельно?
4. Как влияет категория вида на управляющие возможности глагола?
5. Почему, по мнению автора, статистические данные дают неполное, одностороннее представление о силе управления глагола?

КОНСТРУКТИВНАЯ БАЗА ПРЕДЛОЖЕНИЯ¹³⁷

В этой части книги гласное внимание сосредоточивается на том аспекте структуры предложения, который выше назван конструктивно-синтаксическим.

Рассматриваемое только в этом аспекте предложение, как уже сказано, представляет собой синтаксическую конструкцию, т. о. некоторое смысловое и грамматическое единство, состоящее из ряда связанных друг с другом по определенным правилам и имеющих определенные функции в качестве членов этого единства словесных форм¹³⁸.

Синтаксическая конструкция – понятие более широкое чем словосочетание. Последнее может квалифицироваться лишь как частный случай синтаксического конструирования, как минимальная синтаксическая конструкция или часть такой конструкции, которая выделяется в ее составе по признаку непосредственной связи двух словесных форм – подчиняющей и подчиненной.

Указанный момент непосредственного характера связи следует подчеркнуть специально. Дело в том, что при синтаксическом конструировании предложений, иначе говоря, при построении лежащих в их основе синтаксических конструкций существенную роль нередко играют всякою рода посредствующие звенья. Так, в предложении *Иван был героем* соединение компонентов *Иван* и *героем* осуществляется через посредство связки *был*, и они, естественно, не образуют словосочетания. Отсюда обычно делают вывод о противопоставлении предложений и словосочетаний уже на конструктивно-синтаксическом уровне, распространяя этот вывод также на случаи типа *Иван приехал*; *Иван женился*. Но в подобных случаях налицо непосредственная словесных форм, и поэтому нет никаких оснований выделять их из разряда словосочетаний (выполняют ли они номинативную или коммуникативную функцию, – этот вопрос на конструктивно-синтаксическом уровне не решается).¹³⁹

По нашему мнению, характеристика конструктивной базы предложения вообще не нуждается в противопоставлениях типа предложение – словосочетание или предложение – синтаксическая конструкция.

¹³⁷ Текст печатается по: Распопов И. П. Структура простого предложения. М.: Просвещение, 1970. С. 32–48.

¹³⁸ Общеизвестно, что предложение может состоять также из одной словесной формы. Но и такие образования (число их в русском языке сравнительно невелико) получают объяснение лишь на фоне синтаксических конструкций как соотносительные с ними величины синтаксической системы языка в целом.

¹³⁹ Кстати, и по отношению к синтаксической конструкции *Иван был героем* вполне правомерно как вспомогательный прием анализа использовать вычленение словосочетаний *Иван был* и *был героем*.

Имея в виду такие речевые образования, которые фактически выступают в качестве предложений, мы просто рассматриваем их здесь в отвлечении от некоторых специфических свойств, которые будут рассмотрены на другом уровне абстракции. Этим оправдывается употребление в настоящей части книги термина «предложение» как синонима синтаксической конструкции, хотя в точном смысле слова предложение есть нечто большее, чем синтаксическая конструкция.

Следует подчеркнуть, что конструктивная база предложения (состав и строение синтаксических конструкций, лежащих в его основе) исследована в современном русском языке весьма обстоятельно. Поэтому мы не намерены здесь подробно останавливаться на всех относящихся к данной сфере явлениях и рассмотрим только некоторые, на наш взгляд, наиболее важные вопросы конструктивного синтаксиса – это: 1) вопрос о видах и способах связей слов в составе предложения; 2) вопрос о грамматическом членении предложения и, наконец, 3) вопрос о конструктивно-синтаксических типах предложений.

О ВИДАХ И СПОСОБАХ КОНСТРУКТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СЛОВ В СОСТАВЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Конструктивно-синтаксические связи и отношения между отдельными словами (словесными формами), входящими в состав предложения, являются в русском языке весьма многообразными.

В нашей лингвистической литературе уже неоднократно обращалось внимание на то, что это многообразие недостаточно дифференцированно отражается в терминах «сочинение» и «подчинение», а также – относительно случаев подчинительной связи – в терминах «согласование», «управление» и «примыкание». Предлагалось, в частности, выделить в особый разряд связь, которая устанавливается между личным глаголом (в функции сказуемого) и местоимением 1-го или 2-го лица (в функции подлежащего)¹⁴⁰. Отмечалось своеобразие связи существительных в функции приложения с другим существительным¹⁴¹. Указывалось на наличие в русском языке так называемого «тяготения» (в сочетаниях типа *пришел веселый, ходил задумчив, слушает довольный*)¹⁴². Предпринимались многочисленные попытки разграничить различные виды и формы управления¹⁴³,

¹⁴⁰ См.: «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, М., Изд-во АН СССР, 1960. С. 23–24.

¹⁴¹ См.: Е. В. Кротевич. О связях слов в предложении и словосочетании. «Русский язык в школе», 1958, № 6. С. 20.

¹⁴² См.: Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. Киев, 1952. С. 267.

¹⁴³ См.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., Учпедгиз, 1956 С. 283–288; Н. Н. Прокопович. Некоторые вопросы управления в современном русском языке. «Русский язык в национальной школе», 1959, № 3;

различные случаи примыкания¹⁴⁴ и т. д. Однако, к сожалению, все относящиеся сюда материалы и наблюдения не были систематизированы и с основной своей части остались за пределами учебников, до сих пор сохраняющих верность упомянутой выше явно узкой классификационной схеме. Думается, что эту верность пора было бы нарушить.

Приступая к описанию синтаксических связей слов в составе предложения, очевидно, прежде всего нужно уточнить возможные основания для их квалификации и классификации. Мы считаем, в частности, что следует четко различать, с одной стороны, характер и направление связи (вид связи) и, с другой – сам механизм связи, то, как и с помощью каких средств она осуществляется (способ связи). По характеру и направлению связи, как это было замечено уже давно, в первую очередь, конечно, отчетливо противостоят друг другу сочинение и подчинение. Общие отличительные черты этих видов связи (на типичных примерах) достаточно хорошо описаны в научной и учебной литературе, и мы здесь на них не будем останавливаться специально.

Хорошо известно также то, что основную роль в построении предложения, точнее, конструктивной базы предложения, играет подчинительная связь, которая целиком пронизывает и объединяет все компоненты синтаксической конструкции, в том числе компоненты, сочиняющиеся друг с другом, поскольку в составе предложения они являются одновременно соподчиненными или соподчиняющими.

Однако указанный вид связи по своему характеру и направлению далеко не единообразен. Думается, что можно особо выделить по крайней мере четыре его специфические разновидности: субординацию, координацию, тяготение и аппликацию.

Субординацией мы называем прямую и односторонне направленную связь между подчиняющим (господствующим) и подчиненным (зависимым) компонентами предложения (конструкции).

Эта связь обеспечивает прежде всего парные сцепления слов, которые обычно и выделяются в составе предложения под названием словосочетания. Вместе с тем эта связь устанавливает определенную ступенчатость (последовательную иерархию) зависимостей, своеобразную цепь словосочетаний, в которой каждый подчиненный компонент предшествующего звена оказывается одновременно подчиняющим в отношении последующего, конечно, при условии достаточной распространенности предложения. Примеры общеизвестны.

В. П. Сухотин. О глагольно-именных сочетаниях в русском языке (глагольное управление). «Русский язык в школе», 1962, № 2; Ю. Д. Апресян. О сильным и слабым управлении. «Вопросы языкознания», 1964, № 3 и др.

¹⁴⁴ См.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., Учпедгиз, 1956, стр. 337–338.

Координацией можно назвать, как это и предлагалось некоторыми советскими языковедами, связь, которая устанавливается, например, между местоименным подлежащим и глагольным сказуемым в конструкциях типа *Я читаю; Ты пишешь; Они разговаривают*¹⁴⁵.

Характерной особенностью этой связи, в отличие от субординации, является не одностороннее, а взаимонаправленное подчинение соответствующих словоформ.

В отношении приведенных примеров одинаково правомерно утверждение, что в них глагольное сказуемое подчинено местоименному подлежащему и что в свою очередь местоименное подлежащее подчинено глагольному сказуемому.

Именно таким, двойственным характером связи указанных компонентов, очевидно, и объясняются известные разногласия в трактовке их иерархической значимости для конструктивного состава предложения.

Правда, в большинстве учебных пособия по синтаксису русского языка до сих пор излагается мнение, согласно которому абсолютно независимым и исходным в иерархии связей компонентов состава предложения считается подлежащее. Однако существует и другое мнение, в соответствии с которым предпочтение на этот счет отдается сказуемому, а подлежащее рассматривается не более как одна из специфических разновидностей дополнения, как результат распространения сказуемого, так сказать, «слева»¹⁴⁶.

Оба эти мнения в конечном счете основываются на том, что в связи подлежащего и сказуемого видят обычную субординацию и, следовательно, оказываются перед необходимостью выбора: какой-то из названных компонентов должен быть обязательно признан господствующим, а другой – непосредственно подчиненным ему.

Однако весьма показательны, что для решения данного вопроса, какой же из компонентов господствует и какой находится в подчиненном положении, обычно прибегают к доводам, которые по существу касаются не характера конструктивной связи упомянутых компонентов, а каких-то других сторон структурной организации предложения.

Признавая господство подлежащего, исходят в общем из формально-логических соображений; поскольку признак принадлежит («приписывается») субстанции, а не наоборот, постольку подлежащее как знак субстанции подчиняет себе сказуемое (выразитель признака), а не наоборот.

¹⁴⁵ Следует, однако, оговориться, что термин «координация» в зарубежном (например, чешском) языкознании нередко используется для обозначения сочинительной связи.

¹⁴⁶ См.: И. А. Мельчук. Об алгоритме синтаксического анализа языковых текстов // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 7, М., 1962, стр. 46-47; М. Ивич. Оппозиция: «односоставное предложение – двусоставное предложение». «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1965, №4.

Признавая господство сказуемого, имеют в виду его определяющую (конституирующую) роль для всего предложения в целом, в частности роль модального квалификатора предикативного отношения, а также в известной мере роль своеобразного «распределителя кредитов» между всеми членами конструктивного состава предложения.

Вероятно, те и другие соображения не лишены оснований. Но все это лежит уже за пределами того, что раскрывается нам в самой связи подлежащего и сказуемого, как таковой.

Думается, что своеобразие этой связи именно в ее координационном характере, именно в том, что она соединяет компоненты, которые являются одновременно и подчиненными и подчиняющими друг друга.

Впрочем, необходимо сразу же сделать существенную оговорку. Координация, так сказать, в чистом виде обнаруживается лишь в таких очевидных случаях, которые проиллюстрированы выше примерами: *Я читаю; Ты пишешь; Они разговаривают*, где действительно, как отмечает «Грамматика русского языка» АН СССР, «по отношению к современному русскому языку трудно сказать, что с чем согласуется – форма глагола с местоимением или наоборот»¹⁴⁷.

По аналогии с этими случаями координационный характер связи можно усмотреть и в сочетании субстантивного (неместоименного) подлежащего с глагольным сказуемым, причем в формах не только настоящего – будущего, но и прошедшего времени, а также в сочетании подлежащего со связкой так называемого составного сказуемого (ср.: *Я буду учителем; Ты будешь учителем; Иванов будет учителем*)¹⁴⁸. Но связь именной части сказуемого с подлежащим уже не является координационной. Здесь налицо прямая обусловленность соответствующей падежной формы имени наличием связки и ее направленное, хотя и не непосредственное, подчинение подлежащему (о своеобразии такого подчинения см. ниже).

Тяготением мы будем называть особую разновидность подчинительной связи, о специфическом характере которой читатель сможет судить только после рассмотрения некоторых относящихся сюда случаев.

1. Известно, что, если в составе предложения используется примыкающее к глагольному сказуемому деепричастие, оно, по существующим правилам, должно обозначать действие того же лица, которое совершает действие, обозначенное сказуемым.

Исходя из этого, мы можем сказать: *Проезжая мимо станции, я загляделся в окно и потерял шляпу* – при недопустимости построения: «Проезжая мимо станции, у меня слетела шляпа».

¹⁴⁷ См.: «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, М., Изд-во АН СССР, 1960. Стр. 23.

¹⁴⁸ Ср.: Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., «Наука», 1966. С. 135.

То, что мы отчетливо осознаем правильность первого предложения и неправильность второго, обусловлено, конечно, чисто семантическим соотношением между глагольным сказуемым (в его конкретном лексическом наполнении) и подлежащим (в том же качестве), с одной стороны, и деепричастной формой второстепенного члена (опять-таки в его конкретном лексическом наполнении) и тем же подлежащим – с другой.

Но само это соотношение воспринимается как предустановленное конструктивным строением предложения, наличием в его составе именно данных словоформ как компонентов этого состава. Мы соотносим здесь лексическое с грамматическим по определенной линии. Эта линия и представляет собой связь между деепричастием и именем (или местоимением) в функции подлежащего, устанавливаемую наряду с прямым подчинением деепричастия личному глаголу в функции сказуемого.

Такую связь нельзя не признать, поскольку в противном случае соответствующие факты не получают исчерпывающего объяснения. Но эта связь не образует отдельного словосочетания (имя + деепричастие), не означает обычного подчинения деепричастия имени (как было бы при субординации) или их взаимоподчинения (как было бы при координации). Это, несомненно, какая-то особая, специфическая разновидность связи, которая по указанной причине и должна получить особое наименование.

2. Известно, что при использовании в составе предложения с глагольным сказуемым подчиненного ему инфинитива последний может обозначать действие, совершаемое субъектом или объектом того действия, которое обозначается личным глаголом (ср.: *Он обещал мне приехать.* – *Он велел мне уходить*).

То, что в первом из приведенных примеров инфинитивное действие соотносится с субъектом глагольного действия, а во втором – с его объектом, обуславливается, конечно, семантическими факторами (в частности, лексической семантикой личного глагола). Но, опираясь на эти факторы, мы вместе с тем по-разному интерпретируем и строение соответствующих предложениям, устанавливая в одном случае опосредствованную сказуемым связь инфинитива с подлежащим, а в другом (при том же опосредствовании) связь его с дополнением. Эта связь во многих отношениях аналогична той, которая отмечена выше – в случаях с деепричастием. Как и там, оно является семантически обусловленной и с необходимостью осуществляется лишь при наличии других связей, в частности связей соотносящихся по данной линии компонентов с каким-то промежуточным звеном (здесь таким звеном опять-таки является глагольное сказуемое).

3. Думается, что нечто подобное, хотя и с некоторыми отличиями, имеет место также в построениях типа *Он пришел довольный*; *Сестра лежала больная*; *Брат вернулся повеселевшим*; *Он выглядел героем* и под.

В этих конструктивных построениях адъективные, причастные или субстантивные формы непосредственно подчинены глагольному сказуе-

тому, о чем свидетельствует очевидная возможность вычленения словосочетания: *пришел довольный, лежала больная, вернулся повеселевшим, выгладел героем*. Вместе с тем названные формы связаны и с подлежащим, причем, как и в рассмотренных выше случаях, эта связь является уже не прямой, а опосредствованной, о чем свидетельствует невозможность вычленения словосочетаний «брат повеселевшим», «он героем» или иллюзорность словосочетаний типа «он довольный», «сестра больная», поскольку связь между компонентами таких «словосочетаний» осуществляется лишь через посредствующее звено, хотя бы и представленное нулем.

Следовательно, это по своему характеру та же разновидность связи, осуществляемой между двумя компонентами (благодаря их семантическому тяготению друг к другу) через посредство третьего компонента, что и в случаях с деепричастием или зависимым инфинитивом. Правда, в данном случае указанная связь получает более ясное формальное выражение (тяготеющие к подлежащему формы согласуются с ним в роде и числе), но это относится не к характеру самой связи, а лишь к способу ее реализации, что, по-видимому, не было принято во внимание, например, Л. А. Булаховским¹⁴⁹.

Очевидно, то же самое можно был бы сказать о связи именной части так называемого составного сказуемого с подлежащим, осуществляемой через посредство глагольной связки (различие между только что рассмотренными построениями и конструкциями типа *Сестра была больная; Он стал (был) героем* лишь в том, что посредствующий компонент и одних случаях является лексически полноценным, а и других – «пустым», выполняющим чисто связочную функцию).

Все перечисленные случаи представляют собой ту разновидность подчинительной связи, которую мы назвали тяготением, воспользовавшись термином Л. А. Булаховского, но в ином, чем у него, и, думается, более целенаправленном значении.

Итак, тяготение, – это такая разновидность подчинительной связи, которая выражает семантически обусловленное стремление одного из компонентов синтаксической конструкции соотнести свое содержание с другим компонентом через посредство третьего компонента, с которым оба они также находятся в определенной связи.

Четвертую разновидность подчинительной связи, названную выше аппликацией (от лат. *наложение, накладывание*), можно усмотреть в случаях, которые обычно трактуются как обособление приложений (в широком смысле слова, с включением сюда не только приименных, но и приадективных, принаречных и т. п. компонентов предложения).

Вот соответствующие примеры:

¹⁴⁹ См.: Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. Киев, 1952. С. 267.

Наш лучший ученик, *Петя Иванов*, выступил на школьном вечере с докладом (ср.: Наш лучший ученик *Петя Иванов* выступил на школьном вечере с докладом);

Она выходила на улицу в стареньком, *очень потрепанном*, платье (ср.: Она выходила на улицу в стареньком *очень потрепанном* платье);

Налево, *у дороги*, стояло одинокое дерево (ср.: Налево *у дороги* стояло одинокое дерево).

Действительно ли здесь имеется обособление (в точном синтаксическом понимании данного термина) или что-то другое, – этот вопрос мы оставляем открытым. Но если сопоставить любой из приведенных примеров с его аналогом (помещенным в скобки) с точки зрения конструктивных связей образующих их компонентов, можно заметить, что они в указанном отношении отнюдь не идентичны.

В примерах справа (в скобках) выделенное слово или сочетание слов присоединяется к подчиняющему его слову (или словосочетанию) путем последовательного распространения данного конструктивно-синтаксического ряда (*наш лучший ученик + Петя Иванов; в очень потрепанном + стареньком; налево + у дороги*). В примерах слева при интонационном выделении соответствующих компонентов, что на письме обозначается средствами пунктуации, они подключаются к этому ряду параллельно с подчиняющим их словом или словосочетанием (*лучший ученик = Петя Иванов; в стареньком = в очень потрепанном; налево = у дороги*). Последнее обстоятельство явно обнаруживается в том, что оба компонента – и подчиняющий и подчиненный – оказываются при этом в одном и том же синтаксическом отношении к третьему компоненту (здесь: *выступил, платье, стояло*). То же самое, как известно, характерно для компонентов сочинительной связи (ср.: *Мальчик и девочка выступили; русский и английский языки; стояли справа и слева*). Однако если при сочинительной связи однородность синтаксических отношении обуславливается равноправием сочиненных словоформ, то в интересующих нас случаях о равноправии было бы говорить неправомерно. Здесь, очевидно, особая разновидность подчинения, при котором подчиненный компонент не «складывается» с подчиняющим, а как бы «накладывается» на него и благодаря этому уподобляется ему в синтаксических отношениях с другими компонентами предложения. Именно в этом и состоит специфика связи, которую мы называем аппликативной связью или аппликацией¹⁵⁰, как по сравнению с другими разновидностями подчинительной связи, так и по сравнению с сочинением. Кстати, при сочинении также имеет место «складывание» компонентов, хотя они и равноправны, что выражается в ориентации при

¹⁵⁰ Существующий и подходящий у данному случаю русский термин «приложение», к сожалению, получил уже закрепленное традицией иное (и не совсем удачное) применение: им обозначается одна из разновидностей определения.

выборе форм числа согласующегося члена предложения не на один из них, а на все сочетание в целом.

Установление аппликативной связи существенно влияет на синтаксически обусловленную семантику сочетающихся компонентов.

Возвращаясь к сопоставлению приведенных выше примеров, можно заметить, что если при обычной субординации оба компонента образуют единое сложное наименование какой-то реалии, то при аппликации они оказываются наименованиями-дублетами.

Таким образом, аппликативная связь обеспечивает особое соотношение компонентов синтаксического ряда и в денотативном плане, т. е. в плане детерминированного выражения реального, внеязыкового содержания.

Этот момент, если учитывать, ради чего вообще осуществляется любое синтаксическое построение, также весьма немаловажен и, несомненно, свидетельствует о своеобразии данной разновидности связи.

Другую сторону характеристики конструктивно-синтаксических связей слов составляет, как определено в начале главы, выяснение средств и способов, с помощью которых они реализуются. Обычно – применительно к подчинительным связям – различают три основных способа их реализации: согласование, управление и примыкание.

Согласованием называют такой способ связи, при котором между соединяемыми компонентами устанавливается формальное соответствие по линии общих для них грамматических категорий.

Использование этого способа базируется на достаточно развитой в языке системе форм словоизменения, а также, вполне понятно, на наличии определенного сходства в грамматических характеристиках отдельных классов слов (частей речи).

В современном русском языке, который в большой степени обладает отмеченными свойствами, согласование, полное или частичное, имеет место; а) в отдельных случаях субординативной связи, целиком обеспечивая ее реализацию, как в примерах: *новый город, река Волга*; б) во всех случаях координативной связи (примеры приводились выше); в) в некоторых случаях при тяготении (когда «тяготеют» имена) и г) в случаях аппликативной связи любых компонентов, имеющих формы словоизменения (но здесь согласование не обеспечивает аппликации, как таковой, а служит лишь необходимым условием ее осуществления).

Под управлением понимают такой способ связи, при котором один из сочетающихся компонентов, так сказать, диктует другому, какую (или какие) именно из возможных форм словоизменения он должен выбрать.

Этот способ (по понятным причинам) используется исключительно для реализации субординативной связи, причем только субординативной связи, в которой участвуют имена, обладающие категорией падежа или (и) способные сочетаться с другими словами с помощью служебных элементов. Поэтому, говоря об управлении, в частности применительно к совре-

менному русскому языку, обычно и указывают, что при управлении «подчиненное слово употребляется в определенном косвенном падеже без предлога или с предлогом»¹⁵¹.

Управлять в русском языке могут, по-видимому, все знаменательные части речи, но управляют они в ряде случаев по-разному (ср.: *читаю книгу – чтение книги; люблю родину – любовь к родине*)¹⁵². Однако более существенную роль в указанном отношении играет лексическая семантика подчиняющего слова (ср.: *вижу море – смотрю на море – люблюсь морем и т. п.*).

В зависимости от того, осуществляется ли управление без участия служебного элемента (предлога) или, напротив, с необходимой помощью такого элемента, различают непосредственное, беспредложное, и опосредованное, предложное, управление. Практически, однако, при разграничении соответствующих случаев учитывают только наличие или отсутствие предлога, что представляется нам неточным.

Дело в том, что само по себе наличие предлога еще не свидетельствует о его участии в управлении. В примерах типа *думаю о друге, слежу за игрой, встретился с приятелем, отказался от помощи, подошел к окну* и т. п. предлоги действительно участвуют в управлении: они являются посредствующими звеньями между подчиняющим и подчиненным компонентами сочетания и, будучи в полном смысле этого слова предлогами относительно последних, одновременно выступают в роли своеобразных послелогов по отношению к первым¹⁵³. Если же мы возьмем примеры: *работая с усердием, приеду перед вечером, сижу по ночам* и т. п., то здесь роль предлогов, очевидно, сводится к тому, что они, не опосредствуя связи подчиняющего и подчиненного компонентов, выступают только в качестве слагаемых морфологической формы последних, как их своеобразные «отделяемые префиксы». Думается поэтому, что в такого рода случаях нельзя усматривать опосредствованное, предложное управление, а следовало бы квалифицировать их как-то иначе. К сожалению, подходящего термина для этой цели мы не имеем.

В зависимости от того, в какой степени обусловленным, предопределенным со стороны подчиняющего слова оказывается выбор формы подчиненного слова, иногда, начиная с «Русского синтаксиса в научном освещении» А. М. Пешковского, различают также сильное управление и слабое управление. При этом учитывается внутренняя семантическая потребность управляющего слова в связи с управляемым. Поэтому, например, к

¹⁵¹ См.: А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, ч. II. Синтаксис. М., «Просвещение», 1968, стр. 32.

¹⁵² Более подробно об этом см. в кн.: Н. Н. Прокопович. Словосочетание в современном русском языке. М., «Просвещение», 1966, стр. 143-150.

¹⁵³ Там же. Стр. 183.

сильному управлению относят как случаи типа *любуюсь морем*, где форма творительного падежа является не только единственно возможной, но и необходимой, так и случаи типа *пишу сестре*, где форма дательного падежа определяется не семантической потребностью управляющего слова, а лишь назначением устанавливаемой здесь связи этого слова с подчиненным ему словом. С другой стороны, например, в сочетаниях *расположился у реки (на реке, за рекой и т. д.)* и *работаю (читаю, сижу, сплю, обедаю и т. д.) с друзьями* усматривают слабое управление, хотя в первом налицо семантическая потребность подчиняющего слова в связи с подчиненным (при возможности выбора различных форм для этого последнего), а во втором – отсутствие такой потребности, но при решающем влиянии на выбор формы подчиненного слова устанавливаемой в данном случае связи.

Вообще понятия сильного и слабого управления являются весьма неопределенными, и поэтому пользоваться ими, может быть, нецелесообразно. Если же иметь в виду обуславливающую роль при управлении упомянутых выше факторов (назначения устанавливаемой связи и семантической потребности в ней со стороны управляющего слова)¹⁵⁴ в их взаимодействии друг с другом, то среди разнообразных случаев, относимых по традиции к данной чрезвычайно широкой и недостаточно дифференцированной сфере, можно выделить по крайней мере следующие:

1. Подчиняющее слово имеет семантическую потребность в связи с подчиненным словом, причем в связи, вполне определенной по назначению и осуществляемой лишь с помощью единственно допустимой формы подчиненного слова, как в примерах: *встречаю друга, любуюсь природой, спорю с братом* и т. п.

2. Подчиняющее слово имеет семантическую потребность в связи с подчиненным словом, причем в связи, вполне определенной по назначению, но осуществляемой при возможности выбора различных форм подчиненного слова, как в примерах: *расположился у реки (на реке, за рекой и под.), находится в столе (на столе, под столом и под.)* и т. п.

3. Подчиняющее слово не имеет семантической потребности в связи с подчиненным словом, но осуществление устанавливаемой связи зависит от семантики подчиняющего слова и предопределяет единственно допустимую форму подчиненного слова, как в примерах: *рассказываю сестре* (при невозможности: *обедаю, сплю, хожу* и т. д. «сестре»), *ходил за продуктами* (при невозможности: *рассказывал, обедал, спал* и т. д. «за продуктами») и т. п.

4. Подчиняющее слово не имеет семантической потребности в связи с подчиненным словом, и осуществление устанавливаемой связи не зависит от семантики подчиняющего слова, хотя ее назначение предопределяет

¹⁵⁴ Там же. Стр. 151–162.

единственно допустимую форму подчиненного слова, например: *работаю* (*читаю, обедаю, сплю, хожу* и т. д.) с приятелем.

5. Подчиняющее слово не имеет семантической потребности в связи с подчиненным словом, осуществление устанавливаемой связи не зависит от семантики подчиняющего слова и не ограничивает выбор формы подчиненного слова, например: *вернулся* (*приехал, спал, обедал, читал* и т. д.) *на рассвете* (*перед рассветом, незадолго до рассвета* и т. д.), *работаю* (*читаю, сплю, хожу, обедаю*) *в доме* (*у дома, за домом, перед домом* и т. д.).

Следует сказать, что отмеченные случаи так называемого управления представляют в сущности различные способы связи, каждый из которых должен был бы получить особое наименование.

Несколько замечаний о так называемом примыкании.

Как известно, этому способу связи нередко дается чисто негативное определение. Примыкание усматривают там, где сочетающиеся компоненты не согласуются и ни один из них не управляется другим.

Фактически же здесь имеются в виду случаи с подчинением (обычно субординативного характера) слов неизменяемых – наречий, деепричастий, инфинитивов.

Поскольку такие слова не обладают специальными грамматическими показателями, с помощью которых корректировались бы и связи с другими словами в предложении, как это имеет место при управлении или согласовании, корректирующую роль при примыкании в необходимых случаях выполняют ритмомелодические и линейные средства языка – интонация и порядок слов¹⁵⁵ (ср.: *Он твердо решил выучить стихотворение* и *Он решил твердо выучить стихотворение*, где в первом примере наречие твердо примыкает к личному глаголу, а во втором – к инфинитиву¹⁵⁶).

Однако неверно было бы думать, что неизменяемые слова вообще свободны в своих связях с другими словами в предложении. Эта свобода в действительности весьма относительна. Она ограничивается, во-первых, принадлежностью неизменяемых слов к определенному семантико-грамматическому классу (или разряду внутри данного класса) и, во-вторых, семантическими и сочетательными свойствами по отношению к ним остальных компонентов предложения (конструкции).

Так, деепричастия могут примыкать только к глагольным формам. Наречия, связи которых шире, чем у деепричастий, все-таки (при прочих равных условиях) также преимущественно примыкают к глаголу. Инфинитив способен примыкать к различным частям речи, но его связи с подчиняю-

¹⁵⁵ Впрочем, это замечание справедливо и по отношению к некоторым случаям так называемого управления (особенно к пятому случаю, который представляет по существу мнимое управление).

¹⁵⁶ См.: А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, ч. II. Синтаксис. М., «Просвещение», 1968. С. 38.

щими словами во многом зависят от лексической семантики последних. Например, при некоторых глаголах инфинитив не только возможен, но и необходим (*могу сходить, умею прыгать, стану заниматься*). С другими же глаголами (*спит, висит, лежит* и т. п.) инфинитив, напротив, вообще не сочетается. Определенные семантические ограничения имеют также сочетания инфинитива с существительными и т. д.

Таким образом, примыкание является способом связи, в значительной мере опирающимся на семантику и общую грамматическую характеристику сочетающихся слов. Но тоже, как показано выше, отличает и многие случаи так называемого управления.

Все отмеченные виды и способы конструктивных связей словесных форм обеспечивают широкие возможности выражения в структуре предложения самых разнообразных отношений между ними и в конечном счете служат для того, чтобы так или иначе организовать интеллектуальное содержание предложения. Именно благодаря этим связям отдельные словесные формы, входящие в состав предложения, приобретают функции его грамматических членов. Но вопрос о грамматическом членении предложения заслуживает, конечно, специального рассмотрения.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что представляет собой предложение в конструктивно-синтаксическом аспекте?
2. Нуждается ли характеристика конструктивной базы предложения в противопоставлениях типа предложение – словосочетание или предложение – синтаксическая конструкция? Почему?
3. Что играет основную роль в построении конструктивной базы предложения? Какие виды связи выделяет И. П. Распопов?
4. Что такое субординация? Охарактеризуйте ее.
5. Дайте характеристику координации как типу связи.
6. Какую связь И. П. Распопов называет тяготением? Какие компоненты предложения связаны этой при помощи тяготения?
7. В каких случаях в предложении возникает связь аппликации?
8. Дайте характеристику трем способам реализации подчинительных связей. Как соотносятся между собой виды связей и их реализации?
9. Какие разновидности управления выделяет И. П. Распопов?
10. Чем ограничиваются возможности примыкающих компонентов в словосочетании?

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Пешковский А. М. Понятие о форме словосочетания.....	8
Пешковский А. М. Связь слов в словосочетании.....	26
Скобликова Е. С. Грамматические средства синтаксиса.....	40
Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке.....	43
Скобликова Е. С. Основные вопросы трактовки управления в современной синтаксической науке.....	68
Шведова Н. Ю. Согласование и координация: их сходство и различие.....	86
Курилович Е. А. Проблема классификации падежей.....	93
Ширяев Е. Н. Управление как тип синтаксической связи: поиски и решения.....	111
Никитин В. М. Система глагольного управления в русском языке.....	117
Апресян Ю. Д. О сильном и слабом управлении.....	128
Апресян Ю. Д. Опыт описания значения глаголов по их синтаксическим признакам (типам управления).....	140
Солоницын Ю. В. О цифровых показателях, характеризующих «силу» управления.....	155
Распопов И. П. Конструктивная база предложения.....	161

Учебное издание

Кошкарева Наталья Борисовна,
Кузнецова Елена Сергеевна,
Сорокина Елена Николаевна

Синтаксические связи
Хрестоматия к семинарским занятиям по курсу
«Современный русский язык. Синтаксис простого предложения»

Учебно-методическое пособие

Оригинал-макет *Н. Б. Кошкаревой, Е. С. Кузнецовой, Е. Н. Сорокиной*

Подписано в печать []
Формат 60x84 1/16. Уч.-изд. л. 10,6. Усл. печ. л. 10,2
Тираж 50 экз. Заказ № []
Редакционно-издательский центр НГУ.
630090, Новосибирск, 90, ул. Пирогова, 2.